

HAL
open science

Россия XX века: Исторические эскизы

Irina Peaucelle, Konovalov Pavel

► **To cite this version:**

| Irina Peaucelle, Konovalov Pavel. Россия XX века: Исторические эскизы. 2010. <hal-00540215>

HAL Id: hal-00540215

<https://hal.science/hal-00540215>

Preprint submitted on 9 Dec 2010

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Павел Коновалов Ирина Посель

*РОССИЯ XX ВЕКА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ*

Авторизованный перевод с французского : Irina Peucelle, Pavel Kononov *Esquisses de l'histoire russe du 20ème siècle*, Série Clichés, Collection L'esprit économique, L'Harmattan, 2005

ISBN : 2-7475-7999-9

EAN : 9782747579995

Художественное оформление Дмитрия Коновалова – Посель

Перевод Веры Гусевой

Финансовая поддержка CEPREMAP (Centre pour la recherche économique et ses applications), Paris, France

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОНТОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ

Выбирая объектом анализа, личность Павла Коновалова, я думаю, безусловно, о лице вполне конкретном, с именем, своей историей, друзьями и своей профессиональной и общественной деятельностью. Однако понятие «личность» полисеманлично и рассматривается мною не только как комплекс индивидуальных черт и социальных ролей, но и как свойство общества, то есть как комплекс общественных характеристик, сконцентрированных в этом лице. Эти черты сформировались в процессе взаимодействия, непосредственного или опосредованного, этого конкретного лица с другими лицами, сделав его субъектом воспитания, труда и взаимоотношений. Этот второй аспект понятия «личность» особенно важен для книги, претендующей стать социальной и исторической хроникой. Павел Коновалов интересует нас не сам по себе, но как «элементарная частица» класса, политической и профессиональной группы, являющаяся самовоспроизводимой частицей этих и других групп общества. Такой подход к понятию личности свойственен социальной психологии, начало которой положено Львом Выготским и, согласно которой, интрапсихологические процессы индивида формируются на основе интерпсихологических, то есть межличностных и социальных процессов. Этот механизм развития психики формируется через ассимиляцию индивидом в своей деятельности культурных и социальных артефактов, сложившихся исторически. Формы деятельности индивида и ассимилированные им сигнальные системы трансформируются затем, создавая самобытные внутренние процессы психики. Таким образом, внешняя по отношению к индивиду и его внутренняя природы оказываются связанными исторически и функционально.

Однако, общество и личность не идентичны, каждодневно они находятся в оппозиции одно другому. Общество выступает как ограничитель индивидуальной деятельности, и все то, что является личным, проявляется как особенное, отличая одно лицо от других.

Процесс социализации двонаправлен: индивид ассимилирует стандарты данного общественного сознания, а некоторые идеи индивида становятся достоянием его окружения, или, порой, всеобщим достоянием. При этом взаимодействии индивидуальное сознание противостоит сознанию коллективному. Из этого противостояния рождается потенциал, способствующий дифференциации поведения лиц, без этого квази-идентичных, и диверсификации их положений в обществе. Именно выявление связи между факторами, определяющими сознание, и факторами, объясняющими мотивацию деятельности, интересует нас в представляемых зарисовках истории советского общества.

Социальная психология учит нас начинать анализ с выяснения того, в какой мере персонаж, Павел Коновалов, со своими видами деятельности, является представителем социальных сил эпохи революции, строительства социализма и войн характеризовавших XX век. Затем необходимо попытаться установить, как собственные черты характера (например, отвага или дерзость, как он это называл) содействуют мобилизации воплощенных в его сознании разнородных общественных отношений, для конкретных действий. Не является ли эта дерзость противодействием детерминизму в его судьбе? Каковы истоки дерзости? Могла ли жизнь персонажа, так же, как и жизнь целой нации, пойти по другому пути развития?

ЭТАПЫ ЖИЗНИ ПАВЛА КОНОВАЛОВА

Павел Коновалов – ровесник XX-го века. Он родился в Санкт-Петербурге 6 января 1901 года в портновской семье. У него было две младших сестры. С шести до тринадцати лет он учился в петербургских школах. В 1909 году отец оставил семью, и с этого времени и до 1917 года дети воспитывались матерью и дядей. В 18 лет Павел Коновалов становится учителем сельской школы и вступает в Российскую коммунистическую партию большевиков. Между 1920 и 1928 он – солдат, а затем офицер Красной Армии, партийный инструктор. С 1928 по 1934 Павел Коновалов – студент и аспирант строительного факультета Ленинградского политехнического института. Между 1934–м и 1939–м годами П. Коновалов работает во Владивостоке, служит в инженерных войсках в звании подполковника. В конце своей профессиональной карьеры, между 1940–м и 1955 годами он преподает в Ленинградском Инженерно-строительном институте. Он ветеран двух войн (Гражданской войны 1918–1924 и Отечественной 1941–1945), кадровый офицер Красной, а затем Советской Армии. С 1956 года до конца своей жизни (он скончался в 1987 году) Павел Коновалов – общественный лектор по вопросам международной политики. В эти годы он написал свои

воспоминания, а также вел записные книжки. В течение некоторого времени он выполнял обязанности Председателя Совета «старых большевиков» Ленинграда.

БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

О происхождении Павла Коновалова мы знаем достаточно много, он регулярно возвращается к этому сюжету в своих воспоминаниях.

Дед и бабушка мои, равно как и мои родители были безграмотны. Дед Артемий вместо своей подписи в редчайших случаях, когда это было надо, против своей фамилии ставил «крест». Отец же и мать, хоть и с трудом, но все же выводили свою фамилию, так как отец ходил все же в школу целых шесть месяцев, а мать – всего три недели. Оба они были отданы в обучение протяжному ремеслу к одному и тому же хозяину. Говорить о какой-либо культуре моих родителей нельзя, равно как и о культуре окружавших их людей. И все же сметливость помогла им научиться читать и кое-как писать и считать. Об их бескультурье говорит хотя бы такая черта нашей жизни в ту пору – обедали и ужинали мы, хлебная щипка или кашу из общей для всех чашки. Представления о том, что существуют такие спальные принадлежности как наволочки, простыни и пододеяльники никто не имел. Спали мы на «сенниках», набитых стружкой, которую брали у лавочников, продававших яйца. Жили бедно и грязно. В квартире из двух комнат и кухни, на Красносельской улице Санкт-Петербурга в нижнем этаже только что построенного дома, наша семья своим дыханием осушала стены и промокла от сырости обои. Сверх членов нашей семьи в квартире обитало множество насекомых: вшей, блох, клопов и тараканов. Мать, выискивая в моей голове или в рубахе вшей, говорила «Ты, Павля, будешь или нищим или богачом, уж очень много у тебя этой живности».

Характеры моих родителей были буквально противоположными. Следуя по пути матери, я бы превратился в прижимистого ханжу, человеконенавистника и мелкой души стяжателя. Да что же можно было спросить с моей матери. По ее мнению все от бога, живи оторвано от других и помни, что все, живущие вокруг тебя, норовят одно – как бы разжиться за твой счет. Работай в поте лица, никого к своему сердцу и душе не подпускай и будешь ты сыт, и уважаем другими.

Отец был человек общительный и не лишенный здравого смысла, он легко обходился с окружающими его людьми и пользовался с их стороны уважением. Он, так же, как и мать, считал, что только трудом можно прожить, хотя иногда и был не прочь заработать и на «левой стороне». В отличие от матери, он не верил в бога, презирал попов и, несмотря на необразованность, был достаточно начитан. Он обладал большой памятью, читал газеты, почти дословно пересказывал ранее прочтенные и понравившиеся ему рассказы и истории. Он рассказывал их случайно и редко заходившим к нам гостям, и в трактире, где около него собирался небольшой кружок его почитателей.

С матерью я споров вести не мог. С пеленок я был приучен, что разговор с ней был короток... пощечина и заявление «Твое дело молчать, слушать и не возражать, когда говорит мать». Она полагала, что жесткость в обращении с детьми совершенно необходима. Порка, пощечины и подзатыльники за малейшую провинность с моей стороны были обычным явлением. Посаженное на рубаху или штаны пятно, а не дай бог уронить и разбить чашку – тут уж мне не миновать порки ремнем от ножной швейной машины...

С отцом было вольготнее. В его присутствии я мог говорить и рассуждать, хотя по какой-то, может быть, отцовской, причине он частенько при этом ставил меня в глупое положение. Глупое, потому, что я не мог порой ничего ответить на его замечания, а ему доставляло некоторое удовлетворение наблюдать, как я барахтаюсь, беспомощно подыскивая слова и понятия, которые могли бы опровергнуть его.

Жизнь не радовала нашу семью. Хотя отец и мать имели свою портновскую мастерскую по изготовлению женских пальто, костюмов и юбок, жили мы исключительно бедно. Бывали дни, когда мы ели один хлеб, и родители не знали заранее, будет ли он на следующий день. Надо иметь в виду, что портняжное ремесло было ремеслом сезонным. Заказы на пошивку поступали только в весенние дни: апрель, май и первая половина июня, потом работа прекращалась, и на все летние дни вся семья переезжала на родину отца в деревню. Возвращались в Петербург к октябрю месяцу, к сезону работы, который длился до Рождества, снова прерывался и возобновлялся перед Пасхой. Я это пишу отнюдь не для того, чтобы драматизировать условия моей жизни: Жили кое-где и похуже!

ЭНДОГЕННЫЕ И ЭКЗОГЕННЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Перечисленные факторы ближайшего окружения, определяющие человеческий и культурный потенциал, даже если бы они были использованы с максимальной отдачей, не дают оснований предвосхитить разрыв Павла Коновалова с социальной группой, которая формирует его личность. Более того, эти факторы должны были лишить его малейшего шанса вырваться за рамки своего круга. Но, во-первых, Павел не достигает высшей ступени возможностей, которые предлагает ему его социальная группа и далек от этого. Он не вовлекается ни в швейное производство, чтобы следовать по стопам родителей, ни в фотографию, ни в кино, хотя, окружен даровитыми ремесленниками–самоучками, как мы увидим на страницах этой книги. Он мог бы в других обстоятельствах развиваться, опираясь на такие основы, в сторону нового искусства. Ведь произведения, созданные яркими представителями его поколения, вошли в историю мирового искусства и продолжают волновать нас.

Во-вторых, жизнь Павла Коновалова основана на новой системе ценностей, также социально детерминированных. Он оказывается в пространстве, где действуют две силы. Одна – распространяемая аристократической средой, стремится сохранить господствующие позиции в экономической, политической и художественной деятельности. Другая – порожденная развитием технических и научных навыков в промышленности, нуждающейся в притоке новых созидательных сил из-за нехватки их среди представителей первой, упомянутой выше аристократической категории образованных людей. На пути, который открывается для всех с распространением образования, и именно в тот момент, когда Павел Коновалов ищет свой собственный путь, он максимально использует свои «наследственные» таланты, в частности, талант рассказчика. Павел вырывается из уготовленного ему пути существования.

В то дореволюционное время существовало несколько видов среднего образования. Одним из них была гимназия. Как система среднего образования гимназия появилась в России в начале XIX века для детей дворян и помещиков. Гимназические программы имели языковый наклон и почти не имели естественных наук. Гимназия давала прямой путь к поступлению в университет, и она была защищена целым рядом положений, традиций, и особенно ценой за обучение, от проникновения в нее «кухаркиных детей». Однако, жизнь брала свое. Развитие капитализма в России потребовало большего количества грамотных людей, и не только грамотных, но и с хорошей математической подготовкой, с умением разбираться в естественных науках, с понятием о счетоводстве и бухгалтерии. Так были открыты реальные и коммерческие училища. Реальные училища имели тот же срок обучения, как и гимназии. Окончившие их имели право занимать не только должности чиновника почтового ведомства – голубая мечта моей матери – но позволяли держать экзамены в высшие технические заведения.

Можно сказать, что, при равной талантливости, люди получившие образование, располагающие к тому же, как Павел Коновалов, большой социальной поддержкой со стороны нарождающегося рабочего класса, вырываются вперед. К тому же, человек, наилучшим образом подготовленный к тому, чтобы занять определенную позицию, хотя бы в силу того, что другие из его группы совсем не готовы занять ее, человек в согласии с идеологией и с требованиями революционных классов (здесь с точки зрения технологической революции), имеет реальные преимущества.

В 1918, в момент, наиболее трудный для молодой революции из-за гражданской войны, растерянный и голодный Павел Коновалов, имея за душой восемь лет учебы, становится учителем в исключительно экстраординарных обстоятельствах. Он пишет:

Я получил следующую инструкцию: «Вот, Павлуха, Советская власть назначает тебя учителем. Без Советской власти учителем тебе бы не быть. Все учительки в нашей волости – поповские дочери позаканчивали гимназии и семинарии. Спасибо, что хоть ребят учат грамоте. Нам же нужно, чтобы учитель помог созданию комитетов бедноты, читал и разъяснял, что пишут «Правда», «Известия» и «Беднота», помогал проводить продразверстку, бороться с дезертирами и уклоняющимися от службы в Красной Армии. Но это в общем, а пока займись ликвидацией неграмотности среди взрослых, а также газетами. Потом по мере надобности будешь помогать Советской власти в остальных делах».

Его аттестата об окончании обучения в «реальном» училище оказалось достаточно для изменения социального статуса. Он пишет в своих мемуарах:

В свои восемнадцать лет, я, по деревенским меркам, уже находился в пред-жениховском возрасте, то есть в том возрасте, когда уже начинают засматриваться на девок и начинают выбирать какую-либо из них себе под пару. Здесь в деревне я понял, что ни парень, ни девка никогда не задаются несбыточными мечтами, не подбирают себе пары, которую можно охарактеризовать как неровня. Неровня – этим словом объяснялось все. В этом наблюдалось какое-то социальное расслоение. Я, с точки зрения деревенских жителей, был нищий. У меня не было надела земли и ничего из живности. Исходя из этого, я не был ровен ни одной девке в деревне. Но я был «образован», а это многое меняло. Ни одного, более образованного, чем я, в деревне не было. Вот почему людская молва решила, что ровней мне может быть дочка деревенского воротилы Кириллы Соколова – Аннушка, а не какая-нибудь Анька, в которых ходили все остальные деревенские Анны. И, следуя молве, как будто по поверью: «Глас народа – глас божий», она, то есть Аннушка, решила, что мы созданы друг для друга. Мы воспылали друг к другу нежными чувствами: были счастливы, если удавалось пройти несколько шагов, взявшись за руки, или посидеть рядом на бревнах на улице, или у них в саду.

В-третьих, Павел Коновалов оказывается в великой социальной революции, не чувствуя ее наступления. Об октябрьских событиях в Петрограде он узнает лишь месяц спустя.

В конце ноября разнесся слух о захвате власти в Питере большевиками, о начавшемся в городе голоде и о спасающихся от этих опасностей горожанам. Первые сведения о большевиках я узнал от заходивших к нам в Питере солдат и из читаемого матерью бульварного листка «Петроградский листок», который, наряду с бесконечными продолжениями какого-то романа какой-то княжны Бевутовой, преподносил и «шпионские» злодеяния большевиков. Как солдатские новости, так и бульварные сообщения «Листка» были наивны, но и они воспринимались матерью, как светопреставление. Я же понимал это на свой лад. Видел, что рушится тот порядок, которым жил я и все окружающие меня. Жалеть мне было нечего, а надеяться на что-то лучшее я не мог, так как не знал, что можно жить лучше нашему брату. А ведь о другой жизни, хотя и туманной, необычной говорили большевики.

ПУТИ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Пролетарская революция не только плод деятельности униженных, но и детище людей, обладающих громадным культурным капиталом, стремящихся к достижению вершин и не приемлющих никаких компромиссов с царизмом. Павел Коновалов не из их числа, но мечтает быть, как они, как эти образованные герои.

Когда мне было 22–23 года, я встретил людей, всерьез читающих стихи. От них я впервые услышал о Есенине, Блоке, Брюсове, Уткине и других совершенно неизвестных мне в ту пору поэтах. Я стал завидовать более эрудированным товарищам, стал тянуться за ними, и «таинство» декламации с трудом постепенно стало раскрываться мне.

Павел учится полемизировать на сложные темы, он очень много читает. «Я прочитал, по меньшей мере, три вагона книг в моей жизни», – любил говорить он. Дискуссии и чтение трансформировали его личность. Вот история имен его сыновей, выразительно иллюстрирующая этот процесс.

Первый, родившийся в 1926 году, был назван Владиленом – сокращение от Владимир Ленин. Своему второму сыну он дал космополитическое имя, неприемлемое в то время, тем более для коммуниста – Роллан. Откуда же это имя? Павел в свои тридцать шесть лет, читая Ромена Роллана, поражен открытием неожиданного товарища, пришедшего из Франции, из далекой эпохи. Этот товарищ, Коля Брюньон, никому не известный ремесленник и пьянчужка, каких Павел хорошо знал. Но Коля Брюньон отличается от жителей севера России, он шутник, он излучает радость созидания. Это одновременно и трагический персонаж, теряющий жену и дом, в то время, как война и чума опустошают его страну. И при всем том этот француз из Бургундии противопоставляет своей судьбе энергию и веселость! «Смех не мешает мне страдать, но и страдание никогда не помешает доброму французу смеяться» – заставляет говорить своего героя Ромен Роллан. Павел очень хотел бы принимать свою боль с таким же юмором, он повторяет себе слова Кола: «Борьба жестока, но бороться – удовольствие». Реплика Кола «Чем меньше я имею, тем больше я есть!», становится максимой Павла Коновалова. Так, сына, родившегося в 1936 году, Павел назвал Ролланом по имени автора принесшего ему любимого товарища.

Эта «непосредственность» причинила впоследствии много хлопот и Павлу и Роллану. В свои шестнадцать лет Роллан написал заявление в Верховный Совет с просьбой разрешить ему изменить имя.

ИНИЦИАТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ, НАКЛАДЫВАЕМЫЕ ОБЩЕСТВОМ

Работа в партии разворачивается в условиях крайней раздвоенности между крестьянскими догмами, обладающими социальной и исторической силой традиции, и революционными и культурными ценностями, внедряемыми образованными людьми.

В Красной Армии партия боролась за наведение дисциплины и порядка в отношении всех и всяких умонастроений, основанных на старых традиционных, живших из поколения в поколение положениях. Эти положения нужно было расшатать, изжить и на их месте поставить новые ценности, новые положения, привить новые привычки, вдохнуть новый дух, рожденный Октябрем. Не обходилось в то время и без перегибов, в то же время совершенно оправданных. Не Фет, не Лермонтов, даже не Пушкин, а Демьян Бедный был образцом поэта. Есенин, Блок, Маяковский – были поэтами интеллигенции и воспринимались они «эстетам», которых среди красноармейцев были единицы.

Теперь часто говорят о «долге памяти», заостряя внимание на тех эпизодах в жизни народов после братоубийственных войн, когда последующая социальная эпоха пытается уничтожить следы этого прошлого, а следующая за ней считает своим долгом их восстановить и покарать виновных за забвение.

Всевозможные социальные группировки и группочки пытались распространить свое влияние на красноармейцев, в основной массе крестьян, используя утвердившиеся веками представления в головах неграмотного, богобоязненного крестьянина. Вот почему отрицание прошлого было основой основ работы коммунистов тех времен. Это прошлое нужно было не только осмеять, но и привить к нему ненависть, ненависть классовую, ненависть большевика. Очень нелегкая это была работа! Говоришь с людьми о пролетарской революции, о необходимости крепить мощь Красной Армии, о мировой революции и о задачах пролетариата, и видишь в глазах многих не только неприязнь, а ненависть.

Личность, как и эпоха, противоречива. Павел Коновалов представляет новый мир советской технократии, но он не становится ни героем, ни мучеником режима. Он не скрывает своих "измен", хотя, может быть, это и не измены, а моменты здравого взгляда на действительность. Вот две жизненные ситуации.

Первая. Одно из многочисленных собраний – дискуссия двадцатых годов о демократическом централизме в партии и о «демократии масс». Противостоят позиции Центрального комитета, с одной стороны, и троцкистов, с другой. По требованию партийного комитета полка Павел Коновалов берет слово и излагает свою точку зрения.

Я выступил на собрании на половину как «аппаратчик», и на половину как троцкист. Я говорил, что ЦК – коллективный мозг партии и тот, кто посягает на его авторитет, тот становится на антипартийный путь, но с другой стороны, все же хорошо было бы и органы партийного руководства в армии сделать более демократичными. Собрание не пришло к какому-либо решению, хотя и продолжалось восемь часов. Вопрос был перенесен на партактив дивизии. Начальство подива на собрании отмалчивалось, и я выступил с предложением, чтобы избираемый на партконференциях дивизии секретарь парткомиссии, в целях демократизации армейских политорганов, назначался и заместителем начальника соответствующего политотдела. Начальство эта моя позиция в какой-то мере устраивала, и мне предложили сформулировать ее письменно. Не долго думая, я эту свою точку зрения изложил на бумаге и передал в президиум собрания. Но, по прошествии некоторого времени я понял, что дал кому-то в руки документ, который в какой-то мере не соответствует официальной линии ЦК. Поэтому, когда был объявлен перерыв на перекур, я, подойдя к столу президиума, наспех сформулированную мною позицию в документе взял обратно, благо она лежала на столе среди других бумажек и записок в президиум. Когда ЦК, получив повсеместную поддержку всей партии, приостановил на время дискуссию и начал перестановку работников, как в военном, так и в гражданском партийном аппарате, я со своим предложением уже не выступал. Я не боялся репрессий, их еще

не было, да и жил я один, как перст, а перестал выступать просто потому, что убедился в их никчемности и вздорности.

Вторая. К концу гражданской войны на одном из партийных собраний полка Красной Армии Павел Коновалов был награжден книгой «Хрестоматия марксизма» с надписью «Активному члену партийного коллектива полка». Этот подарок долго хранился у меня, вплоть до 1932 года, когда мною и был уничтожен. Дело в том, что в этой хрестоматии, наряду со статьями Маркса, Энгельса и Ленина, были помещены статьи Троцкого, Бухарина, Зиновьева. Хранить хрестоматию к этому времени стало опасно, и я сжег ее полностью.

Таким образом, Павлу Коновалову можно приписать способность вести себя в соответствии со средой, в которой он преуспевает: он сознательно ищет пути, обеспечивающие ему социальное преимущество, и он вырабатывает способность маневрировать в этой среде.

С момента вступления в партию в 1919 году моя работа, а с нею и вся моя жизнь значительно изменились. Я сразу же почувствовал это. Окружавшие меня стали более осторожны в разговорах, а я стал более категоричен в своих суждениях.

Но есть в его облике и более симпатичные черты; так, в согласии со своей средой, он не ищет путей «оптимизации» своего рабочего времени и не встает на путь накопления материальных благ. Будучи «брошенным» революционными солдатами, неграмотными деревенскими жителями, в мир знаний, Павел Коновалов стал достаточно свободным и удачливым, чтобы развить свои природные данные. Он покидает среду крестьян и ремесленников, и создает для себя свою собственную среду инженеров и техников, с одной стороны, и профессиональных политиков, с другой.

СПЕЦИФИЧНЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Вот несколько событий из личной жизни Павла Коновалова, которые, будучи сами по себе незначительными, всякий раз изменяли траекторию его жизни, приведя его в свою уникальную и самобытную позицию в обществе.

Было время, когда многие старые члены партии, и не только обычные члены, но и выдающиеся, были под подозрением. Чем дольше длилось членство в партии, тем больше был шанс попасть под подозрение. Бывали моменты, когда было исключительно опасно демонстрировать свою «коммунистическую бороду». В 1938 году на стройке, руководимой Павлом Коноваловым, имел место инцидент, который повлек за собой значительный материальный ущерб. В тот год борьба с «саботажниками» была особенно актуальной, и малейшее подозрение могло оказаться для него роковым. Это могло закончиться и исключением из партии, но, скорее человек мог быть объявлен «врагом народа» со всеми вытекающими последствиями. По счастью П.Коновалов вышел из этой ситуации невредимым. Этот эпизод изложен в шестой главе книги.

В 1917 Павел Коновалов был уволен со службы на главпочтамте, где работал на сортировке почтовой корреспонденции, по подозрению в воровстве (глава 3). На первый взгляд это было трагедией, так как его служба в почтовом ведомстве была осуществлением вожделенной мечты матери. Но, если бы эта несправедливость не свершилась, Павел Коновалов никогда не разыскал бы своего отца после его восьмилетнего отсутствия, не отправился бы с ним в деревню во время революции, а влачил бы жалкое существование, годами сортируя письма, отрезанный от всякой политической жизни.

Если бы он не был назначен революционными солдатами учителем в деревне, он не имел бы случая наблюдать и анализировать экономическую и социальную ситуацию в стране и, вероятно, не вступил бы в партию и не стал бы ее ветераном. Первые шаги по направлению к партии – это внимательное чтение газет и споры с отцом о роли крестьянства.

В детстве, чтобы вырваться из материнского плена, он стал болтлив и резок в выражении своих мнений. К счастью он встретил старого меньшевика, который умерил его неудержимость, продемонстрировав ему то, что означал в партии большевиков принцип демократического централизма. Без этой встречи, со своей детской порывистостью и говорливостью он неминуемо соскользнул бы к троцкизму и левацкой тенденции НЭПа.

Если бы его отец в одной из бесед не высказал мысль о том, что есть люди, которые стали знамениты и заслужили авторитет в своем окружении благодаря своему красноречию, Павел Коновалов не стал бы оттачивать стиль своей речи. В 1980 году Павел Коновалов пишет: *Еще*

сейчас я числюсь хорошим пропагандистом, и моя фотография вот уже лет десять висит на доске почета в Райкоме, но сказываются годы, а с ними тускнеет и моя слава хорошего агитатора – пропагандиста. Не научись я в молодости связно, а главное образно, излагать свои мысли, что само по себе развивало мою память, я бы не смог из обыкновенного посредственного инженера – строителя превратиться в 1940 году в преподавателя высшего военно–учебного заведения, а уж затем, раз назвавшись груздем и уложенный – согласно русской поговорке – в корзину, я начал писать и печатался в прессе, опубликовал статьи и ухитрился даже выпустить небольшой учебник.

Началась Великая Отечественная война, офицер Павел Коновалов, не имевший ни специальных военных знаний, ни специальной подготовки, не мог быть направлен на передовые линии фронтов. Поэтому он оказывается на фронте лишь дважды (На Ленинградском фронте и Центральном) и в общей сложности в течение шести месяцев. «Только» дважды он побывал в боевых условиях: один раз под бомбежкой и другой – под артиллерийским обстрелом (глава 6). Но остался жив и не был ранен.

Когда позиция человека в общественной ткани оказывается как бы закрепленной за ним, он сталкивается с испытаниями, связанными с необходимостью делать выбор, с трудностями, возникающими из–за сосуществования взаимозаменяемых целей развития общества, с обязательствами по отношению к окружающим людям; иначе говоря, с жизнью осуществляющейся благодаря самореализации в системе действий. Динамика успешной карьеры зависит от вероятности попадания в ту или иную страту общества и от сотрудничества, в котором каждый находит свое место и благодаря которому рождается мультипликативный эффект, обнаруживаемый в результатах общего труда. На профессиональном пути Павла Коновалова было два эпизода такого рода, изложенные на страницах этой книги.

В возрасте 28 лет Павел, уже глава семейства, оказывается на одной студенческой скамье с молодыми и блестящими студентами. Он входит в состав одной из групп и изучает «бригадным методом» профессию инженера: один за всех (то есть сдавать экзамен за группу) и все за одного. (глава 4).

В конце 30–х годов под большим секретом (секрет «полишинеля») и при крайней подозрительности бригада инженеров и военных техников работает на строительстве сахарного завода на Дальнем Востоке. Малейшая ошибка может быть фатальной, а любая человеческая поддержка – жизненно важной. (глава 6).

Эти две жизненные коллизии содействовали расцвету личностей и глубокой дружбы до конца жизни между соратниками по испытаниям.

Биография Павла Коновалова, описывая для каждого этапа его жизни, своеобразие поступков, новаторских и в то же время осторожных, демонстрирует многообразие потенциально возможных путей онтогенеза его личности и позволяет почувствовать сложность исторической эпохи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ТРУД

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

В первой части этой главы я привожу страницы опубликованной в 2003 году книги Павла Коновалова «История одной жизни» воспроизводящие атмосферу российской сельской жизни в первой четверти 20-го века. Здесь собраны рассказы старейшин его семьи, касающиеся образа жизни на северо-западе России, воспоминания о каникулах в деревне в раннем детстве, размышления об аграрном будущем России и о влиянии на судьбы членов семьи начавшегося массового переселения в город. На других страницах рассказывается о собственном опыте Павла Коновалова как земледельца во время революции 1917 года, а затем как активиста в рядах большевистской партии, когда осуществлялось плановое изъятие сельскохозяйственной продукции для города и Красной армии. Напомню, что П.И. Коновалов не крестьянин, это важно иметь в виду, приступая к чтению этой главы. Фрагменты записок, собранные здесь, не имеют целью раскрытие его личности, как предшествующая глава. Имена членов его семьи и некоторых других персонажей сохранены для облегчения чтения, с одной стороны, и для того, чтобы подчеркнуть глубоко русские корни их носителей – с другой. Эти имена не встретятся более в других главах, и читатель может их забыть без ущерба для восприятия.

Записи Павла Коновалова неизбежно несут знание страны изнутри, на основе пережитого и рассказов, услышанных в его окружении. Только тогда, когда знаешь страну также со стороны, извне, или через научные труды, имеешь возможность рассматривать народ и экономику или как исключительную целостность или как абсолютно схожую с другими, или как часть, дополняющую остальной мир. Во втором разделе главы я пытаюсь применить принцип «внешнего» взгляда, чтобы приблизиться к миру российской деревни. На этом пути исследование неизбежно выходит за рамки простого комментария к рассказам Павла Коновалова.

Однако, целая серия тем выявлена непосредственно из чтения его страниц. Большая часть из затрагиваемых тем уже много лет подвержена трактовке и весьма противоречиво в академических и политических кругах. Такие из них как массовый исход из села, военный коммунизм, аграрный капитализм или обобществление средств производства и крестьянского труда – оказали существенное влияние на ход истории. Я возвращаюсь к этим проблемам не только для тех, кто не изучал историю России двадцатого века, но и для того, чтобы найти их место в современном контексте социального и экономического развития. Действительно, некоторые проблемы представляются исчерпавшими себя, а порой и разрешенными. Тем не менее, зная, что будущее строится не только из преодоления новых радикальных проблем, но и из анализа попыток разрешения старых, приглушенных, кажущихся устаревшими, возврат к ним может быть благотворным. Возьмем, к примеру, вопросы, которые всегда будоражили умы: Что важнее сообщество или индивидуум? Сиюминутные интересы или всеобщий согласованный прогресс?

Некоторые темы, поднятые Павлом Коноваловым, относятся к сфере антропологии и этнологии: происхождение имен, одежда и обычаи крестьян, способы организации труда и проведения праздников. Несмотря на их бесспорный интерес, эти темы не будут иметь дополнительного развития во второй части главы.

1.1. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПАВЛА ИВАНОВИЧА КОНОВАЛОВА

ОБРАЗ ЖИЗНИ ДЕРЕВНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РАЙОНА РОССИИ

Мои предки происходили из крестьян самого глухого угла сравнительно известной Ярославской губернии государства Российского. Глушь тех мест подтверждали сказки и прибаутки, в большом числе ходившие в народе, высмеивавшие пошехонцев, то есть жителей мест, где рождались, жили и умирали мои деды и прадеды.

До сих пор в памяти моей встают бородатые лица прадеда и деда. У первого – прадеда Фаддея – борода седая длинная, щедровитое, как говорили в деревне, после оспы лицо и с большой лысиной голова. Он обретался большей частью на печи или на полатах. Дед Артемий был тоже бородат, только борода была покороче и значительно темнее, более темные и густые на голове волосы.

К тому времени, как я появился на свет, моя бабушка Акси́нья, благополучно родила и вынянчила шесть сыновей и одну дочь. Да почти столько же рожденных ею перемерло – отдали богу души – в детстве. Нужно упомянуть, что, как дед, так и бабка, ко времени моего рождения были, хотя и не первой молодости, но еще трудоспособны и жизнедеятельны. Так уже после того, как родился я, их первый внук, у них, в свою очередь, родилась дочь Анна или Анюта, как обычно ее звали.

Ярославцы славились отхожими промыслами. Как я позже выяснил, из нашего, самого глухого из самых глухих углов Пошехонья, мой отец был первым, кого направили в Питер в учение портняжному ремеслу. Так из шести сыновей мой дед для продолжения хозяйства и для работы на земле оставил только Василия и Федора, остальные, вслед за моим отцом, отправлялись в Питер обучаться тому же ремеслу.

Мной занимается моя бабушка. Вот вижу себя на лавке за столом, и бабушка, обращаясь ко мне, говорит: «*Коминец*, съешь яичко». *Коминцем* называли ласково внуков и сыновей (Возможно, испорченное «кормилец»?)

Вот я отошел за три дома от зимовки, где в то время проживали дед и бабка. Широкая, как мне казалось тогда, улица между двумя рядами домов, поросшая ромашкой и лепешками от прошедшего стада, и следами колес. Избы в большинстве своем приземистые с низкими небольшими окнами и только выделяются два дома, строящийся пятистенок моего деда и *пятистенная* большая изба, расположенная напротив, за четыре дома от нас. Чтобы посмотреть на окна этих пятистенков, мне приходится задирать голову.

Свой пятистенок мой дед строил в основном на те деньги, которые высылали ему сыновья, вышедшие из учеников в подмастерья, и, в первую очередь, мой отец. Но видно заработки сыновей, да и доходы деда от хозяйства были невелики, так как эта *пятистенная* изба, постройка которой началась до моего рождения, была закончена, когда мне стукнуло семнадцать лет. Пока собирали и сколачивали деньги на кладку печи и отделку и протесывание стен внутри, нижние венцы подгнили, и их пришлось заменять новыми. Но, тем не менее, по сравнению с зимовкой, пятистенок, где уже можно было жить летом, порадовал мое воображение: потолки выше, окна больше, стены белее.

Деревня находится в 30-ти верстах от железнодорожной станции. Работающий в Питере житель деревни имел нищенский достаток, но таков уж был неписанный закон, сложившийся в нашем краю, что он со станции должен был ехать в тарантасе на паре с бубенцами. Приехать в телеге на одной лошади, а тем более, прийти пешком считалось совершенно невозможным. Если за зиму не удавалось сколотить *трешки* для найма злосчастной пары и тарантаса, то питеряк ехать в деревню не решался – засмеют. Родители сгорят со стыда перед соседями, так как всякий из *питеряков*, который не мог позволить себе эту роскошь, рассматривался в деревне или как отъявленный лентяй, или пропойца.

Летом, по велению деда, отец с матерью приезжали гостить в деревню. Для меня особенно радостны были эти годы, когда привязывали корзинку к задку тарантаса, а впереди укладывали

свертки и узлы с кой-какой питерской снедью, я забирался на колени отца или матери и отправлялся в сказочное, как мне казалось тогда, путешествие.

Нанятый на станции Шексна ямщик не особенно гнал лошадей, полями и перелесками ехали почти шагом. Но вот деревня, и наш кучер старается проявить и собственную и лошадиную прыть. К деревне подъезжают под грохот бубенцов с наибольшей быстротой и еще быстрее проносятся через деревню. Деревенские ребяташки, услышав звук бубенцов и колокольчика, бегут открывать отводок, а мать или отец столпившейся у отводка детворе бросают несколько баранков в награду за их работу. Как это ни странно, но баранки в наших местах считались не меньшим лакомством, чем конфеты и пряники. Я так и не видел, чтобы *питеряки* одаривали ребяташек, чем-либо иным кроме как сухими, последнего сорта баранками. И вот мы подъезжаем к Фоминскому. Бубенцы уже предупредили о приезде *питеряков*, и навстречу выбегают из избы дед, бабка и дядьки. Меня подхватывают на руки и с торжеством несут в знаменитый пятистенок. Мать и отец достают свои нехитрые гостинцы и одаривают братьев и сестру, а деду отец торжественно вручает десятку, а то и две. Мы, вернее отец и мать, угощаем деревенскую родню теми же баранками и, почему-то всегда, селедками. Селедок, по-видимому, в деревне приобрести было невозможно. Я даже помню, что разговор о приобретении селедок и сохранении их начинался у отца с матерью еще задолго до выезда в деревню. Поднимался и обсуждался вопрос, не на какие деньги брать ее и не какие лучше брать, это, как видно, было определено традицией, а о том, как их паковать, сохранить и довести. Видно, разговор о селедках переносил отца с матерью от забот о хозяйстве в городе к радостному чувству освобождения от питерских невзгод при поездке в деревню. Позднее этот вопрос с селедками решался проще – появились бочонки селедки весом по десять – двенадцать фунтов. Конечно, на стол ставилась водка, а иногда на столе появлялся и привезенный из города кусок колбасы, тонко нарезанной еще в лавке. Меня угощали все тем же яйцом и опять с таким же ласковым обращением *коминец*. На стол ставился огромный самовар, в котором, уложенные в полотенце, варились яйца.

Кстати о самоваре и самоварах. Самовар был в те времена величайшей роскошью. Был он далеко не в каждой избе. Роскошь иметь свой самовар, а тем более часы с кукушкой, могли позволить себе в нашей деревне только те, которые имели своих *питеряков*, да еще торговцы, а их было двое. И самовар, и часы с кукушкой, и строящаяся *пятистенная* изба все это было следствие того, что три сына моего деда работали в Петербурге. О собственниках самоваров создалось мнение, что это наиболее зажиточные хозяева. И в деревне можно было слышать такое, когда хотели сказать о том, как хорошо и богато кто-либо живет: «у них каждый день чай пьют». В ту пору действительно чаепитие было роскошью. Чтобы позволить себе пить чай, необходимо было на деньги покупать чай и сахар, а деньги в сознании мужиков представлялись чем-то недостижимым. Ведь крестьянское хозяйство даже в начале XX века в наших местах было почти полностью натуральным. Хлеб, мясо, молоко, масло коровье и растительное, а также, в наших местах, льняное белье, которое изготовлялось из полотна самотканого – все это производилось в семье. В каждой избе стояли красна, и в каждой избе бабы ткали. А наиболее искусные ткачихи славились своими тонкими полотнами. Из полотна шили белье, более грубое шло на портки. Ткали также скатерти и половики. Так что деньги требовались только на чай, сахар, керосин и белую муку. Мука являлась предметом большой роскоши, так как пироги из белой муки пекли не все, и то по большим праздникам.

Как ни странно, но в нашей деревне в ту пору вместо разменной монеты имели хождение яйца. Яйцо – одна копейка. За яйцо в лавке у Корнилова-Соколова можно было купить стакан семечек или пару конфет из патоки. Девка, скопившая пару дюжин яиц, у того же Соколова могла купить ленту, а парни, своровав яйца и получив четвертак, могли разжиться на косушку водки. Тем не менее, забота, как бы раздобыть рублишко, постоянно владела умами мужиков. В обиходе семьи деньги не были нужны, но без них нельзя было обойтись при выданье дочки замуж, при женитьбе сына, крестинах или похоронах. Приданое, хотя бы и самое несчастное, должна иметь каждая девка мечтающая выйти замуж. А это требовало покупки пары ситцевых платьев и двух трех платков на голову. Свадьба тоже требовала расходов на водку, белые пироги.

Кроме того, все парни в деревне горели желанием зимой иметь легкие санки, а летом тарантас, так как это считалось верхом зажиточности и венцом благополучия хозяйства. Владельцев санок и тарантасов, и девок, имевших солидное приданое, в наших деревнях называли *славутниками* или *славутницами*, по-видимому, потому, что о них шла слава. Расходы на приобретение этих вещей требовали уже десятков рублей и заставляли беречь каждую копейку. Разменять на что-нибудь

гривенник, или, не дай бог, рубль считалось большим несчастьем, да и менять нечего было, так как денег почти ни у кого не было.

Заработком в наших местах, а вернее источником доходов в те времена, были: главным образом молоко, лен, и, отчасти, овес. Отдаленность от городов (ближайший город в шестидесяти километрах) и железной дороги (тридцать верст), сравнительно малая населенность, позволяли иметь большое количество покосов, а значит и возможности содержать скот: коров и овец. В деревне, дважды в день после дойки, молоко сносилось в сыроварни, содержащиеся местными купцами. Сыров у нас не варили, но, тем не менее, это название было распространено применительно к маленьким маслодельням. В сыроварне из принятого молока изготовлялось масло. Сыроварню – этот, громко говоря, завод – обслуживала *сыроварка* и ее помощница, а оборудование включало сепаратор и маслобойку, обе приводились в движение вручную. На обязанности *сыроварки* лежало принимать молоко, записывая его в фунтах в заборные книжки, перегонять его через сепаратор, собирать сливки и пахтать масло. Купцы, имея свои сыроварни, содержали и лавочки, в которых под молоко часто отпускали керосин, чай, сахар, пряники и ситец. По дешевке скупая молоко (кроме как в своей деревне молоко не продашь, поэтому его отдавали за бесценок), а необходимые предметы, так как другой лавочки близко не было, продавали с большой наценкой; купчики весьма быстро выходили в купцы и в купчины. Начав торговлю и скупку молока с какой-нибудь сотней-другой рублей, некоторые из них через десяток лет выходили в *стотысячники*. Обычно это были изворотливые, грамотные и не клавшие охулки на руку люди. Из деревни в семьдесят дворов, может быть, только 10-15 крестьянских хозяйств в своей расчетной книжке не имели долг за купцом, а остальные, как правило, были в долгу, как в шелку. Часто бывало так, что не только молоко за полгода вперед, но и яйца были запроданы купцу. Льна сеяли много, но урожаи были неважные. Теревление, мочка, обработка на мялках, трепка и ческа льна велась всей семьей, в основном для себя, а незначительная часть попадала в руки купцов. В хозяйстве прибытку немного, а купцу – с мира по нитке. Большие, на десятки верст залегающие дремучие леса, позволяли устраивать подсеки. Лес валился, пни корчевались – сучья и пни сжигались на месте. Пожарище вспахивалось и года два давало хороший урожай овса.

Сыроварни в деревне играют роль не только экономическую, но и культурную – утром бабы приносят молоко, а вечером даже парни согласны заняться этим делом. У сыроварни пока прогонят молоко через сепаратор, и вернут обрат, можно поделиться новостями, сплетнями, вволю наругаться. Хотя каждая семья жила в своем доме – в деревне обо всех знали все. Нравственный облик молодежи был достаточно высок. Девки привыкли слушать матерщину всегда и везде, но не позволяли себе встречаться с парнем ночью один на один. «Говорить – говори, но в руки не бери», – как-то сказала мне моя молодая тетка. Боязнь прослыть распутной на всю округу и тем самым испортить себе будущее, крепко довлела над женской половиной деревни. Если говорить о парнях, то они могли говорить и петь препохабнейшие частушки, но ни один из них никогда не решился бы сказать, что он переспал с кем-либо из девок, так как ему все равно не поверят, да навлечет на свою голову срам, да и костям может достаться. Носителями разврата в наших местах были сыроварки, да и то неоткрыто, а «благорасположением» купеческих сынков. Сыроварки большей частью были приезжими из дальних деревень.

В деревнях у нас служили только *сыроварки* с помощницами и пастухи, коровьи и овечьи, с подпасками. Из семидесяти дворов в деревне только в трех дворах, и то на лето, нанимали работников (слова батрак у нас не существовало). Эти семьи имели большую запашку и сенокосы при незначительном составе семьи. В остальных же хозяйствах, а семьи были большие, сыновья выделялись поздно, работниками были младшие члены семьи, да и старики ломали спины всю жизнь. Скуден достаток был, а труд, особенно летом, тяжел и изнурителен.

У нас до лета 1911 года никто понятия не имел о плугах, а большинство пахало не сохами, а косулями, бороны в абсолютном большинстве были деревянные. Вспахать клин яровой, а потом сжать рожь и ячмень, а их жали только серпами, вытеребить лен и, наконец, заготовить на зиму сена и вспахать еще озимый клин – заставляло работать всю семью от рассвета до темноты.

Во время сенокоса в деревне не оставалось никого, кроме ребятишек до восьми лет, да стариков, которые уже не могли ходить. Все остальные задолго до солнца – уже на покосах.

Избы пусты. Они никогда не запираются. В любую можно войти. Как свидетельство, что в избе никого нет, к дверям приставлен батожок.

Нельзя не упомянуть об одной особенности нашего Фоминского. Деревня имела три края, каждый имел свое название: Барыковский, Дурновский и Цаплюговский. Названия произносились как Барыковский, Дурновский и Цаплюговский край. По-видимому, сказалась близость Вологодской губернии. Как там, так и у нас вместо Ц произносилось Ч (чарича вместо царица, чапля вместо цапля). Каждый край имел свои три поля, выгон – выгороду, и каждый край имел свой надел (душевой надел). Бырыковский край – больше. Цаплюговский – меньше. Деление деревни на три края напоминало о крепостном праве, она принадлежала трем барам Барыкову, Дурнову и Цаплюгову. Но сведений, где жили эти господа и как они правили своими крестьянами, мне установить не удалось, так как, когда меня этот вопрос заинтересовал лет в шестнадцать, все старики уже перемерли. Во всяком случае, ясно, что в деревне не было ни одного господского дома, и крестьянами управляли старосты. След старост тоже исчез, кто они были, куда делись – неизвестно.

Интересная деталь – мне рассказывали старики – барин Цаплюгов был, как видно, одержим страстью, по особому нравящемуся ему рецепту, составлять семьи. Владея животом и душами своих крепостных, он взял за правило некрасивому парню давать в жены красивую девку. Чем больше разница, тем ему лучше. Мой прадед Фаддей был *щедровит*, лыс и невзрачен – зато бабушка Апросиния, выданная за него по воле барина, была одной из красивейших девок на деревне.

Дед Артемий был абсолютно неграмотным, но исправно вел счет пудам молока, которые семья продавала местному богатею Соколову, никогда не сбивался в счете суслонив нажатой ржи, в числе копен накошенного сена. Работал он всегда. Пил только в праздники. Праздников в Фоминском было четыре: Пасха, Рождество, Николин день (летний) и день Кирика и Улиты. Не отказывался сходить в соседние деревни на Троицу, Петров день, Иванов день и прочие. В возрасте шестидесяти лет он говорил, что в зимнюю стужу, на морозе без рукавиц, сможет, при случае, на дровнях установить завертку (свернутый из лыка ели жгут, связывающий дровни с оглоблей). Дед в деревне принадлежал к числу справных мужиков. Еще от деда Фаддея в наследство он получил несколько десятин покоса по реке Сарке, как говорилось за Саркой, в Дулино или в Копылово. Эти пустоши мой прадед Фаддей купил у помещиков Дулина и Копылова на заработанные деньги при приработке на проведении или восстановлении Обводного канала в Петербурге. По одной из версий, наша фамилия Коновалов происходит от этой деятельности Фаддея, так как он, как тогда говорили в деревне «канаву валил». Кроме этого, как положено, он обрабатывал и положенный на душу земельный надел от общины. Земли в наших местах – бедные, поэтому на одну душу, а душами считались одни мужики, земли нарезали с учетом того, что часть мужиков отправлялась в город на заработки.

Нравы были самые первобытные. Дед мог говорить и считал совершенно нормальным говорить обо всем, называя своими именами все вещи, о которых принято говорить намеком или обычно вообще не упоминать. Дед никак не мог понять, когда *питуеряки* пробовали убедить его, что это нельзя говорить, или, почему вдруг нужно называть то или иное действие или предмет по-другому, когда оно имеет всем понятное название. Но говорилось это без какой-либо задней мысли. Все увещания старика ни к чему не привели, хотя сам по себе дед был очень мягок и даже плаксив.

Хозяйством заправляла бабушка. Она являлась средоточием жизни в семье и ее, а не деда, побаивались сыновья.

Как-то однажды дед Артемий решил посмотреть на городскую жизнь. Он был с почетом принят моим отцом, «нужно же было как следует угостить батю». Хлебнув водочки и закусив чайной колбасой, он ругнул ее слегка матерно, заявив, что у него в Фоминском копченая баранина куда *скуснее*, по привычке деревенской стал искать печку, чтобы забраться на лежанку и соснуть с дороги. Приняв за печку стоявший в углу черный умывальник, полез на него, понося мою мать за то, что она плохо топит печку или за то, что ее совсем не топят.

Рожденные и выросшие в непосильном крестьянском труде, мои предки были большими практиками и одержимыми неумным желанием работать. Весной, летом, осенью, за исключением праздников, не оставалось ни одного свободного от работы часа. Иное дело зимой, когда работы сводились к уходу за скотом, заготовке дров и подвозу с дальних покосов сена.

МУЖИКИ И КУЛАКИ. РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В наших краях я оказался летом 1917 года и прожил там несколько лет. Приехал я с отцом, который после демобилизации из армии оказался без работы. Работы портновской ни в Петрограде, ни подавно в деревне, не было. Нельзя сказать, чтобы к крестьянской работе он не был приспособлен, он ею не занимался лет тридцать, то есть с детства. Отец хоть и не крестьянствовал, но свою деревню, свою родину любил самозабвенно. Работая в Нижнем Новгороде, а потом в Вятке, он сумел сколотить сотни две-три рублей и построить для себя дом «крестовик» в Фоминском. В той деревне проживали одной семьей: дед Артемий, бабка Аксинья, мой дядька, младший брат отца девятнадцатилетний парень Дмитрий, моя тетка, несколько старше меня – Парасковья, и моя тетка, младше меня – Анка. Напротив дома деда стоял дом выделившегося, второго по старшинству дядьки Василия. Были и еще сыновья. Степан, преуспевший в Петрограде, и два других – Николай и Федор, находившиеся в немецком плену.

Второй сын моего деда, Василий, был молчаливым и, можно сказать, неуютным мужиком. Он был тугодум, на жизнь не жаловался, жадноват и не прочь был выпить на чужие деньги. В войне 1914 года он повоевал года два и вернулся живым и здоровым к своей жене, тетке Анне.

Судьба и жизнь двух других братьев, Николая и Степана, была весьма примечательна. Николай двумя годами был старше Степана, поэтому он уже в пять лет был приставлен к Степке в качестве няньки. Таскал его на *закоурках*, кормил кашей, оставляемой матерью в печи, получал шлепки по жалобам Степки за невнимание к нему со стороны Николая. Но вот семью посетила болезнь – оспа. Оба брата лежали в одной постели и болели одновременно. Болезнь по-разному обошлась с братьями. Николай на всю жизнь остался с изрытым оспой лицом и на всю жизнь получил кличку «корявый». Степка тоже пострадал, он окривел, но лицо осталось чистым. Следствием болезни было то, что Николая взяли в солдаты, а Степана – нет. Николай остался кривоногим и низкорослым, возможно сказалося таскание на *закоурках* Степки. Степан – строен и ростом более высок. Оба они, по стопам моего отца, были отправлены в Питер на обучение портняжному мастерству. Оба стали неплохими мастерами своего дела, но Николай, будучи «корявым», остался неприкайным до конца жизни, не имел детей, хотя и женился со временем. Жена его тоже носила имя Анна.

Степан же, как только выжил, скопил деньжат, сумел жениться на довольно смазливой девице, ставшей для меня теткой Ольгой. И надо было так случиться, что Николаю в Питере пришлось идти наниматься в подмастерья к своему младшему брату, которого он буквально выносил и вырастил. Покосился Степан на своего старшего брата своим единственным глазом, но все же принял его к себе в работники. Я представляю себе переживания Николая, который, глядя на смазливую жену своего младшего брата – свою хозяйку – и видя в каком *достатке* они живут, невольно сравнивал все это со своим горьким существованием, одиночеством и неустроенностью. В один из дней, будучи навеселе, Николай не смог сдержаться и излил все накопившееся с бранью на голову брата и его жены. Не зная на чем сорвать свою обиду и злость, не имея ничего под руками, ничего, что могло бы досадить им, решил порезать ножом спрятанное в изготовленных из прутьев, но запертых на замки корзинах, достояние брата-хозяина. Проткнув в нескольких местах корзины, Николай ушел. Степан подал на брата в суд, но с голого ничего не сдерешь. Братья стали жить и работать порознь, пока голодовка в Петрограде не загнала их обоих в деревню.

Следующим по возрасту братом моего отца был Федор. Федор, как и Василий, был оставлен дедом в деревне. В Питер на заработки не посылался и всю жизнь до раскулачивания деда проработал в его хозяйстве. В первый год мировой войны он попал на фронт, а оттуда в плен к немцам. Там он проработал у *бауэта* почти до конца 1918 года, после чего – вернулся домой. Ни служба, ни плен его нисколько не изменили. Он был полуграмотным парнем, таким и остался. Во хмелю, он был буен и капризен, но в то же время и трусоват. В 1919 году в лесной деревушке Ивлево он нашел подстать себе девку, женился, отделился от отца и, срубив себе избу на конце Цаплюговского края, стал жить, как и все мужики в Фоминском.

За Федором шел Дмитрий, в просторечии Митька. Он, как и его три старшие брата, прошел школу ученичества портняжному мастерству, выжил, и, если бы не революция, вышел бы в портновские хозяйчики. Он был, как мне казалось, самым толковым, дельным и работающим из всех моих дядьев. В первые послереволюционные годы был красноармейцем, вернулся в деревню, женился на дочке одного из трех фоминских кулаков, тоже Анне, был раскулачен и уехал жить и работать в Рыбинск. В Отечественную войну он был призван в армию и погиб на фронте почти одновременно со своим сыном Владимиром. В отличие от своих братьев, в том числе и моего

отца, он никогда не поносил Советскую власть, воспринимал все события, как естественное развитие революционного преобразования.

Дочерей у деда, то есть моих теток, было две. Парасковья – годом старше меня и Анна – на два года младше. Обе были чернявые (так в деревне называли брюнеток) в деда Артемия. Анна была довольно красивая, смышленная, бойкая и постоянно веселая.

В 1917 году Митька был в женихах, Паранька – ходила в невестах, а Анька была девчонкой на побегушках.

В ходе революции и коллективизации все наделы, не говоря о купленных покосах, обобществились, но дед по старой памяти не позволял выделяться своим сыновьям, памятуя, что большая семья – богатая семья. Мои дядьки, Николай и Федор, вернувшиеся из плена, подросток Дмитрий и, уже отделившийся до революции Василий, решивший, что неплохо было бы еще что-нибудь сорвать с отца, раскулачили его. Что кому досталось – трудно сказать, но вместе с домом Дмитрию достался и дед. У деда, как была, так и осталась во владении праздничная суконная пара (пиджак и брюки) да рубаха ситцевая, а не домотканая (посконная) льняная.

Вот таким своеобразным образом, в девяносто лет от роду, мой дед Артемий был раскулачен "революцией".

Умер дед Артемий в 1938 году, в возрасте 98 лет.

В Фоминском в то время сложилось три кулацких хозяйства. Братья Соколовы Кирилл и Игнатий, да Степан Гурьянов.

Самым богатым был Кирилл Соколов, державший в своих руках восемь близлежащих деревень. Он имел свою торговлю и содержал маслоделательные заводы – *сыроварни*, скупая у крестьян молоко. Игнатий – родной брат купчины, не торговал и сыроварен не содержал, так как за пьянство был отделен отцом с меньшим земельным наделом, а главное без выдачи наличных денег. Братья враждовали, и друг к другу не заходили, хотя жили саженьях в пятнадцати (около 25 метров) друг от друга. Если Кирилл имел двухэтажный дом с первым кирпичным этажом, то Игнатий жил в простом пятистенке, но обшитом тесом и окрашенном масляными красками. Внутри дом был обставлен на простой крестьянский манер, а для ведения хозяйства нанимался один, а то и два работника или работницы.

Держал работника и Степан Гурьянов, но, несмотря на это вся его семья работала до седьмого пота, чем и славилась в округе. Вот в этой семье и выбрал мой дядька Дмитрий себе в жены одну из трех девок.

Мир, в смысле общественности, в деревне был примитивен. Книг, кроме псалтыря, ни у кого не водилось, если исключить Кириллу Соколова. Люди жили слухами, происхождение которых часто было непонятным. Свежую струю внесли в этот мир темноты, суеверий и полной неграмотности, приходившие с фронта солдаты. Таким солдатом был и мой отец. Сейчас полезно будет сказать, что он был человек начитанный. Обучавшись в сельской школе только в течение полутора зим, он с охотой читал газеты и попадавшие под руку журналы. Журналами этими были разрозненные номера «Родины» и «Нивы». Обладая незаурядной памятью, многие из понравившихся ему рассказов он мог пересказывать почти наизусть, чем поражал многих приходивших его послушать. За годы работы портным и солдатской службы в царской армии у него сложились взгляды, которые я бы сейчас отнес к политическим взглядам эсеров правого толка. Он говорил о земле, которая должна быть передана крестьянам, о создании республиканского образа правления, о свободе выборов и свободе предпринимательства.

ГОЛОД В ГОРОДАХ И МЕЛКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

В 1917 году я живу нахлебником у отца и деда. Наносить с утра воды да съездить в лес за заготовленными с лета дровами – вот и все мои обязанности. Пять пар сильных рук семьи деда легко справляются с крестьянской работой зимою. Первые месяцы мы с отцом проживали деньжата, заработанные им в Питере, а потом стало туго. Хлеб начали заменять картошкой да овсяными блинами.

Отец «сориентировался» в этой обстановке и занялся, как теперь говорят, мелкой спекуляцией.

По инерции летом 1917 года все, как всегда, запаслись сеном, продолжая держать коров и продавая молоко. Однако, у купца сыроварни Соколова были немалые затруднения. Продавать масло купцам оптовикам перекупщикам он уже не мог, хранить масло долго нельзя, и он начал продажу масла мелкими партиями по пуду - полтора. Продавал масло Соколов всем желающим, в том числе и отцу, который решил, если не разжиться, то приобрести собственный источник самостоятельного от семьи деда существования. Купив или взяв у Соколова полтора пуда масла, я с отцом отправлялся на станцию Чебсару, частью по дороге, а частью по бездорожью, так как в то время на дорогах частенько «баловались». С грузом надо было втиснуться в теплушку или в вагон и ехать двое или трое суток до Питера. Иногда приходилось ехать и на крышах, способ езды, в то время довольно обычный, но мало приятный в плохую погоду. А заград-отряды? По пути в Питер приходилось преодолевать две, а то и три завесы. Как правило, прочесывание и вылавливание мешочников производилось на станциях Бабаево и Тихвин. В Питере поезд подходил к платформе, уже заранее оцепленной заград-отрядом. У выхода группа солдат осматривала прибывших, подозрительных с багажом препровождали в досмотровый зал, где ими занималась вторая группа отряда. Продукты, обнаруженные в багаже, изымались. Изымалось сало, мясо, масло и мука, остальное, если было в разумных пределах (пуд-полтора), пропускалось. Масло, провозимое нами, тщательно маскировалось, только один раз отец, сунувший пуд масла в футляр швейной машинки, был задержан. Масло было конфисковано, а отцу предложили по добру по здорову убираться, отец еще легко отделался – это было признано всеми. В моем мешке лежала только одна форма масла, килограмм восемь, обложенная со всех сторон картошкой. Ощупав мешок и определив на ощупь картошку, красноармеец пропустил меня. Провезенные и проданные полпуда масла полностью окупили все расходы на поездку. Таких поездок мы сделали семь.

Сделал я и одну самостоятельную поездку. Дело было так. Собралась целая группа мешочников-спекулянтов из Фоминского, я было присоединился к ней. Люди собирались в группы, чтобы более безопасно добираться до станции, компанией забираться на крыши вагонов или висеть на подножках или буферах вагонов, приглядывать за мешками друг друга, охраняя их от расплывшегося вора. Группой легче было прорываться через заград-отряды. Масла в Фоминском я не достал, понадеялся, что достану на Чебсаре, и тоже – провал, почему-то более взрослым с виду продавали, а мне – ни в какую. Махнул на станцию Дикая – два перегона к Вологде, тоже неудача. Тогда решил «тряхнуть стариной» и поехал, как и в прошлое лето, к Вятке. Проехав Вологду и Буй, добрался до Галича. В одной из ближайших деревень сторговал у кулака пуд ржаной муки. Он не только продал, но дал переночевать в каком-то чуланчике и, как голодающего из Петрограда, подвез до станции. Не доезжая полверсты до вокзала, он ссадил меня. Добраться до Петрограда и оттуда обратно в деревню было нетрудно. Опоздание из поездки очень беспокоило отца, но само возвращение и то, что поездка окупилась, его успокоило. Больше я не ездил ни разу, ни с отцом, ни самостоятельно. Сгинуть человеку бесследно, в ту пору, было пара пустяков.

ПОПЫТКА ЖИТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ

Придя к выводу, что спекуляция не дает веса в деревенском обществе и надежного прибýtка, мы с отцом решили заняться крестьянским трудом. Мы понимали, что хлебопашцы мы неважные, но посеять рожь нам бы помогли, а вот сеять то было нечего. Надо доставать семена, так как на месте их достать было невозможно – решили ехать за ними вглубь России.

Слезли в Балезино, что в двух перегонах от Перми, и начали искать продавца. Остановивались в домах более зажиточных. В тех местах деревни были марийские, но почему-то их называли то ли черемисами, то ли мордвой. Как особенность запомнился зажиточный дом, пятистенок. В горнице, на сундуке, покрытом каким-то половичком, были выставлены два русских сапога, до блеска начищенных ваксой. Зажиточность хозяина и богатство семьи было выставлено для обозрения. Закупив пуда три ржи, так как не было больше средств для покупки и сил, чтобы их довести большее количество, просидели в Балезино в тамбуре тормозного кондуктора, где и повернуться то было невозможно – боялись станционного начальства. Мы почти отчаялись попасть хоть в какую-нибудь теплушку, идущую на Вологду, но на счастье среди побитых вагонов и обшарпанных теплушек проступило чудо – мягкий вагон. Одна из площадок этого чуда охранялась проводником. Вторая дверь оказалась незапертой, чем мы и воспользовались. Сидя в тамбуре тронувшегося поезда, мы ждали, когда появится кондуктор и предложит *вышвырнуться*

из вагона, и спасибо, если не на ходу. Отец пошел на отчаянный шаг. Войдя в вагон, он обратился к находившемуся в коридоре, как видно большому железнодорожному начальнику, с просьбой засунуть наши мешки к нему под мягкий диван. Начальник не только разрешил засунуть мешки к нему в купе, но и сказал проводнику, чтобы не гнал нас из тамбура. К Чебсаре подъехали ночью, побеспокоив нашего благодетеля еще раз, забрали мешки и поблагодарив за проезд, с «шиком» сошли с поезда.

Купленная и привезенная нами рожь дала нам урожай "сам три", хотя и высеивалась на подсеке (правильнее подсеке – место с вырубленным и выжженным лесом, дававшее в первые годы неплохие урожаи). С такими хлебными запасами, с девятью пудами ржи, прожить вдвоем, да еще оставить что-то на семена, было невозможно. Нужно было искать иной выход !

1919 ГОД: КОММУНИСТЫ В СЕЛАХ

Как у нас проводилась продразверстка? Вся наша губерния никогда не считалась производителем хлеба на продажу. Крестьянство жило за счет отхожих промыслов, посевов льна, овса и продажи молока. Наша волость издавна считалась бесхлебной, но в тот голодный 1919 год продразверстка проводилась и у нас. Делалось это так: *Упродком* (уездный продовольственный комитет) разверстывает спущенный губернией план по волостям с указанием, сколько пудов ржи волостью должно быть сдано. В волости эти цифры распределялись по деревням. Волостной комитет партии мне как коммунисту поручал доказать крестьянству двух-трех деревень необходимость выполнения этого задания в точно указанные сроки. Я же действовал так: прихожу в деревню (Дьяконово, Шалимово или Молоково) к председателю комитета бедноты и прошу собрать сход. Надо сказать, что и создание этих комитетов бедноты часто было тоже делом моих рук, и делом очень нелегким, так как в их состав никто входить не хотел. На собранном сходе, мы объявляли, кто и из каких крестьянских хозяйств и сколько должен сдать пудов хлеба. Кто и сколько мы предварительно решали в комитете. Количество сдаваемой ржи колебалось от двух до трех десятков пудов в зависимости от состояния хозяйства. Обычно на сходе поднимался гвалт и вот тут-то председатель предоставлял слово мне. Принимая за образец содержание и тон изложения речи, применявшийся ораторами уездного масштаба, я сразу переходил на крик, призывая «Уничтожить стоглавую гидру контрреволюции», описывал голод в городах, говорил о необходимости кормить сыновей, отцов, мужей в Красной Армии, которые голодными «забывают осиновый кол в могилу мирового капитализма». Несмотря на мои громкие и напыщенные речи, а вполне вероятно и из-за них, особого успеха я не имел. К установленному сроку приносили ржи, что называется – «кот наплакал». После этого на сходе объявлялось, что если разверстка выполнена не будет, то представители комбеда совместно со мной, как с представителем *волкома* РКПб, пойдут по домам с обыском и уж в этом случае весь найденный хлеб будет конфискован полностью. В моей практике были два случая, когда с опасностью для жизни, в одном случае нищенка, а в другом горбатый бобыль, ночью тайком сообщили нам, где прячут хлеб двое из отказавшихся выполнить разверстку крестьян. У одного мешки с хлебом были спрятаны в картофельной яме, у другого в копне сена. Итак, после обыска у обоих крестьян, вся найденная рожь была конфискована. Несмотря на слезы и жалобы, продразверстка выполнялась. Такая работа была неприятна и опасна, но для коммуниста в деревне всегда был фронт.

Запись 1974 года

Чем как не террором можно назвать политику, называемую «ликвидацией кулачества, как класса». Эту политику нужно было проводить, но не потому, что кулачество угрожало существованию советского государства. В 1930-31 годы, для того чтобы иметь валюту, а тем самым и иметь возможность импортировать крайне необходимое оборудование, мы вынуждены были продавать хлеб. И это делалось тогда, когда в стране царил голод. В газетах об этом не упоминалось, а в нечерноземной полосе нашей страны люди мерли от голода. Именно в те годы от голода умерла и моя тетка Анна, которая была моложе меня.

1.2. КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Отец Павла, Иван Коновалов первым в деревне порвал с крестьянской жизнью и уехал работать в город. В итоге из шести сыновей этой крестьянской семьи четверо станут ремесленниками, и будут жить в городе.

Подлинный исход сельского населения в город начинается в конце 19 века и предвосхищает неминуемое изменение способа производства. Альтернативы развития многочисленны, среди них: индустриальный капитализм, аграрный капитализм, агро-индустриальная кооперация и индустриальный социализм. Окончательный выбор пути станет ясен лишь к 1930 году, когда будет осуществляться плановая индустриализация, а до этого Россия останется главным образом страной докапиталистической и аграрной. Так, в 1913 году, перед Первой мировой войной, в наивысшей точке досоциалистического развития 67% населения занято либо в сельском хозяйстве, либо на небольших ремесленных предприятиях, чаще всего сезонного характера, и зачастую в «той же» деревне. После войн (мировой, а потом и гражданской) доля крестьян и ремесленников в общей численности занятого населения еще в большей степени превышает долю рабочего класса; эти доли составляют соответственно 75% и 10% в 1918 году. Павел и его отец Иван среди тысяч других горожан возвращаются в 1917 году в деревню из-за безработицы и голода в городах.

Земля как опора производства – наиболее важный фактор богатства страны. Русская литература пропитана деревенской культурой, она воспевает сельские пейзажи, крестьян, деревни. Подтверждение этому – романы Ивана Тургенева, Николая Гоголя, Льва Толстого, Михаила Шолохова и других. Не говоря о Николае Кондратьеве и Александре Чаянове – крупнейших специалистах по крестьянской экономике, которые последовательно изучали образ жизни и труда этой огромной части российского общества. Аграрный вопрос в России важен по двум основным причинам – как с позиций продовольственного обеспечения, так и с позиций политических, затрагивающих сущностные национальные корни.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙ

Для лучшего понимания русской экономики, необходимо знать сельскую жизнь, ее породившую. Александр Чаянов изучает крестьянство с научных позиций в 1910 – 1920 годах. Он описывает крестьянскую жизнь одновременно академически (Чаянов (1918), (1924), (1927)) и литературно (Чаянов (1920)¹).

До Чаянова образом жизни крестьян в России заинтересовались два автора. Андрей Рознотовский сделал это как статистик, опубликовав изменения бюджета среднего крестьянского двора Тульской губернии в 1795 году. Д.П.Журавский был писателем и эссеистом. Своей книгой «Об источниках и использовании статистических данных», датированной 1846 годом, он обратил внимание политиков и сограждан на необходимость рассчитать материальные ресурсы различных слоев населения, призвал их осуществить оценку семейных бюджетов. По его мнению, эти данные могли бы быть индикатором экономического и духовного богатства, вкусов и стремлений различных слоев крестьянства. Что же касается семейных бюджетов в Тульской губернии, известно, что в 1795 году средний доход в 176 рублей состоял из 128 рублей, полученных от производства зерновых: пшеницы, овса, гречи, ржи, а также от производства льна, конопли и семенного зерна. К этому добавляются 48 рублей, полученных средней статистической семьей от продажи 12 баранов, 4-х пудов масла, яиц и домашней птицы, шести свиней и двух телят. В то время, как расходы на питание, ремонтные работы и налоги составляли 116 рублей. Таким образом, накопления и/или инвестиции могли составлять 60 рублей, что в среднем на одну семью является достаточно существенным в пропорции к объему потребления.

Настоящим методологическим откровением для Чаянова стали работы Фредерика Ле Пле (Le Play (1855)) – французского инженера, экономиста и администратора, первым использовавшего монографический метод в изучении бюджета². Чаянов находит у этого автора определение «типической семьи» в различных слоях населения, и описание образа жизни каждой из них во

¹ Повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», опубликована под псевдонимом Иван Кремнев.

² Le Play основал в 1856 году Общество социальной экономики, которое, используя его метод, сильно содействовало прогрессу социальных наук и, верное своим традициям, поддерживает и теперь публикацию семейных монографий.

Франции.

Любопытно, что конгресс естествоиспытателей и медиков, а отнюдь не экономистов или политологов, решил в 1894 году развивать статистику семейных бюджетов в России. Первыми исследователями здесь стали учителя и статистики Воронежа. Они провели обследование трехсот дворов (семейных сельскохозяйственных предприятий)³ и использовали очень детализованную схему (выделив 84 рубрики) изменения доходов в натуральных единицах (в единицах наименований продукции) и в стоимостных единицах. Исследование структуры фонда накопления, то есть использования разницы между доходами и расходами с учетом кредитов проводилось по 28 рубрикам. Семейные нужды, выявленные через расходы, описаны восьмью классами. Аналитики выделяли расходы: на физические и материальные нужды; на церковные, нравственные и умственные потребности; на роскошь (например, посещение трактиров, табак, наряды). В этих первых исследованиях нет разделения между понятиями семья и экономическая производственная единица (хозяйство). Так, производственные и необходимые для жизни семьи расходы объединены. Чаянов (1922) разрабатывает методологию, выделяя экономический аспект производства: изменение суммы эксплуатационных расходов на закупку орудий и механизмов. Эта информация должна была позволить экономистам оценивать потенциальные возможности роста производительности, инвестиций и товарности крестьянских семей. Чтобы проанализировать реальный масштаб хозяйства Чаянов предлагает изучать замкнутые производственные сети, состоящие из всех соседских семейных хозяйств, так как экономическая производственная единица не сводится сугубо к изолированной земледельческой семье. Так он показал, что экономическая единица «хозяйство» может доходить до размеров объединения всех дворов крестьянской общины.

Политические события привели к тому, что эти экспериментальные работы Чаянова не были доведены до конца. Не существует исчерпывающей картины русской крестьянской экономики начала 20-го века. Отсюда интерес к свидетельствам, таким как монографические записи Павла Коновалова, из которых можно почерпнуть информацию и составить нечто современного «кейса» (см. case method).

Чаянов в 1919 году разрабатывает специальный протокол для тех, кто проводит анкетирование в русской деревне. Так, социолог или статистик, приезжая в деревню для заполнения вопросника должен начать с разговора с жителями. Этот первый контакт является определяющим для успеха последующей работы. Действительно, опрашиваемые крестьяне должны понять проблему и проникнуться доверием к людям, проводящим опрос. Они ведь, как и любой опрашиваемый, могут давать ответы, не соответствующие действительности: занижить свои доходы, опасаясь чрезмерного налогообложения, например, или, рассчитывая на сочувствие анкетирующего трудностям их жизни, завысить расходы на производство. Социолог должен уметь выявлять такие отклонения, зная, что крестьянин не раскрывает объективные данные, но дает субъективные оценки; поэтому статистик должен обладать знаниями агронома, и проверить точность ответов. Чаянов стремится к тому, чтобы содержание вопросника интересовало крестьян, так как благодаря нему они могут расширить свой профессиональный кругозор. В этом случае вопросник служит учебником для земледельца, а исследователь – учителем.

Все эти нюансы и тонкости обследователей-экономистов абсолютно незнакомы таким молодым активистам, как Павел Коновалов, которые во время гражданской войны идут в деревни не для анкетирования, а для реквизиции «излишков» у крестьян, чтобы отправить их на фронт и в голодающие города. Надо отметить, вместе с тем, что реквизиция не осуществлялась стихийно, по крайней мере, все делалось для того, чтобы избежать произвола. Павел Коновалов говорит, что сначала формировались «комитеты бедноты», где объединялись крестьяне традиционной крестьянской общины. Он говорит также, что в деревнях люди знают все о жизни друг друга. Можно предположить, что комитеты на местном уровне могли лучше определить, где находятся «излишки» продовольствия; а присланные из города вооруженные отряды, действуя в условиях военного времени быстро, полагаются на полученную таким образом информацию.

В следующем параграфе (о натуральном хозяйстве) мы увидим как Центр (по Н.Кондратьеву) видит проблему снабжения в тот же самый период.

³ Результаты опубликованы в Ф.Щербина «Крестьянские бюджеты» (Цитируется по Чаянову).

МЕСТО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Рассмотрим экономический вклад и продовольственную значимость сельского хозяйства. В начале 20-го века Россия потребляет достаточно мало продуктов земледелия по сравнению с населением европейских стран и США, как об этом говорит приведенная ниже таблицы.

Потребление на душу населения в 1904 году

	Хлеб (пуды)	Сахар (фунты)	Чай (фунты)	Хлопок (фунты)
Англия	28,99	90,5	6,6	41,2
Франция	23,24	36,1	0,06	12,5
Германия	28,06	42,0	0,12	15,3
Соединенн ые штаты	54,34	78,0	1,4	20,4
Россия	18,34	13,2	1,03	5,3

Источник: Кондратьев, (1922, издание 1991, стр. 469)⁴

Хлеб является главным продовольственным продуктом питания в России, но в 1904 году его потребление, по сравнению с другими странами, мало, затем идут картошка, капуста, свекла и другие овощи для повседневной еды. Такая структура продовольственного потребления в питании сохраняется в стране, и по сей день. В России едят много хлеба, крайне мало фруктов, не достаточно мяса и рыбы. Из своих детских воспоминаний Павел Коновалов извлекает образы сельских жителей, которые пьют чай, хотя он остается предметом роскоши, и, как можно видеть из таблицы, они потребляют его намного меньше, чем в Великобритании, и намного меньше, нежели во всех других странах, потребляют сахара. Низкий объем среднего потребления хлопка и хлеба, в частности, пшеничного (как отмечают Н.Кондратьев и П.Коновалов), указывают на то, что они являлись редким товаром и покупались сельским населением некоторых регионов только по случаю больших событий в их жизни. При этом, страна – крупный производитель зерна, его производство избыточно, в том смысле, что оно превышает внутреннее потребление.

По целому ряду причин Россияне голодают в начале 20-го века в доброй половине районов. Избыток производства в стране имеет место за счет 33-х юго-восточных регионов, и, в первую очередь, за счет Таврической губернии (Крым) с ее избыточными 36,72 пудами хлеба и картофеля на душу населения. Избытки этих регионов предназначены для экспорта, и практически ничего не продается внутри страны. Наиболее хорошо реализуемыми зерновыми являются: кукуруза, пшеница, горох, ячмень, в то время как картофель, просо, полба и рожь потребляются, главным образом, самими производителями и их семьями. Обмен сокращен из-за сложностей, связанных с расстояниями между регионами-производителями и регионами-потребителями и с недостаточным развитием транспорта. Первые линии железных дорог появились в 1860 году, связав Петербург, Москву и юго-восточные регионы с портами Черного и Балтийского моря, именно чтобы облегчить экспорт. Знаменитая «Транссибирская магистраль» связала Москву с Владивостоком и Порт-Артуром в 1900 году. Но усилия по строительству на том и прекратились. И, если в 1913 году на 100 квадратных километров территории в Великобритании и Германии было около 15 километров железных дорог, в США – 6 километров, то в России только 0,5 километра.

В силу ряда причин и в частности климатических условий, 29 районов России должны, импортировать зерновые и картошку, чтобы накормить свое население. И первый среди них – Петроград с недостающими 21,43 пудами на душу населения. В таких районах зерновые и картофель производятся главным образом крестьянами (85 – 90 % посевов (Кондратьев (1922), изд.1991, стр.93)), которые мало торгуют. Возделанные ими земли представляют собой десятки клочков земли, часто разбросанных на многие километры и способных производить лишь

⁴ Николай Кондратьев известен главным образом благодаря теории больших конъюнктурных циклов, см. Кондратьев (1992)

минимум, едва достаточный для существования членов семьи. В аграрной Вологодской губернии, о которой идет речь в записках Павла Коновалова, в начале 20-го века систематически недоставало в среднем 4,3 пуда хлеба на душу населения, чтобы удовлетворить самые элементарные потребности.

Общий объем товарооборота в европейской части России до войны 1914 года составлял 430 рублей на душу городского населения, и только 22 рубля на душу сельского населения (Струмилин С. (1928) стр.29).

Отсутствие торговли в сельской жизни Северо-запада выразительно описано Павлом Коноваловым. Землепашец не может построить дом, купить самовар, чай, сахар, если нет членов семьи, которые работают в городе. Только они могут снабдить деньгами или товарами. Да и товары эти – селедка, колбаса, лакомства или чай. Немного денег, получаемых от продажи молока сыроварне, служат для покупки керосина, сахара, чая и для того, чтобы сделать накопления к свадьбе или кончине, когда надо покупать одежду, белую муку для пирогов и вино. Водка и табак также покупаются, но чаще, они обмениваются крестьянами на яйца или другие приусадебные продукты, как рассказано Павлом Коноваловым. В деревне нет наемного труда, то есть оплачиваемых деньгами видов деятельности, деньги не циркулируют, все произведенное потребляется семьей здесь же. Распространены большие семьи, и сезонные исходы в город на заработки.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ: КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА, КООПЕРАЦИЯ, КОЛЛЕКТИВИЗМ

Община

Структура крестьянской жизни примерно до 1930 года формируется крестьянской общиной⁵, зародившейся в Средние века, хотя и трансформировавшейся с течением времени. Так, община, или деревенское общество как административная единица автономного управления деревень, принадлежавших государству, возникла в России в 1838 году. В это время каждая община состояла из одной большой или нескольких маленьких деревень и управлялась собранием глав семей, то есть глав людей, живущих под одной крышей. Староста – старейший в деревне – это избранный государственный служащий. Он управляет делами деревенского общества и имеет некоторую дисциплинарную и полицейскую власть над его членами. Например, он имеет право арестовать на два дня или назначить принудительные работы сроком до двух дней. В эту крепостническую эпоху существуют также старосты, избранные или назначенные земельными собственниками для управления их имениями.

После реформы 1861 года, которая отменила крепостное право, стали избираться органы местного самоуправления для решения проблем, связанных с общинной собственностью и для разработки проектов развития крестьянского общества на три года и больше. В первую очередь, как и раньше, выбирается совет старейшин общины, состоящий из пяти - пятнадцати членов, затем – глава общины, то есть староста деревни.

Павел Коновалов пишет, что в их деревне, состоявшей из трех общин, в 1917 году не осталось и следа помещиков и не было больше старост.

Крестьянская община (МИР) распространяется на все крестьянство. Территориально МИР совпадает с деревенским обществом, которое является юридической единицей. Община управляет всеми участками земли, которые она предоставляет семьям во временное пользование. Размер участка земли, выделяемого каждой семье, зависит от количества в ней душ мужского пола, так как именно они осуществляют полевые работы и кормят, таким образом, свою семью. Более того, каждый мужчина часть своего рабочего времени отдает для обеспечения других, нетрудоспособных членов общины.

⁵ Община может быть определена как группа лиц, объединившихся в соответствии с разделением общественных работ, которая либо традиционна, либо результат свободного объединения и которая придерживается одного и того же свода законов (традиционного или институционального). Очень большое количество работ посвящено перспективам эволюции различных типов общин в современном мире. Среди русских авторов можно процитировать Александра Герцена, который в работе «Русский народ и социализм», 1851, описывает различные кооперативы, такие как «рабочая артель» и «казачья республика». Среди ученых 20-го века можно выделить таких российских авторов как: Д.А.Ольдероге, за его работы об общинах в развивающихся странах и С. Д. Зака, за работы об общинах в России и некапиталистических странах.

Много исследований и надежд рождено на базе исторического явления русской крестьянской общины. Начнем с Чайнова – «романтика».

Чаянов ищет неакадемическую форму, чтобы выразить свою веру в русское крестьянство, и он выбирает роман. Ему кажется, что легкое научно-фантастическое произведение, произведение вдохновенное и в меру идейное, может лучше и большему числу людей объяснить идею развития страны, опирающуюся на деревню. Его персонаж Алексей выброшен на 65 лет вперед в Москву 1984 года. Он находит здесь город-парк, жителей, которые управляют климатом для увеличения урожая. Кооперация – доминирующая форма организации в этой идеальной стране. Этой историей Чайнов пытается убедить читателя в том, что российское крестьянство может подняться, и если необходимо, защитить родину, что оно это сделает в случае серьезного кризиса намного лучше, чем любое капиталистическое общество. Его кредо: Трудовое крестьянство способно решить любую задачу, за которую оно решило взяться. В фантастическом футуристическом романе Чайнова это оказывается возможным потому, что в крестьянской стране утопии удачно реализована кооперация. Кооперация – синоним совместной жизни и коллективного общественного сознания.

Чтобы достичь успехов на крестьянской ниве в 20-м веке, Россия должна была, согласно Чайнову, решить две важнейшие организационные проблемы. В экономическом плане она должна была бросить силы на создание технически передового механизма управления, способного обеспечить стабильность спонтанно, то есть без государственной регуляции. Другая проблема – социально-культурного плана: надо было гарантировать качество жизни большинства населения, рассеянного на обширной территории, и делать это иначе, нежели в капиталистических странах, которые сконцентрировали население в городах и внедрили городскую культуру.

В идеальном обществе Чайнова некоторые сектора экономической деятельности, посредством кооперации, составляли обширные сети, другие, из соображений эффективности, оставались небольшими по размерам. Индустрия развивалась в форме ремесленничества. Чтобы ремесленное хозяйство не переросло в крупный капиталистический завод, надо было обложить ее высоким налогом и при этом снизить налоги на ремесленные кооперативы. Государство сохраняло монополию в некоторых топливных отраслях: лесное хозяйство, нефть и уголь, чтобы таким образом иметь возможность управлять всеми остальными производственными отраслями. Государственные финансы складывались из налогов предприятий и косвенных налогов. Косвенные налоги должны были быть столь же прогрессивными, как прямые подоходные налоги в капиталистических странах, и для этого они определялись, исходя из точного анализа потребительской корзины различных категорий трудящихся. Впрочем, неравенство в идеальном обществе не было сколько-нибудь существенным. Дополнительная выгода от косвенного налогообложения состояла в том, что при этом способе управления достигалось уменьшение объема работ государственных чиновников, и к тому же, косвенное налогообложение было более прозрачным для трудящихся-потребителей. Организаторы национальной системы в целом и люди, находящиеся у власти, находили удовлетворение в труде так же естественно, как и люди творческих профессий и научные работники.

Повесть Чайнова берет за отправную точку крестьянскую общину и описывает с немалым чувством юмора утопию ее трансформации через кооперацию в сияющее общество братства, гармонии и процветания. Что же такое русская крестьянская община? Одинок ли был Чайнов в своих мечтах о ее преобразовании? Надо, при этом сказать, что он не мечтатель, а сильная личность, целеустремленная и активная. Во «временном» правительстве между мартом и октябрём 1917 г. он занимает пост товарища министра сельского хозяйства. Он остается, правда, в его составе только несколько недель до Октябрьской революции и не имеет времени для реализации даже первых этапов своей программы развития, описанных им впоследствии в романе. За свои идеи и свою деятельность, в мрачные для страны времена, он был арестован и расстрелян в 1937 году.

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ И КОРНИ ЕЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Душой и мыслями портной Иван Коновалов постоянно возвращается к своей деревне и предкам. Он много говорит со своим сыном Павлом о своих тревогах и надеждах, связанных с судьбой крестьянства. Позже Павел скажет о роли этих дискуссий в формировании его взгляда на мир. Будущее России отец Павла видит на пути «натурального» развития в смысле развития аграрного. Именно этот путь был понятен ему как из жизненного опыта своего детства, так и

благодаря общению с товарищами – солдатами, находившимися под влиянием партии социал-революционеров («эсеров»).

Программа этой партии⁶ в своей экономической части опиралась, прежде всего, на крестьянство, а в нем на семейные хозяйства. Семейные хозяйства – реликты крепостничества в России. Таковыми они были и при разрушении феодальных отношений во Франции, Германии и Великобритании. Русские идеологи проекта аграрного или аграрно-индустриального развития в своих начинаниях опирались на опыт Дании. С начала 19 века датские правящие классы осознанно проводили сельскохозяйственную политику, опирающуюся на семейную обработку земли, и путь этот был успешен. Постоянно интенсифицируя производство, внедряя в земледелие достижения науки и техники, такая политика позволила Дании снабжать продовольствием огромные рынки. Она продемонстрировала также и значительные социальные преимущества, которые не давало, например, крупное земельное хозяйство в Англии, позволив избежать исхода сельского населения в города. В чем сущность политики в Дании? Реформа 1786 года упраздняет барщину и заменяет ее фиксированной арендной платой. Это позволяет расширить производство сельхоз продукции благодаря усилиям крестьян единоличников, вдохновленных возможностью приобретения в собственность обрабатываемых ими участков земли. Датская реформа сопровождается введением в 1814 году обязательного начального образования, а затем оплачиваемых стажировок для сельской молодежи, с целью подготовить ее к внедрению и использованию самой современной сельскохозяйственной техники. Благодаря государственным дотациям крестьяне создают систему кооперативного кредитования, учитывающую сезонный характер производства. Таким образом, процветающее сельское хозяйство существует в Дании, поскольку трудовая мотивация поддерживается как государством, воздействующим на процесс финансовыми и законодательными способами, так и профессиональными сельскохозяйственными организациями.

Отличие между проектом социал-революционеров в России и программой, принятой в Дании, заключается в том, что первые надеялись опереться на земледельцев, работающих на земле крестьянской общины для удовлетворения своих собственных потребительских нужд, тогда как вторые предложили крестьянам работать на своей собственной земле, зачастую для мирового рынка.

ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ КРЕСТЬЯНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В ПОДДЕРЖКУ ОБЩИНЫ И ПРОТИВ НЕЕ

Отмена крепостного права в 1861 году сопровождалась передачей земли крестьянам, то есть всему населению страны. Процессы такого масштаба всегда чрезвычайно сложны. В спешке преобразований вопрос предоставления прав собственности на землю частным лицам или крестьянским общинам был недостаточно тщательно изучен, и, чтобы облегчить задачу, предпочтение было отдано общине МИР. После такого решения, с точки зрения западных обозревателей, пишет Макс Вебер, ситуация становится парадоксальной. С очевидностью страна на всех парах движется к буржуазной революции, и при этом никакие прогрессивные силы не выдвигают политической программы в пользу частной собственности на землю, каковая является главным лозунгом буржуазных революций на Западе. И русский крестьянин продолжает производить на клочке земли, выделенном ему общиной, и в количестве, достаточном только для обеспечения семьи. В общих чертах получилось, что крестьянство вовлекается в натуральное, то есть не рыночное хозяйство.

Община – явление этического порядка, рассматривается некоторыми течениями философской мысли как наиболее важное для человечества. Оно является центральным для «коммунаризма»⁷

⁶ Были в России и другие партии, и политические направления, рассматривающие в качестве главной своей опорной силы крестьянство. Революционное «народничество», родилось в 1860 с «Землей и волей» – тайной политической организацией, основанной А.Герценом и Н.Чернышевским. Затем возник «Черный передел» – ненасильственная организация, руководимая Г.Плехановым. «Народная воля» – антимонархическая организация с ее идеологами А.Желябовым, С.Перовской, А.Михайловым, ратовала за раздел земли и распространение образования. Либеральная монархическая партия – Конституционные демократы («кадеты»), была основана в 1905 году. Эта партия декларировала в программе конституционную монархию и передачу земли от дворян крестьянам в форме выкупа.

⁷ Социальное и политическое движение в защиту определенного типа соседского коллективизма, появившееся в шестидесятые годы двадцатого века. Во Франции «коммунаризм» противопоставляется «индивидуализму» и «космополитизму», и в последние двадцать лет этот термин носит пренебрежительный оттенок (P-A. Taguieff (2002)).

и дополнительным для автономии⁸. Привязанность крестьян к общине сыграла значительную роль при выборе пути развития Россией после 1917 года.

Крестьянское мышление, православное и общинное породило у авторов конца 19-го века мысль, что развитие России может быть особым. Русская община двойственна, откуда «источник ее жизненных сил», – пишет К.Маркс (1881). С одной стороны, «собственный дом, раздельная обработка пахотной земли и личное присвоение результатов труда содействуют развитию индивидуальности». С другой стороны, община же обеспечивает демократическое, не капиталистическое управление. Русская община могла – и с этим основатели марксизма и русского крестьянского социализма были согласны между собой – «стать отправной экономической и политической точкой системы, к которой тяготело общество 20-го века, община могла «зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству». И эта возможность, писал Маркс, была «лучшей из возможностей», которые история могла предоставить народу.

Зато Сергей Витте (1905) – глава кабинета министров при Николае II (1905-1906) полагает, что не надо смешивать русскую крестьянскую общину с коллективной собственностью, которая, согласно его утверждению, могла иметь место только после того, как общинное владение пройдет через «горнило индивидуализма» то есть собственности индивидуальной. Человек должен сначала обогатиться и обнаружить пределы счастья, которое доставляет собственный интерес, чтобы усомниться в благе личной своей жизни, «в своем «я» и сможет видеть для своего личного блага спасение в «мы»». С.Витте убеждал, что Россия экономически слаба из-за капиталов, поглощаемых непрерывными войнами 19-го века, но что она богата физическими и интеллектуальными способностями трудового народа, так как «Русский человек даровитый, здоровый и богобоязненный». И, чтобы человек мог интенсифицировать свой труд и быть инициативным, он должен знать, что земельный надел, который он обрабатывает, не будет заменен другим на следующий год, что его урожай не будет разделен без его ведома по обычаю или по указанию «старост», что он не будет платить налог за кого-то другого, и что ему будет разрешено уехать из своей деревни тогда, когда он этого захочет. Всего этого, полагает С.Витте, русская община человеку не позволяет. Естественным образом такая точка зрения Витте разделялась «кадетами», членами либерально-монархической партии. Но связь крестьян с их общинным способом производства очень сильна, поэтому, например, попытки П.Столыпина упразднить крестьянскую общину (закон 1906 г.) кончились провалом. Крестьянин-пролетарий в России практически не существует. Сельскохозяйственные рабочие, занятые крупными собственниками и единственно на юго-востоке составляют лишь около 3% населения страны (из 170 миллионов к 1910-му году) (Кондратьев (1922), 1991, стр.40).

С точкой зрения С. Витте не согласен В. Ленин (1907). Он утверждает, что русские крестьяне не стремятся к индивидуальной собственности, более того они ратуют за национализацию земли. Этот крестьянский выбор выражает не только волю покончить с остатками крепостничества, но также отказ от финансового, индустриального и монополистического капитализма, который выковывается в ущерб сельскохозяйственному сектору. Ленин считает, что частная собственность на землю вовсе не является ни необходимым, ни достаточным условием для развития капитализма в сельском хозяйстве. Напротив, она ограничивает его развитие, потому что, препятствуя вложению свободного капитала в землю, она содействует изъятию капитала из сельского хозяйства и этим мешает его прогрессу. «Земельный собственник – фигура совершенно бесполезная для капиталистического производства», а абсолютная рента – выражение стоимости частной земельной собственности – ущерб, дань общества земельному собственнику.

Кооперация

Экономика сельского хозяйства, по проекту Александра Чаянова, должна отводить первостепенное место идее кооперации и строиться на ее основе⁹. Стабильность крестьянского

⁸ От греческого слова *autos* – собственный и слова *nomos* – закон. Изучению «автономности» в историческом плане посвящена работа Эриха Фромма (Fromm (1976))

⁹ На Западе кооперация не всегда связывается с понятиями общественного и социального интереса; она имеет прагматическую ценность, связанную с рыночными взаимодействиями. Идея кооперации продемонстрировала свои возможности в различных условиях в 19-м и 20-м веках и получила развитие в различных направлениях. Тории: «кооперативный социализм» и «кооперативизм» интересуются постепенной экономической трансформацией общества, и рассматривают концепцию смешанной экономики (между планом и рынком). «Христианский социализм» предусматривает развитие «*copartnership*», то есть согласие между трудящимися и работодателями в части предоставления части произведенной прибыли трудящимся в добавку к заработной плате.

хозяйства является целью экономической организации, и, чтобы ее достичь, постоянно увеличивая рентабельность, необходимо создать сеть кооперативов, обслуживающих эти хозяйства. В. Ленин (1923) развивает идею А.Чаянова о кооперации, говоря, что в России надо делать население цивилизованным, то есть доказать ему его интерес в массовом кооперировании. Никакой иной мудрости не требуется, чтобы обеспечить переход к социализму. Николай Бухарин¹⁰ выбирает концепцию кооперации, думая о социализации крестьянства. Его лозунг: «Не колхоз, но кооперация – прямая дорога к социализму для деревни». Следуя этой формуле, первый План Советского Союза предусматривал кооперацию 80% хозяйств и коллективизацию лишь остальных 20%.

Реализация политики кооперации в 20-ые годы сопровождается дискуссиями о необходимости ее продолжения и о способах ее осуществления.

В свете нашего современного опыта представляется, что дискуссии велись недостаточно основательно, чтобы привести к консенсусу относительно будущего крестьянского мира, и поэтому те же самые проблемы ставятся теперь снова. Каковы же эти проблемы?

Во-первых, ставится вопрос: трансформируется ли крестьянская община спонтанно в кооператив со своим разделением труда, или этот процесс должен быть институционализирован?

Во-вторых, является ли кооператив другой формой крестьянской общности, которая сменяет традиционную общину, сохраняя ее ценностные ориентации на солидарность?

В третьих, не разрушает ли просто-напросто кооперация сельскую общину, привлекая к себе сельскохозяйственных производителей? Крестьянин, не замечая этого, постепенно выходит из своей автономии, ограниченной семейным производством, чтобы интегрироваться в кооператив. Делая это, с одной стороны, он покидает общину (свое сообщество) ради рынка с его безличием и эгоцентризмом, в другой стороны, он дает себя разрушить кооперацией как целостный крестьянин-ремесленник, так как кооперация означает углубление разделения труда и выраженную специализацию. Иначе говоря, кооперация может играть роль «анти-крестьянскую», противоположную тому, за что ратовал А.Чаянов, желавший сохранить традиционное крестьянство.

На практике кооперирование в России разворачивается вначале ненасильственными методами, поступательно и достаточно гармонично. И уже в 1925 все субсидирование, осуществляется через кооперативы, так же, как и 85% поставок машин и сельскохозяйственных орудий. Первыми формами кооперации, появившимися уже в 1910 году, являются кооперативы по производству масла. Инвестиции в этот сектор чрезвычайно рентабельны благодаря участию крестьян-производителей молочной продукции, заинтересованных в местном производстве масла и его продаже. Что касается деревни, где жил Павел Коновалов, завод по производству масла и сыра был не кооперативом, а частным предприятием.

В 1928 году всеми формами кооперации объединены 28 миллионов человек. Однако, в тот же год общинный земледелец остается доминирующей фигурой, поскольку 91% сельскохозяйственных земель России принадлежит сельским общинам. Это говорит о том, что община и кооперация развиваются параллельно в течение десятка лет, усиливаясь как одна, так и другая. Первая утверждает самоуправление, вторая связывает крестьян с внешним миром.

Коллективизм

В 1929 году Сталин сформулировал цель кооперации, сказав, что община и кооперация не должны ограничиваться функциями ассигнования и распределения, но должны главным образом превратиться в производственную кооперацию, иначе говоря, освободить место для коллективизации. Сельская община разрушается, с одной стороны, законами 1927–1929 годов, которые передали власть сельским советам (являющимися институтами государственной власти), а, с другой стороны, колхозами, которые выполняют функцию бесплатного предоставления земель (принадлежащих с 1917 года государству), их распределения, а так же функцию разделения труда. Аграрный коллективизм сохраняется и усиливается в советское время, хотя, согласно закону было гарантировано многообразие способов производства и форм собственности.

¹⁰ Н.Бухарин – большевик, редактор газеты «Правда» в 1918-1929, глава Коминтерна между 1926 и 1929 годами.

ПОНЯТИЕ «НАТУРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА» И ЕГО ВЕРСИЯ – «ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА» 1914-1920 ГОДОВ

Первое определение «натуральной» экономики, которое приходит на ум, это экономика сельская, рассматриваемая многими философами (физиократами) как наиболее благоприятная для человеческого развития. Она «натуральна», так как человек в своем сельскохозяйственном труде наиболее близок к природе, что позволяет ему непрерывно создавать новые формы существования. Согласно А.Чаянову, человеческая жизнь удачна, если она позволяет полностью раскрыться всем его возможностям и способностям, а именно в сельскохозяйственном труде каждый труженик – творец, и каждое проявление его индивидуальности – произведение искусства. Это естественное состояние человека, которое трансформирует демон капитализма.

Другое определение ассоциирует «натуральную экономику» с вне рыночным сектором. Так между революцией 1917 года и вплоть до НЭПа русские теоретики надеялись ввести безденежную экономику с прямыми формами обмена между производителями. (Струмилин (1928), например). Социалистическая экономика, управляемая единой волей, стала бы доминирующей и натуральной, необходимой для обеспечения социальных потребностей в ресурсах – писал Чаянов в работе «Методы безденежных взаиморасчетов предприятий» (1924)¹⁸. Экономисты-марксисты пытались воплотить в масштабах всей страны процветающую и солидарную «натуральную экономику», наподобие огромного семейного хозяйства. «Нерыночная» экономика – этап развитого социализма, когда производительность труда позволяет удовлетворить потребности каждого. Эту форму организации производственного и распределительного процесса – называемую планированием – нельзя путать¹⁹ с «мешочничеством», которое было способом обмена между городом и деревней во время и сразу после гражданской войны в России. Такая мелкая спекуляция, безденежный обмен продуктами из-за их нехватки и общей дезорганизации торговли, описаны Павлом Коноваловым.

Нарушение системы экономического воспроизводства, которое сопровождало начало военных действий в 1914, выявило проблему снабжения армии и населения продуктами первой необходимости, включая продовольствие. Для решения этой проблемы сменяющие друг друга правительства пытаются разработать унифицированную систему управления. Эта сфера государственной и региональной политики, состоящая в предсказании и реализации доставки хлеба с мест его производства потребителям, названа Н.Кондратьевым государственной системой регулирования. Методологически можно различить два типа политики: механизмы прямого воздействия на организацию снабжения, когда государство как экономический агент покупает продукты для распределения, и метод косвенный, когда государство играет роль юридического лица и регулирует обмен между независимыми экономическими объектами. Прямое регулирование предусматривает определение объемов производства, контроль цен, организацию транспорта. Более того, власть определяет нормы потребления и создает органы снабжения. Косвенные же инструменты – это ценовая политика, транспорт, таможенное регулирование, экспортные квоты. На этих основах партия социалистов-революционеров разрабатывает принципы создания в России запасов и централизованного снабжения зерном. В соответствии с законом марта 1917 года Государство (временное буржуазное правительство) получает монополию на зерно. Это означает, что вся продукция, сверх минимально необходимой для жизнеобеспечения и воспроизводства части, должна быть продана государству по фиксированным ценам.

В своих попытках облегчить задачу создания запасов хлеба государственная власть запрещает экспортировать зерно с производящих территорий, из регионов как избыточного, так и недостаточного производства. Кондратьев считает полезным запретить вывозить свою продукцию регионам с низкой урожайностью, надеясь этим положительно повлиять на объемы потребления

¹⁸ Текст Чаянова, написан в 1924 и опубликован впервые в России в 1989.

¹⁹ Этот тип путаницы между «бартером» и экономикой, базирующейся на безденежном обмене продукции между секторами, присутствует в некоторых работах историков. Например, Марк Ферро (Ferro (1997)) судит о высказываниях Ленина о необходимости «натуральной» экономики в борьбе против капитализма как о несостоятельных или как о ляпсусе, предполагая, что Ленин ратует за бартерную систему. Но это не так! Ленин не думал ни о «бартере», ни тем более о «мешочничестве», его цель – развитый и плановый социализм.

местным населением. В 1917 году, будучи министром временного правительства, Н.Кондратьев принял решение о 15 случаях запрета, и каждый из них спровоцировал протесты либо со стороны биржи, которая поддерживает либерализацию экспорта, либо со стороны местных властей, которые испытывают нехватку продовольствия и нуждаются в усилении механизма, запрещающего транзакции.

Объемы продаж государству дифференцированы по провинциям, регионам и волостям; они зафиксированы пропорционально либо излишкам продовольствия, либо его количеству на десятину (единицу площади сельскохозяйственных земель), либо общему урожаю, общим ресурсам и наделам. Разработка таких норм – достаточно сложная теоретическая проблема, но изъятие зерна государством еще более сложно, поскольку надо знать реальные потребности 18,8 миллионов крестьянских хозяйств и 120 тысяч крупных частных производителей.

Временное правительство, неспособное гарантировать исполнение своих требований, возлагает на себя задачу убеждать и объяснять свою политику, надеясь таким способом добиться участия крестьян и реализовать цели пополнения продовольственных запасов и снабжения ими населения и армии. Пропагандисты посылаются в деревни и на фронт. На фронте надо убедить солдат написать своим семьям, чтобы те сдали зерно властям.

Уже в это время правительства знают, что успешность политики зависит от общественного мнения, которое выражается через прессу, собрания и съезды. В своих заметках Павел Коновалов часто возвращается к теме распространения слухов, их сильного и часто пагубного влияния. Говорит он и о способах, с помощью которых манипулируют умами обывателей.

Другой способ реализовать программу продовольственного снабжения – это создание угрозы реквизиции. Например, объявляется, что в случае отказа от поставок предписанного количества продовольствия по фиксированной цене государство приступит к реквизициям по ценам, еще более низким. В 1915 – 16 годах зафиксировано около 60-ти реквизиций. В некоторых волостях, где приобретение зерна государством развернулось на основе норм поставок в количестве, предписанном на единицу площади обрабатываемой земли, крестьяне были вынуждены даже покупать зерно для того, чтобы иметь возможность уступить его государству. Несмотря на использование методов «кнута и пряника» ситуация была драматической. Был момент, когда хлеба на складах в Петербурге и Москве оставалось лишь на несколько дней, а запасов питания для сотен тысяч солдат на фронте только на несколько часов.

По Кондратьеву, в 1917–1918 государству удастся обеспечить население едва лишь половинной нормой потребления. Для остального – свободный нелегальный рынок, организованный случайными людьми, которых называли «мешочниками». (Речь идет о перепродажах по завышенным ценам.) Одни осуществляют этот трафик, чтобы выжить (как Павел Коновалов), другие становятся почти профессиональными посредниками транзакций. Перемещения людей с продовольствием на спине дезорганизуют железнодорожные перевозки. Правительством вводятся «блокирующие кордоны» и в некоторых случаях перевозчиков арестовывают и даже расстреливают.

В обмен на зерновые концессии во время Первой мировой войны царское правительство, а в 1917 году – временное буржуазное правительство организуют снабжение сельского населения косами и гвоздями для лошадиных подков, купленными с Соединенных Штатах Америки, и снабжают металлической проволокой для связывания соломы. Правительство берет на себя обязанность снабжения всех нитками, обувью, мылом, керосином и спичками. Например, в 1917 году были зафиксированы нормы продажи ткани продовольственным комитетом в Москве по ценам производителя, что было приблизительно в 2 раза ниже цен свободного рынка. В расчете на 6 месяцев отпускалось: а) бельевой ткани – 7 аршин¹³ на мужчину, 13 аршин на одну женщину и 4 аршина на ребенка младше 14 лет; б) тонкого полотна – соответственно 4,5; 12 и 4 аршина; в) сурового полотна – 4,5; 2,3; и 2,5 аршина.

После октябрьской революции Ленин настаивает на необходимости продлить зерновую монополию как радикальное средство борьбы против дефицита продовольствия. В 1918 обнародован декрет «О создании комитетов бедноты». Эти комитеты должны помогать властям, обеспечивающим снабжение продовольствием, изымать излишки, запасенные кулаками. По

¹³ Аршин равен 0,71 метра

правилам того времени хлеб, изъятый до 15 июля, распределялся среди бедных, изъятый между 15 июля и 15 августа мог быть продан беднякам за полцены, а после этой даты он продавался со скидкой в 20%.

Во время гражданской войны коммунист Павел Коновалов был уполномочен посещать деревни, чтобы убеждать крестьян создавать «комитеты бедноты» и активно участвовать в программе поставки хлеба Советскому государству.

Что касается ограничений в потреблении в стране, они продолжались и после окончания войны и провоцировали порой комичные ситуации, как в случае, описанном Павлом Коноваловым. В своих мемуарах он рассказывает, что в 1926 году он решил зарегистрировать брак со своей подругой, с которой он уже имел ребенка, потому что советское правительство предоставляло молодоженам возможность получить ткань сверх предусмотренных норм.

ГЛАВА II

ГОРОД, РАБОТА И РЕВОЛЮЦИЯ

В этой главе собраны впечатления Павла Коновалова, которые, вероятно, вызовут наибольший интерес у современного читателя. Он рассказывает в ней об ученичестве и портновской работе, о главпочтамте Петербурга и его функционировании, о перипетиях кинооператора.

2.1. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ТРУДА В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ

ЖИЗНЬ ПОРТНОВСКАЯ

Мой отец одиннадцатилетним мальчишкой был отдан в учение портновскому ремеслу хозяйчику портному Ивану Алексееву в мастерскую, находившуюся в Щербаковом переулке Петербурга, населенном в те времена разного рода мастеровыми. В учение он был отдан на пять лет. В течение этого времени хозяин должен был его кормить, обувать, учить и, когда он *выживет*, должен был ему справить пальто, пиджак, брюки, две пары белья, две рубахи и выдать пятнадцать рублей деньгами.

Учение шло, как и везде, вначале – выполнение работ по обслуживанию хозяина, его семьи и подмастерьев. Беганье по лавкам за кипятком и водкой, конечно, оплеухи и *зуботычины*, без чего, считалось, учение ремеслу в прок не пойдет. Отец часто говорил, что в первые два года ученичества не так был страшен хозяин и подмастерье, как была страшна хозяйка. Она была властительницей *душ и телес* учеников и учениц. В большинстве случаев абсолютно неграмотная баба вымещала свое недовольство и злобу на подвластных ей ребятишках. Они раньше всех должны были вставать, ставить самовар, колоть и носить дрова, топить печки. Затем бегать за хлебом и кипятком, квасом и *тумаками* (порченное яйцо, сваренное вкрутую) в лавочки. Поэтому все ученики жили одной мечтой, как бы быстрее наступил день, когда бы его придали подмастерью, и только с этого дня власть хозяйки над учеником прекращалась, и только с этого дня он начинал учиться и производительно трудиться. А сколько было темных и трагических историй с учениками, не выдержавшими двух лет ученичества. Десяти-одиннадцати летний мальчишка или девчонка ударялись в бега. Хорошо, если они могли добраться до своей деревни, бывали случаи, когда, перебиваясь христовым именем, беглец пешком из Петербурга добирался за сотни верст до своей деревни в пошехонском уезде. Большинство же, если вовремя не были пойманы полицией и водворены к хозяину обратно, пропадало в ночлежках Гопа, пополняло шайки ворюшек, воров и проституток.

Примерно через два года *мальчик* получал в руки иголку, лоскуток и начинал на нем делать первые *штыки* иглой. Затем постепенно ему представлялась работа по выстегиванию подворотников, лацканов и ваты, идущей под подкладку зимней одежды.

По прошествии трех лет ученичества, то есть когда ученик поднатореет в обметывании петель и пользовании швейной машиной, хозяин приставляет его к подмастерью в качестве помощника. За это подмастерье, в зависимости от квалификации ученика, был обязан сшить одну - две вещи бесплатно для хозяина, то есть произведенное учеником делилось между хозяином и подмастерьем.

Быт мастерской – крайне примитивен. Верстак – невысокий со стол, занимающий полкомнаты от стены до стены, служил местом работы, обеда и сна. Мастерская шила женскую верхнюю одежду, и в ней работало около десятка учеников и десятка полтора – два подмастерьев. Городская управа, призванная следить за санитарным состоянием кустарных мастерских, время от времени нарушала покой хозяйчика, так как вряд ли можно было говорить о санитарном благополучии в такой мастерской, где люди работали, ели и спали по двадцать пять человек в одном помещении. Поэтому, когда такая комиссия еще собиралась появиться, хозяин какими-то путями узнавал о ней и, как только в переулке завидят ее, так по сигналу хозяина: *ховайся!* ученики ватагой лезли на чердак, а если что, то и на крышу. Людей сразу в мастерской становилось меньше на половину, и все комиссии проходили благополучно.

Портняжное мастерство в этой мастерской было невысокого уровня. Заказы выполнялись для какого-то торговца, имевшего магазин в Апраксином дворе. Фасоны были незамысловатые и почти всегда одного размера. Хозяин магазина отпускал все положенное, а хозяйчик в мастерской – мастер, пользуясь врученным ему заранее изготовленным патроном, кроил материал. Работа для подмастерья была сдельная. За пошив пальто он получал, в зависимости от фасона, от 75 до 90 копеек за штуку.

Кто не баловался водкой, а таких почти не было, ухитрялся сшить за неделю шесть – семь вещей и заработать в месяц до двадцати трех рублей. Но работать приходилось с шести утра до десяти вечера. Далекое не круглый год были такие заработки. Заказы поступали на лето – весной, а

к зимнему сезону – осенью. Это были месяцы с конца февраля по май включительно и с сентября по декабрь. Остальное время летом и в мясоед (с рождества до мясной недели) подмастерье мог уходить куда ему угодно. В результате этого они разъезжались по деревням. Учеников, говорил отец, придавали при этом двум – трем оставшимся подмастерьям, выполнявшим случайно подвернувшиеся заказы.

В мастерской при приеме (или поступлении) на работу обычно достигалась такая договоренность: хозяин предоставляет кипяток, хлеб, соль. Все остальное должны ученики приобретать сами. Обед подмастерья готовили в складчину, она заключалась в том, что все участники отпускали на обед по десять копеек. Так собиралось рубля полтора. Хозяйка должна была бесплатно варить обед. Это обычно щи, иногда суп с мясом – во вторник, четверг, субботу и воскресенье. В остальные дни – постные щи и каша с салом или растительным маслом.

Завтрак и ужин – индивидуальные. Они состояли из двух *тумаков* – одна копейка пара, или уксусу на копейку, тогда еда готовилась так: уксус солился, перчился и служил к хозяйскому хлебу приправой (хлеб макался и поедался). Расход на питание в день – от двенадцати до пятнадцати копеек.

Уж, кажется, велика ли складчина, когда обед готовился для пятнадцати молодцов, но тем не менее хозяйка ухитрялась на ней нажиться. Одна из хозяек, приятельница моей матери, показывая на свой золотой браслет, сказала о том, что вытащила его из *чугуна на чумичке*.

Летом – дома, на работе, сбежать в лавочку – босиком, зимой – домашней выделки *валенцы*. Ни на какие зрелища, театры, лакомства денег не выделялось.

Хозяева не имели своего отдельного *стола* – ели все вместе из общей чашки на каждых семь-восемь человек. Если при этом похлебка была с мясом или рыбой, то поначалу ели *пусто*, как в деревнях, зачерпывая сверху, а когда хозяин стучал ложкой по блюду – это значило – *ешь со всем* – принимались за мясо и рыбу.

Характерно, что хозяин выступал не только как работодатель, но и своеобразный воспитатель – блюститель нравственности. Вторая сторона наиболее резко выступала у хозяев *староверов*. Курение табака, сквернословие, пьянство и, наконец, нарушение нравственности между учениками и ученицами, мастерами и мастерицами – вольности этого рода особенно жестоко изгонялись и преследовались. Правда, и эксплуататоры эти староверы были отъявленные не в меньшей, если не в большей степени, чем православные.

В шестнадцать лет отец *выжил*ся. Получив от хозяина положенное ему пособие по окончании обучения, и, проработав у него после этого еще месяца три, он сумел сколотить и переслать деду в деревню целых семьдесят рублей. Сумму величиной своей поразившую соседей по деревне. Эти семьдесят рублей, казалось, оправдывали пять мучительных лет ученичества. Только поразительная бережливость позволила отцу сколотить эти деньги.

Мне пришлось встретить немало портных. Если отец и мать ухитрились повысить свои навыки – научились кроить и шить дамскую одежду не по патронам, а по картинке, то их же товарищи не смогли преодолеть мануфактурного разделения труда и всю жизнь могли шить только штаны, салопы, пиджаки. Один из них был *жилеточником*, он даже для детей своих и для себя покупал одежду, а жилетки он не носил.

Нельзя не упомянуть о специфическом и присущем только портновской профессии в Петербурге дне пятнадцатого августа – *засидки*. Дело в следующем. До пятнадцатого августа, когда вечерами в Петербурге еще светло, работы продолжались до сумерек, с пятнадцатого же числа становилось темнее, но подходил сезон пошива зимней одежды. Работать по вечерам уже темно, поэтому пятнадцатого августа являлось тем днем, когда во всех мастерских начинали работать с огнем, то есть начинали по вечерам засиживаться – отсюда и *засидки*. В этот день хозяин должен был угостить подмастерьев и учеников. Покупалась водка, бутылочка дешевого красного вина, колбаса, соленые огурцы и арбуз – благо к этому времени начинался арбузный сезон. Хозяин как бы договаривался со своими подчиненными о работе в вечернее время. После *засидок* над верстаком вешалась 20-25 линейная лампа на пять-шесть человек работающих, если их было больше, то ставились и дополнительные. Вокруг ламп, поджав ноги и распевая песни всех краев России, сидели и работали портновские мастеровые с шести до десяти вечера, исключая воскресенье и *дванадцатые* праздники, из них пасха и рождество, в течение трех дней.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ТРУДОВОЙ ПУТЬ СЫНА ПОРТНОГО (ГЛАВПОЧТАМТ)

Отбросив всякую мысль о продолжении образования в гимназии, я пропотел дня два над написанием прошения его высокопревосходительству господину директору Петроградского почтамта. Прощение должно было быть написано с начала и до конца собственноручно. Вот это и послужило причиной моего потения. Прощение должно быть написано блестяще, то есть грамотно, складно и красиво, зато оно и называлось прошением. А я писал неряшливо, криво и косо, совсем детским почерком. Отнес я свое прошение и стал ждать. Ждать мне пришлось недели две, пока мне письмом не сообщили, чтобы я предстал перед своим будущим начальником в экспедиции почтамта по сортировке писем. Явился вовремя. Был принят. Начальник экспедиции показался мне чиновником высшего класса. Имея перед собой мое прошение и меня лично, начальник, перечитав прошение и видя невзрачную фигуру, хотел было выпроводить меня, но, заметив, что у меня дрожат коленки и на глазах блестят слезы, смилостивился. Черкнув на моем прошении пару слов, с какой-то брюзгливостью сказал, чтобы я шел на первый тракт, то есть на первоначальную сортировку.

После училища дорога почти у всех была – почтовое ведомство, однако мне не было восемнадцати лет, а только пятнадцать с половиной, и надеяться на «государственную службу чиновником» я не мог. Я был зачислен на работу не то кандидатом, не то, как сейчас говорят, «по вольному найму». Мечта моей матери видеть своего сына почтовым чиновником рассыпалась прахом, но главное для нее сбылось – наконец то ее сын стал *добытчиком*. Итак, вроде бы началась новая глава моей жизни. Пожалуй, и так, и так. Я стал добытчиком, но остался под тем же игом матери. Никто с меня не снимал обязанности заниматься портновской работой, если были заказы на халаты, помогать Николаю в фотографировании солдат, подменять его, при случае, в будке киномеханика. Но, по крайней мере, я имел законное право не находиться на глазах матери, и она следила за своевременным уходом моим на работу, не протестовала, если я работал сверхурочно.

Петроградский главный почтамт находился, как и сейчас, на Почтамтской улице, по правой стороне, если идти от Сенатской площади, с перекинутой через улицу аркой. На арке – часы. Главный вход приводит посетителя в большой операционный зал с галереями (балконами) по второму этажу. Часть верхней галереи почтамта занимала экспедиция по сортировке почтовой корреспонденции. Именно сюда со всех почтовых отделений столицы доставлялись простые письма и бандероли, и именно здесь они должны были оказаться в тех мешках, которые повезут в нужном направлении. Раньше дороги, упомянутые в казенном документе, называли трактами. Это старорусское шоссе. По трактам с определенной скоростью и режимом шла почта. Корреспонденция из столицы Российской империи в свои 54 губернии и за границу шла по двадцати трактам. Галерея была разделена вдоль перегородкой со встроенными в нее шкафами. За перегородкой находилось двадцать отделений, носящих наименования трактов. Там, скрыто от нас, производилась дальнейшая сортировка писем. Шкафы со стороны отделений имели дверцы. Дверцы закрывали двадцать две секции в шкафу. Над секцией наклеена этикетка с указанием, в какую или в какие губернии из этой ячейки (секции) пойдет почта, то есть, по какому тракту. Девятнадцать ячеек были отведены для губерний, двадцатая – для почты за рубеж, две ячейки – для возврата почты на сортировку. С нашей стороны стояли столы для корзин с подносимой почтой. Сортировщик, а мне предстояло заняться сортировкой, стоя у стола, и имея перед собой корзину с почтой, брал письмо или бандероль, читал адрес и отправлял, просто бросал в нужную ячейку, *на тракт*. Время от времени, работник того или иного тракта открывал свою дверцу у шкафа и забирал почту на дальнейшую сортировку. Вот таким сортировщиком я и стал.

Через два-три дня я уже безошибочно знал, в какой ячейке должна находиться почта для тех или иных губерний. Две недели ушло на отработку положения тела и головы относительно разбираемой корзины. Каждый человек, сообразуясь со своим ростом и развитием, выбирал себе наиболее удобную позу для работы. Очень скоро я начал работать, как автомат, рассортировывая по 100-120 писем в минуту. Месяца через три или четыре я стал одним из лучших сортировщиков. Тешило ли это мое тщеславие? Не знаю. Хотя и возможно, что тешило. Было нелегко простоять всю смену на ногах, не имея отдыха. Уставал, но молодость быстро справлялась с физической усталостью. Работая почти автоматически, я испытывал определенное наслаждение от чувства, что я уже добытчик. Я имел время наблюдать за новыми окружавшими меня людьми, совсем не связанными с нашей семьей и матерью. Это было очень интересно. Я наблюдал иную жизнь, и впервые испытал чувство любви, чувство, о котором я много читал, но которое меня до сих пор не одолевало.

К работе на сортировке писем все относились как к *ниспосланному всевышним* наказанию. Каждый старался, как можно быстрее от нее избавиться. Иногда можно было выключить у дежурного по сортировке работу на *урок*, то есть взять одну - две корзины и, рассортировав их как можно скорее, уйти с работы пораньше.

В наши руки попадала только простая корреспонденция, которая не имела цены, но и тут тоже процветало воровство. Среди сортировщиков было два-три человека, которые, каким-то особым чутьем, определяли, в какое письмо вложена бумажная *рублевка*, иногда и *трешка*. В те годы неискушенные люди, не знавшие почтовых нравов, чтобы не тащиться на почту отправлять перевод на один или три рубля, вкладывали их в конверт вместе с письмом. Обычно это были письма на фронт или с фронта. Были «специалисты» и по бандеролям, которые знали, что можно взять и с выгодой реализовать. К таким вещам относились художественные альбомы, рассылаемые издательствами, или шоколад, конфеты и какао в бандеролях на имена военнопленных, присланные из Германии или Австрии по почте Красного Креста. О воровстве знали все, но закрывали на это глаза и лишь старались не попасться на глаза старшему по сортировке чиновнику.

Как ни странно, но местом, портившим меня, или, можно сказать, развращавшим меня, была обычная столовая. Это была столовая ресторанного типа. Попав туда впервые, я буквально *обалдел* от того количества блюд, которые, оказывается, готовятся на потребу человека. Мне все это казалось излишествами чревоугодия. Дома я не был избалован едой. Мать, экономя каждую копейку, в обед кормила нас супами и кашей. Первое блюдо варилось в пределах трех наименований: щи, суп с картошкой, суп гороховый. В постные дни это меню варьировалось супами с грибами или из соленой рыбы, обычно сазана. Последние вызывали у меня отвращение, и ел я их буквально «из-под палки». На второе была каша с салом или картошка все на том же говяжьем сале. Иногда вместо каши на второе мать давала тюрю (накрошенный в миску хлеб) на молоке. Лет до пятнадцати в семье все ели из одной миски и только в годы войны мать, узнав, что у соседей едят из отдельных тарелок, ввела это новшество и у нас. Тарелки появились, но скудность еды и неизменность установившегося меню – остались.

Когда же мне представилась возможность обедать, а иногда и ужинать в столовой, я, в пределах имеющихся у меня возможностей, стал предаваться «чревоугодию». На это, безусловно, потребовались деньги, которые я стал утаивать от матери. В это же время я пристрастился к пиву, оно тогда мне казалось «райским напитком».

На первичной сортировке корреспонденции в начале женщин и девушек вообще не было, исключая уборщиц – старых и неопрятных. Девушки работали только на двадцатом тракте, то есть там, где принималась и сортировалась зарубежная корреспонденция. Там требовалось умение читать написанное латинским шрифтом, и туда, по-видимому, принимали на работу окончивших гимназию. Вот среди этих девушек вдруг нашелся объект моей мечты. Именно мечты, так как даже подумать, что девушка обратит на меня свое внимание, я не мог. Часто я ожидал ее появления на улице, с тем, чтобы где-нибудь в отдалении от нее следом идти за ней. Жила она на Петроградской стороне. Глядя на нее, у меня не возникало ни одного греховно-плотского помысла.

Прошли святки 1917 года, в этом году рождественских каникул не было, ведь я стал добытчиком. Я приходил на дежурные смены по сортировке все так же на галерею почтамта. Все так же передо мной корзины с почтой и соты ящиков трактовых направлений. Временами ящики открывали с обратной стороны, почта исчезала, чтобы я смог снова пополнить опустевшую ячейку. Ячейки очищали какие-то невидимки и вокруг меня тоже были какие-то тени. Кто-то что-то делал, но конкретно того, которого можно было бы обрисовать или вспомнить, такого нет. На работе, как и в училище, я был нелюдим. Сейчас, я не могу припомнить ни одного лица или фамилии моих сослуживцев. Где-то в тумане маячит белобрысый чиновник в тужурке со светлыми пуговицами и с фамилией вроде Орлов или Орел. Этот Орел остался в памяти потому, что во время ночных дежурств рассказывал *похабные* случаи, да и о своих связях с девицами «определенного сорта». Одна из них уже месяца два работала рядом на сортировке. Орел время от времени удалялся с ней в укромный уголок, и спустя некоторое время, победно ухмыляясь, появлялся на галерее, а потом смачно делился впечатлениями.

Подхлестнутый Орлом, а может быть, и переходным возрастом, я подобрал себе *второй объект*, но это уже был объект плотских вожделений. «Она» была единственной женщиной, работавшей на первичной сортировке. Было непонятно, почему и как она попала сюда. Понятно для меня было одно – это была, мягко говоря, первая встреченная мною женщина легкого

поведения, которую я почти ежедневно видел около себя. Какая она, я узнавал от уже искушенных в *делах сих* моих коллег по работе, да и потому, как она вела себя на ней. Она могла удалиться с любым из более опытных и самостоятельных чиновников почтового ведомства, чем я. Я чертовски хотел побыть наедине с ней, но рассчитывать на благосклонность даже этой женщины я не мог. Особенно обидно было, что я не обладал деньгами.

Семья смогла выделить средства на первый в моей жизни мужской костюм, сшитый на заработанные мною деньги по мерке, точно на мой рост из более или менее добротной материи.

Молнией удачи летом 1916 года мелькнул Брусиловский прорыв. Гролом провала дальнейших боев была оглушена Россия. Кровавая бойня войны, глумливая слава Распутина, внутренние неурядицы и надвигавшийся голод в рабочих кварталах Петрограда вызывали нервные пересуды, а со стороны заходивших к нам земляков и знакомых солдат звучали уже почти нескрываемые угрозы кому-то, вслух не называемому, но только не немцам. Немцы и австрийцы как бы отходили на второй план, они вроде бы мешали понять, в чем же причина всех нахлынувших неурядиц.

СИНЕМАТОГРАФ «ВЕНЕЦИЯ» В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ

Очередями с версту, голодными демонстрациями и стрельбой, неразберихой и лозунгами, в которых трудно было разобраться мне, свершилась февральская революция. Царь отрекся, началась дележка власти. Но все это было смазано и мало осталось в памяти в результате горя, постигшего нашу семью – мой отчим Николай лишился места киномеханика. А дело было так.

Хозяин синематографа «Венеция» - Лактаев, как видно, неплохо зарабатывал на прокате кинолент. Несмотря на революционные события, а может быть, и благодаря им, количество сеансов было увеличено, и мы с Николаем успешно справлялись со своими обязанностями. Но как-то в начале марта мать раздобыла где-то срочный и по своей срочности выгодный заказ. Запустив ленту и убедившись, что фильм идет нормально, Николай оставил меня в будке, а сам отправился домой строчить на машинке. Все было бы нормально, я не раз уже прокручивал фильмы самостоятельно. Но на этот раз дуговая лампа аппарата отказалась гореть так, как надо. То ли угли, которые покупал Николай, были слишком дешевыми, и он сэкономил на них, то ли подсунули ему плохие угли, но они у меня не горели там, где надо. Сколько я ни крутился, угли горели в держателе, а не на стыке. Хозяин, находившийся в зале, заметил, что *яблочко* света сбилось, и свет стал не белый, а желтый и совсем, наконец, исчез, влетел в будку и, увидев меня с обожженными руками, взревел: «Где он... уволю!» - это относилось к отсутствующему Николаю, и вылетел прочь. Зная, что он сейчас побежит домой к Николаю, я тоже с воем понесся следом, желая обогнать его. Влетели к нам домой почти одновременно. Что было дальше - я не помню, но фильм мы в этот день прокрутили, и свистевшие, возмущенные зрители были хозяином успокоены и денег обратно не получили. На следующий день хозяин привел нового киномеханика. Новенький появился в будке, посмотрел аппаратуру, проверил состояние *фильмы*, перемотав ее на бобинах, и потребовал, чтобы Николай начал прокат фильма. Действовал он по-хозяйски, с виду, со знанием дела, каков он был на самом деле, не знаю, но для меня он был самым противным человеком в мире – он отнимал у нас работу. Как видно где-то в душе у меня таилась мысль или надежда, а вдруг хозяин механика не найдет, а вдруг пожалеет..., но бобина крутилась, лента сматывалась, и наша работа соскочила с валика и прощально махнула кончиком ленты. Все. Николай снял бобины и щиток и уступил место новенькому, довольно крикнувшему, что аппарат работал безукоризненно. Хозяин указал нам на дверь. Все. Новенький заправил ленту, осмотрел угли и начал фильм. Мы вышли в зал. Минуты через три произошел первый обрыв ленты, затем – второй. Не дожидаясь четвертого обрыва, мы с Николаем ушли домой. Сколько обрывов допустил новенький, не знаю, но на следующий день сам хозяин лично пришел к нам и упрашивал Николая вернуться, ссылаясь на то, что *прямо разор один*, а не механик достался ему. От места в «Венеции» Николай отказался, а щиток, отводивший в течение двух лет пленку, устраняя этим ее обрывы, он куда-то спрятал. В семье ничего не выбрасывалось.

Запись Павла Коновалова 22 ноября 1974 года

Учительница начальной школы за месяц своей работы получает зарплату равную недельной зарплате шофера. Имеющие высшее образование- врач или инженер – получают зарплату равную половине зарплаты квалифицированного слесаря, токаря или каменщика. Заработок доктора наук равен зарплате горняка-забойщика. Конторские служащие, имеющие, как правило, среднее образование, зарабатывают подчас меньше, чем уборщицы или продавцы. Это поразительное явление, по сравнению с заграничными порядками и по сравнению с прошлым, объясняется как будто бы очень просто – планированием привлечения рабочей силы в первоочередные по важности отрасли хозяйства. Как будто бы с государственной точки зрения, все правильно. А на деле получаются следующие парадоксы. Труд учителя, медработников и конторских служащих стал в нашей стране по преимуществу привилегией женщин. Увеличилось и количество инженеров и ученых женщин. Мне кажется, что женщины составляют половину всей инженерной рати нашей страны. Плохо это или хорошо? Как будто бы хорошо. Это позволяет вовлечь в трудовой процесс всех женщин, а тем самым способствует их эмансипации. А, с другой стороны, это приводит к тому, что каждая семья, если она хочет обеспечить свое материальное положение, должна иметь мужа, работающего в сфере материального производства, а жену – в сфере интеллектуальной. Ведь всем же ясно, что семья молодых с ребенком – муж рядовой инженер (95 – 105 рублей), жена – учительница начальной школы (70 – 75 рублей), не может свести концы с концами.

2.2. ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ

ЛЕТО 1917 ГОДА В ЖИЗНИ ПАВЛА КОНОВАЛОВА

Моя надоевшая работа и наслаждение «райским напитком» вдруг закончились. Именно вдруг! В двадцать первой секции моего шкафа оказалась вскрыта бандероль. В двадцать первую секцию, доступ в которую был только через дверцу с противоположной стороны, имели чиновники, обнаружившие неправильно направленную бандероль. Вскрытая бандероль попала на глаза дежурившему в тот раз Орлову. Вот этот самый Орел с тараканьими усами обвинил меня в похищении банки с яблоками из вскрытой бандероли. Мои слезы и мольбы, заверения, что «я и видом не видывал этой банки» ни к чему не привели, и на другое утро мне предложено было покинуть работу.

В начале июня я оказался безработным. Боясь предстать перед семьей не только безработным, но и опозоренным кличкой вора, я слонялся по улицам Петрограда, с ужасом ожидая двадцатого числа, числа, когда нам выдавали жалование, которого я уже не смогу принести домой и, что... об этом я не хотел, да пожалуй, и не смел думать.

Это был июнь 1917 года с его классовыми бурями, с его демонстрациями, митингами и всеобщим брожением умов. Это было время, когда, уставшая от проклятой бойни, армия солдат, понявшая, для чего и для кого ведется война, начала втыкать штыки в землю, и уже тысячи солдат грозной тучей неслись по домам.

Я в те дни, будучи свободным и не разбираясь в политике, а просто любым путем пытавшийся скоротать время, был рад любой демонстрации, любому митингу. Кто их устраивал – большевики, меньшевики, эсеры или кадеты – меня мало интересовало, так как, находясь в толпе, я не чувствовал себя одиноким. Со временем я уяснил, что большинство таких мероприятий были большевистскими. Участвовал я, а вернее видел колонны демонстрантов, мое физическое тело тоже находилось в этих колоннах, но мысль была только одна - что делать? И несмотря на то, что кругом кричали и требовали борьбы, я решил бежать, но куда бежать?

Будучи душевно одинок, я держался инстинктом вместе с толпой, я вместе со всеми чего-то требовал, а требовал того, чего толпа требовала. Так я участвовал и в июльской демонстрации (по новому стилю). Толпа демонстрантов, и я где-то в ней, была на Марсовом поле, но после того, как раздались выстрелы в стороне Невского, а стреляли совсем недалеко – на Садовой, часть толпы бросилась бежать, и я с ней, на Конюшенную площадь. На другой день мне попался «Петроградский листок», на первой странице которого большими буквами было напечатано: «Ужас! Петроград был захвачен немцами!». Буквы были большие, кричащие. Больше ничего на странице «листка» напечатано не было. Я, проплутавший целый день по городу, недоумевал: какие немцы? Откуда они взялись? – ведь я на улицах не видел ни одного немца и не слышал ни одного немецкого слова.

Суть дела, как ни странно, я узнал дома. Зачастившие к нам солдаты-земляки отца разъяснили, что мол так называют большевиков, вождь которых Ленин проехал через Германию в «запломбированном» вагоне. Людей, уважавших действия властей, понятие «запломбированный» приводило в какое-то непонятное состояние полу мистического гипноза. Слово понятно, в содержании его что-то есть, а что именно, не ясно. Вот на эту-то неясность все и кивали, как на слово «глумиться», что, как, зачем – не понятно. Глумиться – и все сказано. Разговоров о кайзеровских «миллионах», вывезенных в этом же вагоне, еще не было. Надо сказать, что солдаты были почти все настроены по-большевистски. Все были за мир. Все рвались домой. Все ни на грош не верили в то, что писали в официальных правительственных газетах. Нужно сказать, что именно эти рассказы и разговоры солдат, особенно, если они велись за чашкой чая, то есть *одомашненные* разговоры, явились первыми истоками, показавшими мне путь в члены РКП(б), куда я вступил в 1919 году.

В Петрограде жить становилось с каждым днем все тяжелее и тяжелее. Работы киномехаником Николай найти не мог, большинство сценаристов закрылось. Стало по-настоящему голодно, продовольствие сильно вздорожало, а потом его и совсем не стало. В этих условиях мать решила перебраться в деревню, на родину. Чтобы облегчить переезд семьи пришли к выводу, что часть вещей лучше отправить заранее багажом. Находясь не при деле, о чем мать и не догадывалась, я

напросился, чтобы с этими вещами послали меня, а я мол отпрошусь на службе дня на два-три. Мать решила, что это вполне резонно, и выписала мне в районном комиссариате милиции документы на право выезда из Петрограда и возвращение в него.

Итак, захватив документы и сшитый мне матерью новый костюм, сказав, что иду на дежурство по службе, я ушел в неизвестность. Привыкнув к тому, что мною всегда кто-нибудь управлял, я решил искать другого надежного наставника вместо матери. И решил, что этим наставником может быть и отец. О нем я слышал, что он проживает где-то в Вятке. В Вятку я и отправился.

МАСШТАБЫ ВРЕМЕНИ

Лейтмотивом повествования о жизни в Петербурге послужили два перелома в судьбе Павла Коновалова, которые накладываются друг на друга, один из них – социально-исторический перелом 20-го века – революции 1917 года, другой – перелом в жизни молодого человека, знакомый каждому – отделение от семьи и вступление в самостоятельную жизнь. Вносит ли одновременность этих событий какие-либо специфические черты в свидетельства?

Поль Рикер (Ricoeur (2000)) настоятельно рекомендует профессиональному историку искать разницу между памятью «отвлеченной» (помехи памяти), памятью «манипулируемой» (являющейся объектом манипуляции), и памятью «вынужденной» (память-долг). Глядя с таких позиций на записки Павла Коновалова, можно заметить, что в представленных им картинах революционного прошлого Петрограда 1917 года не обнаруживается следов памяти, «манипулируемой» активным деятелем коммунистической партии, по меньшей мере, не так мы на Западе себе частенько представляем рассказ о событиях предлагаемых советским недиссидентом. Не обнаруживается и след памяти «вынужденной», поскольку в событиях лета 1917 Павел Коновалов не запомнил ничего, преднамеренно представляющего в лучшем свете революционную историю, что впоследствии могло бы быть воспринято как обязательное или вынужденное исходя из позиции автора. Даже свидетельство расстрела 3 июля не содержит информации, которая могла бы «приукрасить» его персональный вклад. Павел Коновалов присутствовал на манифестации, но никоим образом не принимал в ней участия. Зато можно различить в рассказах о событиях следы памяти «отвлеченной», отвлеченной от значимого для Истории, по причине личных забот, связанных с неудачами интеграции в мир зрелых людей. Увольнение со службы на почте пережито столь драматическим образом, что Павел не видит, что происходит вокруг него и как многие даже не пытаются этого понять.

Образы и рассказы не приводят нас непосредственно к мысли о множественности времен, о которых говорит Бродель (Braudel (1958)), то есть о масштабах времени, являющихся методологическими конструкциями социальной истории. Историки выявляют масштабы времени (*échelles de durée*) посредством анализа корреляций между экономическими, политическими и культурными переменными, подвергнувшимися значительным отклонениям от их регулярных траекторий. Анализ корреляций историком, так же, как и анализ причинной связи, экономистом, позволяет воспринимать временной ритм и выявлять тематику каждого отрезка времени. Новая тематика проявляется, когда ясными становятся совместные нововведения в разных областях. В социальной сфере инновации или нововведения измеряются в терминах эффективности, принудительности или ценности в коллективном сознании.

Вернемся к событиям 3 июля 1917. Расстрел просоветской манифестации войсками временного (буржуазного) правительства явился ускорителем временного ритма на шкале российской социальной истории. До этой даты мирный переход от полицейской монархии и аграрной экономики к демократии в специфически русском виде государства общественно группового типа оставался возможным. Действительно, до этого момента существует двоевластие, власть Советов (форма демократии, развивающаяся на базе идеи общинной жизни русского народа) и власть временного правительства, сформированного Думой – новым институтом парламентского типа. Этот мирный путь «расстрелян» 3-го июля. 3 июля – четко констатированный водораздел в «масштабах времени», и вместе с тем он подвергается сомнению и даже вовсе отвергается академической наукой.

Никакого акцентирования на этой дате ни в том, ни в другом смысле у Павла Коновалова нет!

Страницы о жизни и труде в российской столице до революции написаны Павлом Коноваловым через 40 лет после ее совершения. Является ли его текст порождением памяти или страницей истории? – задался бы вопросом Поль Рикер. Казалось бы, здесь присутствуют оба аспекта, поскольку эпизоды описаны разнопланово. Павел до 18 лет живет в семье мелких хозяйчиков портновской мастерской и непосредственно соприкасается с миром, где люди трудятся, обслуживают клиентов, противостоят инспекторам, едят, спят, осваивают профессиональное мастерство. Однако, Павел Коновалов не отдает должное своим воспоминаниям об этом мире. Это важное для его жизни и судьбы пространство представлено как исторический экскурс со ссылками на рассказы отца Ивана об освоении им портновского мастерства и трудностях, встреченных в профессиональной жизни. Отец и мать Павла были учениками одного и того же портного, но воспоминания матери не представлены в «Мемуарах» Павла Коновалова, по меньшей мере, они отосланы на задний план, он на них не ссылается как на таковые в явном виде. Надо сказать, что Павел жил в портновской семье, но, собственно говоря, там не обучался. Он ничего не говорит о том, основаны ли описания этого мира только на воспоминаниях отца или они пропущены через фильтр его собственных каждодневных наблюдений. Можно предположить, что корректировки имели место, иначе бы он, сын, обратил бы внимание на аспекты новизны и несоответствия между двумя историями – прожитой и рассказанной. Отклонение пересказанных воспоминаний о трудовом процессе от воспоминаний о нем на собственном опыте отмечающее явные перемены, ввело бы указание на скачок в масштабе времени. Отклонение такого типа служит обычно профессиональному историку критерием проверки универсальности тех или иных методов вовлечения людей в трудовую деятельность.

2.3. УЧЕНИЧЕСТВО И ТРУД

Цель этого раздела можно сформулировать следующим образом: включить в историю памяти Павла Коновалова, передающую индивидуальное представление о прошлом, представление, объективированное другими, то есть сделать вышеизложенные повествования объектом истории. Поэтому, ремесленничество и индустриальное производство в городе и деревне будут рассмотрены в этом разделе как документальная и разъясняющая фаза событий, свидетелем которых был Павел Коновалов. Я использую здесь два документа – «История о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (Smith (1776)) и «Русская фабрика» Туган-Барановского, с тем, чтобы докопаться до сути проблемы и оценить точность повествования Павла Коновалова.

ГОРОДА И РЕМЕСЛА

Россия была аграрной страной, и развитие ремесленничества, не зависящего от сезонного характера сельскохозяйственных работ, началось лишь в начале 17-го века. В это же время города становятся центрами административной, ремесленной и торговой активности. В них зарегистрированы в этот период около 210 кустарных ремесел, а в Новгороде, например, значительно больше – 293. Среди этих ремесел – 23 специализируются на кулинарии, 25 – на изготовлении предметов домашнего обихода, многие работают с металлом, кожей, деревом и изготавливают украшения. Эти работы чаще всего выполняются по заказу. Меньшая часть продукции предназначена для продажи, которая осуществляется мелкими коммерсантами – купцами. Это жители городов, которые содержат небольшие лавки, куда ремесленники приносят свою продукцию. Собственники лавок – горожане, по социальному происхождению это резервисты и люди, подвластные боярам и духовенству. Их численность пропорциональна числу городских жителей каждой из этих сословий. Крупные торговцы, именуемые «гостями», не обязаны жить в городах. Они торгуют мехом, кожами, солью и зерном между городами и странами и владеют магазинами, объединенными в торговые галереи (гостиные дворы), существующие во всех городах. В 16 веке существует 3 корпорации таких привилегированных коммерсантов, общее число которых не превосходит 600 человек. Первый официальный поименный акт «гостей» вышел в 1566 году. В нем фигурировало 12 имен. В 1650 году 24 персоны имели этот титул. Со временем этот вид деятельности демократизируется, и, например, родители Павла Коновалова в своем ателье шьют по заказам одного из коммерсантов – «гостя» из Гостиного двора Санкт-Петербурга.

Население Москвы – самого большого города России в конце 17-го века – не превышает 200 тысяч жителей, и в течение длительного времени городское ремесленничество остается маргинальным видом деятельности в стране.

В 1898 опубликована книга «Русская фабрика», докторская диссертация крупного русского экономиста Туган-Барановского. Для нас эта книга – «золотая жила», содержащая огромный объем информации и оригинальные мысли по поводу русской цивилизации в конце 18-го и 19-м веке. Мы находим объяснение причин слабого развития ремесленничества, оценку роли крупных фабрик в обучении специальностям, историю формирования промышленных профессий и описание условий труда в городах. Мы узнаем, что еще в начале 19-го века необходимость индустриального развития не была очевидна для всех. Защитники индустриализации дискутируют лишь об индустрии, востребованной сельским хозяйством и необходимой для обеспечения занятости земледельцев, учитывая, что полгода из-за климатических условий крестьяне не обеспечены работой.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Промышленность и индустриальные специальности появляются по инициативе Государства в 18 веке. Государство в лице Петра Великого дает заказы на промышленную продукцию.

Построены крупные фабрики, производящие продукцию до такой степени исключительно для Государства, что управляющие не имеют права продавать ее частным лицам под угрозой штрафа. В случае реализации торговой сделки преследуются оба ее участника – и продавец и покупатель.

Промышленная рабочая сила – не выходцы из ремесленников, как в других западных странах, а крепостные, сельское население и крестьяне, которые после постановления 18 января 1721 года могли быть проданы торговцам для работы на фабриках. Таким образом, наемной вольной рабочей силы не существовало. Фабричные люди в течение длительного времени оставались низко квалифицированными. Если производительность труда и росла с течением времени, то главным образом под воздействием «кнута»; крестьянин-рабочий, пытающийся бежать с фабрики, сурово наказывался. До 1861 года, года реформы, отменившей крепостное право, горная промышленность целиком базируется на принудительном труде, напротив, в хлопчатобумажной промышленности труд крепостных не существовал практически никогда. В этом последнем секторе доминирует мелкое семейное производство.

Есть два типа индустриальных производств. «Вотчинные» фабрики принадлежат дворянам. Известно, что работа на них была организована в две смены, что в течение 2-х месяцев рабочие занимались сенокосом, что работа не всегда оплачивалась, а если оплачивалась, то, как деньгами, так и в натуральном виде²⁶.

Второй тип – фабрика «посессионная». Это учреждение, которое снабжается и получает субвенции (землю, оборудование, рабочих...) от правительства. Здесь работают государственные крестьяне (которые тоже являются крепостными), а также бродяги, заключенные, каторжники. Большинство рабочих имеют клочок земли, принадлежащий фабрике, а не земельному собственнику. Юридически предприниматель не может ни разделить предприятие, ни продать крестьян без фабрики, ни изменить номенклатуру и объем выпускаемой продукции. Эти параметры определяет правительство. Кроме того, предприниматель-фабрикант не может использовать рабочих на иных работах, нежели фабричных и должен платить «достаточное» жалование. Министр внутренних дел, разрабатывающий регламенты предприятий, защищает интересы дворянства, класса собственников земли и помещиков, и руководствуется в основном полицейскими и политическими соображениями. Его главная забота – избегать столкновений и массовых беспорядков. Из-за этого законы, исходящие из сферы его компетенции, косвенно ориентируются на защиту интересов рабочих.

Длительность рабочего дня или почасовая норма (урок) определены фабрикантом, но в случае недоразумений законом предусмотрено вмешательство Министерства финансов. В некоторых условиях государство разрешает не платить рабочим, но предлагает разделить рабочее время таким образом, чтобы 50% времени рабочий мог работать на себя. В «свободных» контрактах уровень и форма оплаты устанавливаются в соответствии со спросом и предложением, а также с учетом уровня безработицы. Рабочий «посессионной» фабрики не рискует потерять работу, и его заработная плата гарантирована.

В 1811 Министр внутренних дел проводит закон, устанавливающий 12-ти часовой рабочий день ежедневно, кроме субботы, когда он длится 6 часов. Женщины и дети, хотя и крепостные до 1861, не принуждались к работе. Заработная плата должна была быть уравнена с заработной платой «свободных» рабочих (контрактников). В регламенте шелкопрядильной фабрики (Купавино в 1803 г.) отмечено, что оплата труда должна пересматриваться каждые 10 лет с учетом изменения цен на хлеб и другие продукты потребления рабочих. Регламент Ярославля предусматривал существование при предприятии врача и больницы. Результаты опроса хозяев 107 посессионных фабрик, касающегося оплаты труда, показывают, что многие рабочие получали часть заработной платы в натуральном виде: они имели дома, пособие для нетрудоспособных членов семьи и снабжались мукой по сниженным ценам. На текстильном предприятии во Фрянове среди рабочих выбирался уполномоченный, наблюдавший за точностью оплаты. Вследствие этого реальные выплаты выросли здесь на 25% за 20 лет наблюдений.

Министр финансов, управляя посессионными фабриками, представлял интересы промышленников. Он считал, что фабриканты должны иметь возможность принимать экономические решения, касающиеся их предприятий, поскольку, кроме всех прочих причин, говорящих в пользу децентрализации, имел место факт нерентабельности принудительного труда. Министр предлагал также позволить фабрикантам снижать заработки. В 1833 кабинету министров были адресованы жалобы фабрикантов с требованием права изменять номенклатуру продукции

²⁶ Описание жизни таких фабрик можно прочитать у Н.Тургенева (Tourguenev (1847)).

(количественно и качественно) на их фабриках. В 1835 фабриканты добились разрешения отпускать крестьян и ремесленников с посессионной фабрики, но так и не получили права изменять объем продукции, предписанный правительством.

ФАБРИКА И ИЗБА РЕМЕСЛЕННИКА

Фабрика благоприятно влияет на развитие ремесленного производства в сельских местностях. Согласно Туган-Барановскому, это производство капиталистического типа и является таковым с 17 века. Подтверждением тому является тот факт, что продукция этого сектора не потреблялась самим производителем, не обменивалась на местном рынке, а передавалась торговцам. Если для производства лаптей, скорняжного дела или производства войлока не было нужды в капиталисте, поскольку все это – предметы семейного пользования, то производство шелка, перчаток, патронов не было порождено семейными потребностями крестьян. Они – плод капиталистических предприятий. Хлопчатобумажная промышленность появляется на крупных фабриках в конце 18 века, затем вокруг развиваются в форме субподряда красильные мастерские ремесленников. В начале фабрика делает заказы, и ремесленник их выполняет, затем он полностью отделяется от фабрики и создает свое собственное предприятие. Ремесленничество развивается, поскольку фабрика – мануфактура, то есть она использует мало машин и из-за этого может быть разделена. Но в России именно фабрика формирует ремесленников разных специальностей.

В конце 19 века перемещение населения в города ускоряется, рождаются новые производства, и заметно прогрессирует уровень образования²⁷. Обозреватели пишут, что рост населения в городах благоприятствует росту уровня грамотности населения больше, чем инициатива открытия деревенских школ, зародившаяся в это время. Связь с землей слабеет, но сохраняется, откуда и низкий уровень заработной платы рабочих. Заколдованный круг этого времени таков: для роста заработной платы надо было разорвать связь с землей, а чтобы разорвать связь с землей, надо было повысить заработную плату.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ: ДИСКУССИИ И ПЕРЕГОВОРЫ В 19-ОМ ВЕКЕ

В 1882 году принят закон, который запрещает работать детям младше 12 лет, сокращает продолжительность рабочего дня несовершеннолетних от 12 до 15 лет, устанавливая ее на уровне 8-ми часов в день, кроме воскресения, а также запрещая им работать ночью. Закон рекомендовал ввести обучение детей в школах. Назначенные правительством инспектора наблюдают за условиями труда в мастерских. Этот закон соблюдается предпринимателями по-разному. Например, в Санкт-Петербурге из-за нехватки рабочей силы заработная плата была выше, чем в других регионах и технологии были более продвинутыми. Из-за этого в конкурентной борьбе между регионами предприниматели Санкт-Петербурга требуют еще большего сокращения продолжительности рабочего дня. Производительность труда на московских предприятиях ниже, а соответственно и заработная плата там ниже, и, как следствие – фабриканты заинтересованы в увеличении легальной продолжительности рабочего дня. Новые законы введены в действие в 1885 и в 1886 годах. Они сокращают общую продолжительность труда и запрещают ночную работу женщинам. Такое законодательство объясняется не только давлением, оказываемым Петербургскими хозяевами предприятий. В действительности – это период экономической рецессии, а также подъема активности рабочего движения. Закон 1886-го года устанавливает: заработная плата должна выплачиваться 1 или 2 раза в месяц; запрещается оплата в натуральной форме (например, хлебом), запрещается производить вычеты долгов из заработной платы; предприниматели не могут брать процентную ставку за одолженные деньги; вычитать из заработной платы платежи за медицинские услуги, освещение мастерских, покупку средств производства. В случае несоблюдения правил оплаты либо в случае нанесения телесных повреждений хозяева подвергаются штрафу в размере 300 рублей. С другой стороны, установлено, что договор может быть расторгнут в случае плохого поведения рабочего (неповиновение, грубость), инициаторы забастовок могут быть подвергнуты тюремному заключению или сосланы.

²⁷ Сильная положительная корреляция наблюдалась между количеством выданных регионами паспортов, (что соответствовало количеству мигрантов в города) и количеством рекрутов, научившихся читать и писать в тех же регионах.

Так произвольный способ эксплуатации труда заменен в 1886 году строгой регламентацией отношений связанных с работой по найму. Государственный инспектор определяет внутренний регламент жизни предприятия.

При подготовке закона были осуществлены оценки возможных последствий сокращения продолжительности рабочего дня для экономической активности различных секторов. Делаются попытки оценить рост производительности труда, разрабатываются методы увеличения заинтересованности рабочих в интенсификации, эффективности и инновации. По количественным оценкам производительность труда должна была вырасти на 3-5% в прядильно-ниточном производстве, на 7-10% на ткацком производстве и на 15% на механических фабриках и в красильнях. Как правило, заработная плата не должна была снижаться из-за сокращения продолжительности рабочего дня.

Закон, принятый в 1882, был подвергнут широкой критике и отменен в 1890.

Из чтения трудов историков и экономистов вытекает, что ремесленничество в России никогда не было преуспевающим, что промышленные специальности были выкованы крупными государственными фабриками, и что профессиональное обучение не было институционализировано. В свидетельствах Павла Коновалова, касающихся условий работы и заработной платы портных рабочих и подмастерьев, находим детали, которые заставляют думать, что некоторые общие правила обучения рабочих и их занятости существовали вне фабрик. Трудно предположить, были ли знакомы с работами Адама Смита министр внутренних дел и министр финансов, ответственные за развитие индустрии в России, были ли их решения инспирированы британским примером организации труда в мастерских ремесленников, но многое из того, что рассказывает Павел Коновалов может быть понято и проанализировано перечитывая А.Смита. Благодаря некоторому сходству между описаниями русской и британской систем можно рискнуть объяснить природу русских явлений, опираясь на размышления А.Смита (1776), книга 1, глава 10 «О заработной плате и прибыли при различных применениях труда и капитала».

О ТРУДЕ И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ ПОРТНЫХ

А.Смит дает объяснение различию в заработной плате рабочих и ремесленников различных профессий в Англии в 18 веке. Он пишет:

«В Лондоне почти все рабочие-ремесленники нанимаются и увольняются своими хозяевами на неопределенный срок, со дня на день и с недели на неделю, как и поденные рабочие в других местах. И потому самый низкий разряд ремесленных рабочих, портновские подмастерья, зарабатывает полкроны в день, хотя общепринятой платой за простой труд следует считать восемнадцать пенсов. В небольших городах и селах заработок рабочих-портных часто едва доходит до заработной платы чернорабочих, но в Лондоне они нередко много недель подряд оказываются без работы, в особенности в летнее время».

В Санкт-Петербурге веком позже портные летом остаются без работы. Именно из-за этого мать Павла надеется, что ее сын освоит более востребованную профессию, например, сапожника.

Смит пишет, что заработная плата зависит от степени сложности работы, ее чистоты или отвращения, которое она может вызвать, от респектабельности вида деятельности как такового или его унизости. Так, в большинстве регионов (Соединенного королевства) портной зарабатывает в год в среднем меньше, нежели кузнец; его работа не всегда проще, но она много чище. Кузнец – ремесленник, но он редко зарабатывает за 12 часов работы столько, сколько горняк за 8 часов, будь последний даже простым рабочим. Ситуация объясняется тем, что работа первого не настолько грязна, менее опасна и осуществляется при дневном свете. Степень почетности составляет важную часть вознаграждения во всех профессиях, именуемых респектабельными; зато с точки зрения денежного вознаграждения этот тип профессий обычно недостаточно оплачиваем.

Это замечание, которое касается Соединенного королевства 18 века, весьма подходит современной России в отношении таких профессий как врачи и преподаватели! Например, в начале 21-го века доходы этих респектабельных профессий много ниже средних доходов населения. Мы поговорим об этом детально в следующих разделах этой книги.

А.Смит: «Презрение, которое проявляется в отношении некоторых видов деятельности, провоцирует обратный результат. Промысел мясника – профессия грубая и вызывающая отвращение – но почти везде он выгоднее других промыслов. Наиболее отвратительная из всех возможных занятий – это функция палача, и, однако, учитывая количество выполняемой работы, она оплачивается выше всех простых работ».

УЧЕНИЧЕСТВО

В Англии устав ученичества впервые был определен в 1563 году. В этом уставе были перечислены профессии, для занятия которыми требовалось предварительное обучение ремеслу. Этот устав фиксировал предельный возраст начала ученичества (он составлял 21 год) и максимальную длительность обучения (7 лет). Вслед за этим были созданы специализированные технические школы обучения ремеслу.

Портняжные ученики в России начала двадцатого века, по свидетельствам Павла Коновалова, были не такого уровня. Они моложе и срок их обучения короче.

В Соединенных Штатах обучение рабочих осуществляется с самого начала истории обучения ремеслу главным образом на специальных курсах, организуемых крупными предприятиями, такими, например, как железная дорога. В этом по Туган-Барановскому сходство России с Соединенными Штатами.

Ученик – это прислуга обязанная выполнять специализированные работы в мастерской своего хозяина в течение некоторого количества лет, в свою очередь хозяин-мастер должен обучить ее профессии. Такое определение профессионального обучения, данное А.Смитом, позволяет выявить различие между контрактным соглашением, где указаны обязанности сторон и длительность стажа, и мнимыми обязательствами мастера, типа: «хозяин должен обучить ученика профессии». А именно, обучение может варьироваться от «всего» до «ничего» в приобретении навыков и постижении секретов мастерства. Существовали контракты, по которым мастер брал обязательство обучать молодых людей и непрофессиональным навыкам (чтению, письму...) или выдавать свидетельства об окончании обучения мастерству.

Павел Коновалов пишет, что в Петербурге по окончании контракта ученики получали деньги и одежду, сшитую в мастерской.

Заработная плата ученика может включать надбавку за производительность превышающую норму, или она может быть меньше, чем разница между производительностью и расходами, связанными с обучением. В некоторых случаях напротив, ученики платили за обучение, работая при этом на хозяина.

Главная идея ученичества – это труд в обмен за обучение. Другие аспекты, такие, как дополнительное жалование, состав соглашения, сертификация полученной специальности и другие были достаточно разнообразными и скорее объяснялись местными традициями. Пределы изменения каждого из составляющих элементов – труда и обучения – остаются вообще неизмеримыми или не поддаются проверке. Экономисты-теоретики сегодня анализируют отношения между ними в терминах неполного контракта с асимметричной информацией.

Историки и экономисты пытаются понять причины появления такого института как ученичество. Обращается внимание на то, что, с одной стороны, ученичество позволяет хозяевам извлекать прибыль из труда учеников, используя несовершенство государственной системы подготовки ремесленников. Но исследования показывают, что ученики часто получают больше, нежели производят, особенно на начальной стадии обучения. С другой стороны, очевидна склонность хозяина нанимать на свое предприятие лучших мастеровых, а их отбор проще производить в процессе их обучения своими силами.

На практике обучение может принимать противоположные формы. Обучение может иметь место вне труда, то есть, когда совсем нет затрат производительного труда учеником и/или когда занятия осуществляются вне стен мастерской. Напротив, часто освоение мастерству проходит исключительно путем трудовой деятельности (“learning by doing”), то есть осуществляющееся без преподавателей и инструкторов. Очевидно, что ученичество – промежуточная форма обучения, когда обучение и работа на производстве в большей или меньшей мере осуществляются одновременно.

Обычно экономический анализ явления «ученичества» учитывает следующие элементы: технологию обучения, доступ к финансированию, оценку возможности быть занятым на производстве другим способом чем в качестве ученика, расходы, связанные с легализацией контрактов и сертификацией, оценку качества сертификации для перспектив занятости учеников вне предприятия, расходы по формированию стандартов обучения и расходы по организации обучения.

Способность молодого человека приступить к обучению и постижению профессиональных навыков зависит от условий оплаты этого периода его жизни. Либо семьи готовы к финансированию, либо внешние структуры берут это на себя (патронат, государство, банки). Речь идет скорее о натуральных, нежели денежных трансферах между предпринимателями и нанимаемыми.

Другая проблема, интересующая экономистов: что дает система практического обучения с точки зрения квалификации учеников. Теоретические модели такие как: «неблагоприятный отбор», «транзакционные издержки» или «установление соответствия» при найме на рабочее место – появились, вероятнее всего из-за того, что они формализовали феномен квалификации и вступления в жизнь людей как процесс «ученичества», нежели как момент поиска работы людьми с общим образованием, предлагающими себя на абстрактном рынке труда.

ПРИОБРЕТЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ В НАЧАЛЕ 21-ГО ВЕКА

Изменения в структуре занятости ускоряются в связи с возрастающим спросом на приспособляющуюся рабочую силу и с развитием техники, а это как всегда требует усовершенствований в квалификациях работников. В наше время предприниматели хотят иметь полностью подготовленных работников, пунктуальных, способных работать в команде, разрешать любые возникающие проблемы, вести переговоры и так далее.

Представляется, что дебаты о квалификации сложны, поскольку нет ясного определения понятия квалификация. Одни думают, что квалификация – это комплекс объективных качеств работника, позволяющих ему осуществлять производственный процесс в соответствии с определенной целью, при существующей технологии и существующем разделении труда, и с учетом ограничений. Другие авторы постулируют, что квалификации исторически определены социальными отношениями в сфере труда и образования. Исторический способ показывает, что квалификации эволюционируют в периоды перехода от независимого труда к труду наемному как в Англии 17 века, и при обратном переходе, когда жесткие формы смягчаются. Если форма независимого труда доминирует, профессии и квалификации трансформируются семьями или корпорациями и появляется определенного вида ученичество.

Квалификации определены технологической логикой, то есть в соответствии с организацией трудового процесса: концепцией рабочего места, описанием задач; логикой отраслевой структуры. Здесь можно отметить скольжение от «квалификации» к термину «компетентность», являющемуся персонализированным атрибутом квалификации; и к когнитивной логике. Когнитивная логика интересуется способами приобретения навыков (*savoir-faire*). Навык может быть выработан практикой, получением стандартных, рутинных профессиональных знаний, посредством воспитания²⁹, обучения мыслить и применять методы решения проблем и способами впитывания общей культуры труда.

Когда мобильность труда ускоряется, когда периоды безработицы удлиняются или становятся частыми, время, затрачиваемое на реконверсию и становление новых компетентностей растет и провоцирует рост расходов на обучение новым специальностям без отрыва от производства (Mounier (2004)).

²⁹ Глава 4 этой книги посвящена роли образования в процессе экономического развития нации.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОБРАЗОВАНИЕ

ГЛАВА III

ШКОЛА

ЖИЗНЬ ШКОЛЬНИКА И ШКОЛЬНЫЕ СТРАХИ

Меня, мальчика и первенца, родители решили отдать учиться в гимназию. Но к поступлению в первый подготовительный класс частной гимназии нужно было подготовиться, и вот шестилетним паренком, я начал ходить на квартиру к двум старым девам, где *брал* уроки по письму, счету и молитвам. Одна из дев шила пальто у моего отца. Возможно, стоимость пошива пальто и окупала мой первый курс наук. Вместе со мной эту школу посещали еще трое ребят несколько старше меня, они уже решали задачи, писали диктовки, а я преодолевал премудрость написания палочек и крючков в тетради с косой линейкой. Если счет до сотни, сложение и вычитание давались мне легко, то написание, особенно палочек, было для меня очень мучительно. Палочки выходили кривые и толстые не вмещающиеся в клетке, а страницы в тетради пачкались самым непонятным для меня образом.

Но, так или иначе, к весне 1907 года меня, начищенного и приглаженного, какая-то молоденькая знакомая моей старой учительницы повела на экзамен в гимназию. Я быстро *оттарабанил* попу «Отче наш», за что тот благосклонно погладил меня по голове, и быстро решил в тетради заданные примеры. Как обошелся экзамен по письму, не помню, но знаю, что в первый подготовительный класс гимназии я был принят. Сказать, что я был рад этому, не могу. Значительно больше радовалась сопровождавшая меня особа, которая тут же в гимназии многократно меня расцеловала. Но благим намерениям моих родителей сбыться не удалось. Когда встал вопрос об уплате за учебу в гимназии, что-то около ста рублей в год, их пыл к классической школе пропал. И я, спустя две осени, пошел в первый класс обычной городской начальной школы, в которой обучались дети петербургской бедноты.

Лето, предшествовавшее моему поступлению в школу, мы провели в Парголово, на даче. Необходимость выехать на дачу диктовалась, с одной стороны, желанием уменьшить расходы на квартирную плату, с другой, желанием вообще переселиться с Красносельской в другой дом, где бы было незасторно принимать заказчиц. «Наша дача» представляла собой хибарку, где имелась всего одна комната и маленькая кухонька. Комната – десять квадратных метров, а кухня – сараюшко во дворе. Хибарка располагалась где-то на Выборгском шоссе между первым и вторым Парголово. Перед дачей располагался небольшой палисадник, в центре которого рос куст красной смородины – единственное насаждение и достопримечательность. Он памятен потому, что в один прекрасный день из-за этого куста я был дважды выпорот. Когда отца с матерью не было, я нашел небольшую полоску жести и решил, что неплохо бы из нее изготовить косу. Нашел палку и, прикрепив к ней жестянку, получил косу. Раз есть коса – нужно заготавливать сено, а где взять сено? Была трава, но ее моя коса не брала. И я решил, что сено можно приготовить из листьев смородинового листа. Я «косой» сбил все листья, сгреб их и, привязав веревочку к картонке, вывез на этой телеге «сено» за угол дома к забору. Мое трудолюбие и самодеятельность вернувшимися родителями было тотчас же оценено надлежащим образом. Меня нещадно выпороли. Но беда не приходит одна. Следом за родителями явился и хозяин дачи, и меня в назидание – показательно высекли. Это был горький день моей жизни на даче. Но он с лихвой окупился – свобода и природа сгладили первые неприятности дачной жизни.

Я был зачислен в школу на Гребецкой улице Петербургской стороны. О первом периоде обучения в школе я мало, что помню. Помню, что от родителей требовали, чтобы ученики приходили в школу в серых с напуском рубашках – чтобы не было видно грязи. Учительница, Анна Александровна, как и все учительницы нашей школы, ходила в белом халате (в каких сейчас ходят врачи) и была хромой.

Я был тихий, дисциплинированный и хорошо успевающий паренек. Поступая в школу, я уже умел считать, читать и даже писать. Школьная премудрость, исключая чистописание и грамматику, давалась мне легко. Предметом моих мучений было письмо. Писал я, как говорили отец и мать – коряво, то есть грязно, некрасиво и в полном противоречии с правилами и законами

каллиграфии. Всегда делал множество орфографических ошибок, причем глупых – часто пропускал буквы, иногда вместо одной писал, да и сейчас пишу другую. Вместо *б* пишу *д*, или наоборот. А ведь грамматические правила знал назубок.

В школу старался приходить, как можно раньше. Утром дома выпивал стакан чая с куском ситного, получал на завтрак в школе три копейки для покупки булки. Но в булочной, наряду с запахом и нужной булкой, были конфеты, пряники и пирожные – так много соблазнов, которые нам дома не перепали. Как тут удержаться и не купить вместо булки пирожное, благо оно тоже стоило три копейки. Покупаешь его и по дороге в школу съедаешь. Но вот большая перемена, ребята достают из своих мешочков приготовленные заботливыми родителями завтраки. У кого булка с маслом, у кого с колбасой или даже с сыром. А я сижу и глотаю слюнки. Даю зарок, что завтра обязательно куплю себе булку, но приходит завтра и с ним пирожный соблазн и снова на большой перемене – угрызения совести и желудка. И так в течение многих и многих дней.

Друзей в школе у меня не было. Я был тих и скромн. Обычно после школы шел прямо домой, пригласить кого-либо из ребят я даже подумать не мог. Часто от шума и забот болела голова, и учительница Анна Александровна отправляла меня домой с нянечкой – школьной уборщицей.

Подошла весна 1912 года, а с ней и окончание начальной школы. Мать задумывалась о перспективах моей дальнейшей жизни. Обучать портняжному ремеслу меня она не хотела, так как знала, что не всегда у портного есть работа, а значит и хлеб. Из всех ремесел ей больше всего нравилось ремесло сапожника. Сапоги носят все, они снашиваются – дырки получаются в любое время года, а значит и в любое время года сапожник не будет без работы. Волновало ее одно – где найти такого хозяйчика, который взял бы меня в обучение. Уж очень я был мал ростом и хил. О другой карьере своего сына она мечтать не могла. Говоря о чистой работе, она завидовала почтовым чиновникам – сидит за столом, выглядывает в окошечко, продает марки и со стуком ставит штамп на заказные письма. Ни пыли тебе, ни грязи. Но мечтать о такой карьере для своего сына она тогда не могла.

После рождественских каникул в школе было правило – каждый ученик на школьной елке получал подарок стоимостью в двадцать копеек. А мне, как наиболее успевающему ученику, подарили электрический карманный фонарик с лампочкой и батарейкой, я полагаю, что копеек сорок к казенным прибавила моя учительница Анна Александровна. Итак, после каникул, она спрашивает меня однажды: «Ну что, Павлуша, будешь делать после школы, что думают родители?» Я сказал, что мама хочет отдать меня в ученики к сапожнику. «Ну куда тебе, ты еще мал для обучения ремеслу, тебе надо учиться дальше. Просись о направлении тебя в высшее городское начальное училище. Обучение там бесплатное. Покупать нужно только учебники. Я напишу твоей маме записку, пусть она придет ко мне в школу». И действительно, дает мне на следующий день записку. Пришел домой. Подаю матери записку и тут же слышу: «А ты что в школе наделал? Смотри, шкуру спущу, если что!» Еле, еле удалось втолковать матери, что ее вызывают совсем по другой причине. Поговорив с Анной Александровной, и польщенная хорошим отзывом обо мне, а тем более, что учительница ей намекнула, что после училища можно будет поступать даже на почту, мать дала свое согласие на обучение в школе еще на протяжении четырех лет. Я этому не был рад. Мать же, загоревшись желанием поместить меня в высшее начальное училище, с этой поры ежедневно напоминала о необходимости, во что бы то ни стало в это училище попасть. «Смотри, если в училище не попадешь – запорю!» И с этих дней страх обуял меня.

Из тридцати двух человек нашего класса, по словам Анны Александровны, в училище могут попасть не более трех-четырех человек, наиболее успевающих и примерных. У меня все было хорошо. Счет и другие «науки» я брал природной сообразительностью. Примерность была вколочена в меня ежедневными порками и ежеминутными окриками. Но с письмом было плохо. Я знал, что нужной оценки на экзаменах по русскому языку, я не получу.

Наступили экзамены. Диктует нам и принимает работы учительница из другого класса. Я вижу, что она ко многим подходит и многим исправляет ошибки. Я хочу, чтобы она подошла и ко мне. Но нет, не подходит. Так я и сдал свою диктовку непроверенной и неисправленной. Я знал, что без ошибок она не могла быть, что написана была некрасиво и грязно, но лучше всего я знал, что домой приходить не стоит, если в училище не попаду. Что делать? Куда деваться? До сообщения результатов оставалась неделя. Что будет, если меня не примут? И вот стою я на Тучковом мосту, взглядываюсь в воду и живо представляю себе, как, перепрыгнув через перила, я лечу в воду. Мне

казалось это лучшим исходом. Я уверен, если бы в этом возрасте дети могли сесть, то я бы обязательно поседел.

И вот наступило утро дня, когда к девяти часам надо было идти в школу за результатами. Я пришел в восемь, и, стоя на крыльце у запертых дверей школы, вглядывался в темное стекло и плакал. Слезы против моей воли текли по щекам. «Ты чего, Коновалов?» – спрашивает вышедшая из-за двери нянечка – школьная уборщица, отводившая меня несколько раз домой, когда у меня болела голова. «Да вот, не знаю попаду ли я в училище», – говорю я. «Да чего же ты, малютка моя, плачешь. Вот слушай, вчера принесли к нам из училища четыре бумажки и в одной из них написана твоя фамилия. Так что плакать нечего – учиться будешь». В девять часов вышел к нам директор и зачитал список принятых в Петровское училище. Моя фамилия стояла на четвертом, последнем месте среди учеников нашего класса. Итак, к великому моему счастью я оказался в числе попавших в высшее городское училище с четырехлетним обучением, размещавшееся на Малой-Посадской улице Петербурга.

Как пришел домой, не помню... Гора свалилась с плеч. Мать сказала: «Ну что ж, придется кормить тебя еще четыре года, зато в люди выйдешь... Может, почтовым чиновником станешь. Думаю, что заботы, труды и хлеб матери не забудешь...».

Товарищами по учебе в школе, носившей длинное довольно гордое название – городское высшее начальное училище – были дети мелких лавочников, кустарей и приказчиков. Все мы были равны и неразличимы в общей массе. Если и было различие, то только по числу записей в кондуите. Конduit – это такая маленькая книжечка, в которую любой преподаватель мог записать все, что он считал нужным сообщить родителям владельца кондуита, от неуспеваемости до прегрешений более важных. Мой конduit в течение всех лет обучения был чист.

Одна из особенностей училища, сразу бросающаяся в глаза, была в том, что в сапогах нас в помещение не впускали. Каждый ученик должен был иметь свои домашние туфли. Туфли одевались перед началом занятий и после их окончания укладывались в мешок и вешались на крючок в раздевалке. Первые две недели все в училище шеголяло в новых туфлях, но затем они по неизменным законам существования материи из вещей в себе превращались в вещи для нас, и, что было уже новым в классической философии, в вещи против нас. Нужно пояснить это положение. Через две недели все туфли превращались в опорки со сбитыми носами, стянутыми далеко назад задниками, и почему-то увеличивались в размерах. Ходить в них можно было только, как на лыжах, засунув пальцы ног как можно дальше в носки туфель и двигая ногами только вперед. Поднять ногу или попятиться – мы не могли, все попытки проделать это заканчивались потерей, если не обеих, то одной туфли обязательно. Но мы были мальчишками и, даже я, забитый в семье, иногда пытался побегать, как все, на переменах. Вот в это время нас и поджидало возмездие за легкомыслие. Возмездие обычно исходило от одноклассников или старших. Спортивным интересом было ухитриться, не потеряв своей туфли, наступить на задник туфли ученика, лучше всего бегущего, и тем самым свалить его на пол. Младшие и одноклассники так шутить со старшими остерегались. В противном случае вступал в силу закон стаи – «наших бьют!». Этот закон действовал только вширь и вниз, но никогда вверх. Паркет в классах и коридорах был сохранен и постоянно натерт шлепающими в опорках учениками. Пытались мы и покататься на скользком паркете, но горе было тому, кто в снующей толпе терял свою туфлю, ее можно было разыскать, и то не всегда, после звонка, когда все разбежались по классам, а классные наставники записывали в кондуиты, плачущим неудачникам замечания – «Вел себя недостойно, потерял туфлю, опоздал на урок». Паркетные полы были для меня большой неожиданностью (живут же люди!) и стали привычными только после революции.

Из учителей памятными остались только двое: учитель геометрии, он же учитель физики, высокий, худой и статный седой великан, отличавшийся необычной строгостью и своеобразной руганью, которой он осыпал неуспевающих по его предметам учеников: «Дурак, болван, дурrrrrа баба,...». Его боялись и потому геометрию и физику знали лучше, чем любой другой урок, все, даже всем известные лентяи и прославившиеся в училище тупицы. Второй – был немец Макс Юльевич – добрейший и скромнейший человек и, наверное, потому немецкий язык никто не принимал всерьез и, следовательно – не знал. На его уроках обычно «дым стоял коромыслом», каждый делал и вытворял все, что хотел.

В те годы я обладал хорошей памятью и, прослушав один раз материал на уроке по географии, истории, закону божьему и другим, я не нуждался в их приготовлении дома. Легко запоминались басни и стихи, но читать с выражением считалось в нашей среде ниже собственного достоинства. Письменные уроки я не любил. Чем больше старался, тем хуже получалось. Мысль опережала

скорость письма, получались пропуски, проглатывание букв и невообразимое их искажение на бумаге.

Запомнился мне и директор училища Павел Иванович, хотя он у нас и не преподавал. Как я теперь стал понимать, он любил нашу ребятню и позволял себе пошутить и, можно сказать, слегка повозиться с нами. Но мне пришлось не по душе его шутки, когда он, выхватив меня из толпы присмиривших в его присутствии учеников, засовывал меня к себе под мышку и смеясь, называя меня карманником, проносил по коридору. Он ничего плохого не хотел этим сказать, но в нашей среде, и особенно дома в словах матери, это было одним из синонимов вора, и поэтому я озлобился против директора.

С осени 1912 года – я ученик городского училища, дома же все по-прежнему: поиски заказчиков, *выползание* на коленях перед заказчицами во время примерок, посещение церкви и молитвы, потому что так хотела мать. Я тоже уже умел кое-как строчить на швейной машинке, выполняя несложные и неброские в глаза работы. Сестренки тоже не сидели без дела. В это время отчим Николай уже настолько овладел искусством фотографирования, что подрабатывал фотографом в саду Народного дома графини Паниной. Я посещал библиотеку этого Народного дома, с легкой руки моей старой учительницы Анны Александровны. Читальня библиотеки была открыта с двух часов дня до шести вечера. После шести часов заходить в залы *Нардома* можно было, уплатив десять копеек. За эту плату посетитель мог пройти в зал аттракционов и поохотиться над собой у кривых зеркал; за отдельную плату мог в тире пострелять из духового ружья, стоя посмотреть серию дивертисментов, исполняемых акробатами, фокусниками, куплетистами. Заплатив еще десять копеек, желающий мог купить нумерованное место на галерке и прослушать оперу или посмотреть драму. В *Нардоме* я мечтал посмотреть «Страшную месть» Гоголя, о которой ходили легенды не только среди мальчишек, но и среди взрослых. Содержание повести дополнялось таким количеством событий, такой чертовщиной, что понять, что именно происходило на сцене, было невозможно. Всем было ясно: посмотреть хочется, пережить ... не дай бог!

О драматических спектаклях я уже имел представление, так как в Петровском саду Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости, что на Петровском острове, на берегу Ждановки в летнем театре на эстраде показывали на ура патриотические спектакли «Купец Иголкин», «Солдат Василий Рябов» и прочие. Об этих выступлениях заранее оповещали афиши вроде: «Комическая пантомима. Фокусник Козюков. Ручные медведи. Спешите видеть !!!».

Финансовые затруднения, заставлявшие больше пользоваться рассказами о спектаклях, чем смотреть их, заставили меня и еще одного читателя библиотеки решиться на экономию гривенника путем тайного проникновения на галерку зрительного зала *Нардома*. Решено и сделано. Мы с ним, то есть с читателем библиотеки, вместо того, чтобы покинуть *Нардом* в шесть часов, забрались на галерку, и, пользуясь темнотой в зале, притаились под стульями. Сидели так часа полтора и, как только капельдинеры открыли двери и толпа, скопившаяся у них, устремилась в зал, мы «вынырнули» из-под стульев и уселись в центре первого ряда. Было все превосходно видно и слышно, и мы чувствовали себя на седьмом небе, предвкушая предстоящее удовольствие – увидеть захватывающее зрелище. Наконец, заиграла музыка, открылся, а вернее, раздвинулся занавес, и мы увидели артистов, которые почему-то не говорят, как положено людям, а поют. Понять ничего не можем. Пение, доносившееся со сцены, было совсем не похоже на то, которое мы слышали дома, к которому я привык, а некоторые песни даже полюбил. Мы сидим, хлопаем глазами, ничего не понимаем и жалеем, что, претерпев большие муки, сидя под стульями битый час, вынуждены терпеть совершенно неинтересный для нас спектакль. Кто-то из менее счастливых зрителей, не успевших занять сидячие места, завидев наши муки, предложил нам: «Мальчики, уступите нам ваши места, и мы дадим вам на кино по пятиалтынному». Мы, конечно, согласились и, получив по пятнадцать копеек, были безмерно рады, что наше сидение под стульями оказалось ненапряжным. Выйдя, мы прочитали на афише, что в тот день давали в театре «Травиату». Так я первый раз попал на оперу!

Приближалось время окончания высшего городского начального училища. Оно приближалось неотвратимо, и я начал снова подумывать, а не стоит ли мне покончить жизнь на этом этапе в преддверии экзаменационного краха и дальнейшего безвыходного положения для меня. Последний год в училище для меня стал особенно памятным. Это был кризисный год. Что-то подломилось в моей психике, а значит и в моей духовной жизни. Я был абсолютно одинок, у меня не было ни одного друга, с которым бы я мог обменяться мнениями. В семье, как меня давно уверили и продолжала уверять мать, я был дармоедом и нахлебником. Получить от матери затрецину я мог не только за проступок или за слово, сказанное не к месту, но и за просто не понравившийся ей мой взгляд. Возможно, у нее возникла в тот период ненависть ко мне, к моему взгляду и поведению подростка, пытающегося начать разбираться в хитросплетениях и лабиринтах житейских ситуаций. Возможно, тут сказывалось и то, что с годами она болезненно стала чувствовать и это стала замечать по окружающим, что она стареет и что она на много лет старше своего молодого мужа. Я же все больше и больше стал замечать в себе и в людях по преимуществу наиболее отрицательные стороны. Все стало казаться мне погрязшим в грехах и пороках. Все во лжи, лицемерии, в жестокости, в стремлении урвать что-либо со стороны,

казалось были готовы идти по жизни, растаптывая тех, кто послабее, то есть проходить путь, чтобы «выбиться в люди». И мои мысли повернулись к Богу.

Раньше в церковь я ходил по принуждению матери. Ей, кроме самого факта поклонения богу, как видно, нужен был и свидетель ее усердия в замаливании прегрешений. Она таскала по церквям меня, сестренки по «божественным» оценкам казались ей мало авторитетными. Молитвы, заученные годами и на уроках закона божьего, я отбарабанивал механически, а по утрам, если мать не видела, я совсем не молился. И вдруг такая перемена. Я обращался к богу со слезными жалобами на свою жизнь, на свое одиночество и на свою никчемность. Я ходил к обедне и ко всенощной не в церковь, а в часовни. Часовен, облюбованных мною, было две. Одна при входе в ограду Введенской церкви, а вторая у домика Петра первого. Первая была расположена возле дома, а вторая – недалеко от училища. В одну я заходил по дороге в училище, а в другую после уроков по пути домой. В тот год я был истинно верующим. Мне было нестыдно, стоя на коленях, плакать крупными и горячими слезами и, не читая никаких молитв, просто думать про себя: «Господи, посмотри на мою окаянную горькую жизнь, сделай так, чтобы мне легче жилось и дышалось». Я не просил у бога никаких особых земных благ. Я просил того, чего и сам не знал и не понимал. Просто я чувствовал, что, выплакавшись, мне делалось светлее и легче. Особое волнение у меня вызывали слова Евангелия, читаемые почти всегда во время молебна в часовне домика Петра первого, где говорилось: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, аз упокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток есть и смирен сердцем» или «Придите и приемлите, позовите и отверзится вам». Всегда эти слова вызывали у меня плач и слезы. Мысленно, и конечно про себя, я часто напевал молитву: «Кресту твоему поклонимся, владыко..» или читал молитву Ефрема Сирина «Господи владыко живота моего...». Слова этих молитв вызывали у меня в сердце чувство умиления, жалость и презрение к самому себе, то есть самую отвратительную из всех жалостей.

Но время шло, и к моему ужасу экзамены в училище неотвратимо приближались. Летом 1916 года на выпускных экзаменах я по всем предметам получил хорошие оценки, исключая оценки по немецкому языку. На экзамене, когда я был вызван для ответа, где мне предложили прочитать и перевести один из маленьких рассказов из учебника Гезлера и Пецольтца «Охотник и утка», я начал с того, что испугался и понес такую ахинею, что экзаменаторы, а большинство их было незнакомыми, впали в некий транс, сразу же, как я перевел название рассказа как «Охотник и свинья». Последующее мое довольно настойчивое и продолжительное молчание было прервано, и именно оно дошло до моего сознания, как требование проспрягать глагол «быть». Это наш славный Макс Юльевич бросился, пока возможно, спасать меня. Я *оттарабанил* навязшее спряжение и тем спас себя и Макса Юльевича от больших неприятностей.

Экзамены закончились успешно. На душе полегчало. Один из преподавателей, просматривая мои оценки, порекомендовал мне подать заявление для поступления в пятый класс реального училища. Я заявление подал, хотя прекрасно знал, что учиться дальше мне не придется. Заявление написано, подано, рассмотрено, и я оказался принятым в пятый класс, но не реального училища, а какой-то гимназии.

НИКОЛАЙ: ТАЛАНТЛИВЫЙ САМОУЧКА

Наиболее светлой личностью моего детства был двоюродный брат моего отца, дядя Николай. Он появился у нас, когда мне было года три, и стал учеником. Отец и мать не могли нахвалиться им. Скромный, услужливый, работающий, он слета воспринимал все указания отца или матери, особенно последней, которая в первый год его ученичества, да и потом, подавляла его своей силой, сметкой и самоотверженностью. Выросший в семье, не имевшей достатка, он знал, как тяжело достаются копейки, и все усилия матери прокормить семью делали ее героиней в его глазах. Николай много возился со мной, гулял, рассказывал сказки, показывал картинки. Будучи крайне любознательным, и, не видя пользы в *учении* у нас, он сбежал и поступил в мастерскую по изготовлению балалаек и мандолин. Большую роль здесь сыграло желание научиться играть хоть на одном каком-либо инструменте. Там его поставили сразу же на работу, а не заставили нянчиться с ребятами. Магази́нчик был богатый, что сказало́сь даже в том, что учеников кормили в трактире, а не в мастерской.

Кажется, ему бы там и жить, но было одно «но».

Хозяин магазина и мастерской, взял за правило за малейший изъян или дефект в работе расправляться с учениками плеткой. И вот, испытав раз другой на себе такую систему воспитания, беглец снова вернулся к нам заканчивать обучение портняжному ремеслу. Огромная любознательность, работоспособность, пытливым ум, усидчивость позволили ему быстро овладеть портняжным ремеслом, а попутно с этим и овладеть рядом других ремесел и навыков, которые он постиг самостоятельно. Он был неплохим столяром, неплохо владел искусством фотографирования, увлекался живописью (даже выписывал периодический журнал «Академия художеств на дому»), неплохо копировал акварелью картины Куинжи, Левитана, Айвазовского. Пользуясь учебными пособиями, овладел профессиями электромонтера и киномеханика, а позже, когда потребовалось, выполнял слесарные работы, был плотником, печником, ремонтировал швейные машины и ружья, чинил и выверял часы. Сам еще до революции собирал радиоприемники и ремонтировал их. Мог шить сапоги и свалить валенки. Позже он занимался садоводством, пчеловодством и разводил кроликов. Буквально не было такой вещи, которую он не смог бы починить или сделать. Если бы он поучился в школе не два года, а больше, он безусловно смог бы сделать в жизни значительно больше и был бы известным человеком. Но такой разносторонний талант, заключенный еще в условия жизни нашей семьи, так и остался самоучкой.

СЕЛЬСКИЙ ШКРАБ

В 1918 году мой отец и я оказались безработными. После некоторых размышлений отец поехал в волость, в село Воскресенское на Мусоре, где в исполкоме были его сверстники и знакомые, вернувшиеся с фронта солдаты, завершившие «октябрьский переворот» в нашей волости, изгнав урядника, прогнав станового пристава и образовав *волисполком*. Со своими, хотя и коммунистами, у отца был короткий разговор: «Имею сына, нужно пристроить на работу. Образование – законченное высшее начальное училище». Матюгнув отца, что скрывал наличие грамотного, меня сразу же поставили на должность учителя в соседнюю деревню Молоково. Я же, вызванный в волисполком к Валькову Степану Даниловичу, каким-то образом отвечавшему за народное образование, получил следующее напутствие: «Вот, Павлуха, Советская власть назначает тебя учителем. Без Советской власти учителем тебе бы не быть. Нам нужно, чтобы учитель помог созданию комитетов бедноты, читал и разъяснял, что пишут «Правда», «Известия» и «Беднота», помогал проводить продрозверстку, бороться с дезертирами и уклоняющимися от службы в Красной Армии. Но это в общем, а пока займись ликвидацией неграмотности среди взрослых, а также газетами. Потом по мере надобности будешь помогать Советской власти в остальных делах».

С замираньем сердца начал я свою работу *шкраба*, то есть школьного работника.

Итак – школа. Только что отстроенный пятистенок с голыми стенами и с некоторым подобием парт, сработанных каким-то местным умельцем, и вычерненной доской на стене, для такой деревни, как Молоково был неплохим помещением для школы. Единственная табуретка для учителя и полное отсутствие каких-либо пособий дополняли картину этого заведения *наобраза*. В одном помещении, ну это, как и везде, должны были заниматься сразу три группы. В деревне было несколько человек, ходивших зиму, а то и две в школу на Саре, это верстах в трех от Молоково.

Занятия начинались с молитвы. Каждый день молитву «Отче наш» читал ученик третьего класса. Молитва читалась по настоянию председателя Молоковского сельсовета. В его представлении, да и в представлении всего населения деревни, иначе и быть не могло. Однако со временем ученическая лень и мое пренебрежение к молитве свели на нет это мероприятие. Начало занятий, их продолжительность и время окончания регламентировались, можно сказать, петухами и моим настроением. С учениками учеба подавалась туго, значительно легче было учить взрослых. По предписанию председателя все того же молоковского сельсовета, три раза в неделю все взрослое население деревни собиралось в школе, где я учил их узнаванию, написанию и чтению букв, а потом и слов. После «письма» и «чтения», я ввел за правило чтение стихов. Это я делал сам, читал Кольцова, Никитина, Некрасова. Ну, а между ними я зачитывал выдержки из газет «Известия» и «Беднота». Нужно сказать, что всем этим я добился нужного для волостной парторганизации эффекта.

Население деревни состояло из солдаток, вдов, древних стариков и подростков, не считавших до этого времени необходимым посещать школу и обучаться грамоте. Что же касается мужиков, то все они были в Красной Армии или в дезертирах, уклоняясь от призыва скрывавшихся в

окрестных лесах, которые густой стеной вставали сразу же за небольшими огородиками. Для читки газет и проведения бесед меня стали приглашать в соседние деревни: Фоминское, Шаламово, Дьяконово и другие.

Весной 1919 года, в уезде, а наш уездный город был Пошехонье, как видно поняли, что по уровню своих знаний я в учителя не подхожу, и, вызвав меня в город, направили на всю весну и лето на курсы ликвидаторов неграмотности.

Время, проведенное на курсах, было самым счастливым и радостным из всех восемнадцати лет, уже прожитых мною. Было голодно, небольшой успех превращался в триумф, а небольшая неприятность бросала меня в глубокое горе, но все равно – тогда мне все было по плечу.

В августе 1919 года, мы окончили курсы по *ликбезу*, не получив никаких свидетельств об их окончании, были распределены по школам уезда. Я снова попросился в Молоково, в знакомые места. Там недалеко продолжали жить отец и мать с сестренками. Близость родителей облегчала мое экономическое положение, так как на зарплату *шкраба* можно было купить разве лишь полпуда картошки.

Теперь занятия я начинал не с молитвы, а с пропаганды новых времен, когда путь к знаниям открыт для всех. Писали на оберточной бумаге, когда она была. С трудом доставали мел и с еще большими трудностями добывали карандаши. Жил я у *бобылки*, питался картошкой и вместе с учениками обедал в столовой горячей похлебкой, сваренной из реквизированных у какого-либо кулака или купчика из окружающих деревень продуктов и мяса.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

К 1928 году я почувствовал, что мне не хватает серьезных знаний. Как их получить я себе не представлял, понял одно – надо было учиться. И вот как это организовалось.

Весной 1928 года партией осуществлялся очередной прием на подготовительное отделение института «красной профессуры». Так громко в то время именовалась высшая партийная школа при ЦК партии. Кандидатуры утверждались *зубкомом*. Я подал заявление, и моя кандидатура была утверждена. Причем, она стояла первой среди трех кандидатов. Предварительно в Ярославском *зубкоме* я прошел специальную комиссию, в которой подвергался каким-то, «рыжим» по цвету волос (не помню его фамилию), работником *зубкома* более или менее тщательному опросу. Список переслали в ЦК, а я в это время с женой и сыном поехал в отпуск к отцу. Дней через десять я получил письмо от приятеля из Ярославля, проникнутое есенинским пессимизмом: «Все пройдет, как с белых яблонь дым», тебе отказано в приеме в профессию, как и всем остальным. ЦК решил после «Шахтинского дела» в этот институт принимать только работников от станка. Я был огорчен тогда, но сейчас я даже рад этому. Где теперь все те, кто *подвизался* в институте в то время? Где Стецкий, Морецкий, Богушевский и прочие? След их остался только в старых номерах журнала «Большевик» за 1928 и следующие за ним годы. Статьи их, многословно заполнявшие страницы журнала, для меня в те годы, хоть и были мало понятны и абстрактны, привлекали самим фактом публикации на страницах такого партийного журнала как «Большевик». Все их писания ушли в макулатуру, а сами они в тридцатые годы «ушли в безвестность». Пожалуй, и моя судьба была бы не лучшей.

Мысль об учебе меня все же не покинула, и мы, инструкторы *подива*, без особых трудов были приняты на вечернее отделение педагогического факультета Ярославского университета. Этот университет был *пожарным* образом организован и так же быстренько закрыт. И когда в августе 1928 года последовало решение ЦК партии о направлении на учебу в технические ВУЗы коммунистов в счет «партийной тысячи», я сразу же подал в *зубком* заявление о посылке меня. Направления я добился, но с большим трудом, так как я был армейским коммунистом, «подвластным» управлению кадров ПУРа. Мне нужен был приказ о зачислении меня в список кандидатов от Красной Армии. Я с рекомендательным письмом выехал в Москву в политуправление республики, там мне помогли уволиться из РККА в запас, и после некоторых проволочек я стал студентом «парттысячником» Ленинградского политехнического института.

На вопрос в приемной комиссии, на какой факультет я хотел бы поступить, я обескуражено ответил, что хотел бы работать где-нибудь на железной дороге. Электротехника, физика, механика и строительство были далеки от меня, но я вспомнил свои скитания по теплушкам и назвал железную дорогу. Такого факультета в институте не было, и меня определили на строительный. Мне было все равно. Я появился в приемной комиссии в военной форме с двумя шпалами в петлицах и этим вызвал удивление всех членов ее. Они заявили мне, что с военными они ни в кой

мере не связаны и не могут мне ничем помочь, но я потребовал с них только бумажку о принятии меня студентом – вопрос о демобилизации я должен был решать сам. Документально мое увольнение из Красной Армии в долгосрочный отпуск несколько задержалось, и я явился на занятия только 15 сентября.

Большинство *парттысячников* как не имеющих законченного среднего образования были первоначально направлены в подготовительные группы, а я, имевший неосторожность написать в анкете, что был студентом вечернего факультета Ярославского университета, был направлен в основную группу студентов строительного факультета. На первой лекции, на которую я попал, по аналитической геометрии меня взяла оторопь. Слушаю и ничего не понимаю. Вокруг меня мальчишки лет на десять моложе, вроде бы в чем-то разбираются. Обложился я книгами и с помощью великой моих новых друзей принялся «грызть гранит науки».

В институте тогда применялся бригадный метод обучения, суть его – в коллективном труде над учебным материалом. Составлялись пятерки студентов, и они должны были выдавать «на гора» учебный материал. Один за всех (мог сдать экзамены), все за одного (тоже могли сдать экзамены). И мы работали таким методом: я, Димка Бабушкин, Володька Карабанов, Пашка Никитин и несколько позже, Валька Каменский (ставший после Отечественной войны главным архитектором Ленинграда). Они вместо меня брали вершины строительного искусства, а я обеспечивал их тылы успехами по общественным наукам и партийно-политической активностью. Должен сказать, что и преподавательский состав ко мне как к *парттысячнику* и человеку уже давно переросшему студенческие годы относился более, чем снисходительно. Тот же самый профессор, так напугавший меня на первой лекции, бывало вызовет меня к доске, поручит решение задачи, да сам ее, очень тактично, продиктовал весь ход решения, и решит.

Защитив диплом с отличием в составе бригады из Бабушкина, Никитина, Клаева, я стал аспирантом кафедры «Архитектура промышленных сооружений». В то время бальной системы оценок успеваемости не существовало, и я получил свидетельство, что мне присвоено звание инженера проектировщика промышленных сооружений и приложение, в котором было указан перечень прослушанных дисциплин.

ГЛАВА IV

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Приступая к теме образования в России, я намереваюсь дополнить рассказы Павла Коновалова анализом других текстов об истории национального образования и некоторых трудов по психологии и педагогике.

Школьные годы Павла Коновалова совпадают с первыми шагами массового распространения школьного образования. Он рассказывает, что доступ народных масс к образованию расширился в начале XX го века, и одновременно дифференцировалась школьная система. В его понимании эта эволюция была вызвана потребностями развивающегося промышленного капитализма. Продолжая его мысль, зададимся вопросом, объясняет ли осознанная советской властью необходимость экономического роста структуру образования, внедренную этой властью в Советском Союзе? Напомним, что всеобщее образование насчитывает менее века в России. Точнее, начальное образование стало обязательным в Советском Союзе только в 1936 году¹⁴. Эффективность внедрения всеобщего образования в тридцатые годы поистине огромна. Оно позволило мощное ускорение технического прогресса, учащение научных открытий и инноваций в последующие сорок лет. В чем секрет русского образования? И почему появилась необходимость трансформации сформировавшейся и успешной системы в пост советское время?

¹⁴ Во Франции обязательное светское начальное образование (с факультативным религиозным образованием по четвергам вне школы) было введено в 1882 году.

4.1. СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Академия наук создана в России по инициативе Петра Великого в 1724 году в Санкт-Петербурге. Одновременно с этим, и поначалу в том же здании на берегу Невы открыли свои двери Университет и Гимназия. Этот унифицированный образовательно-исследовательский комплекс – первый пример системы непрерывного развития личности и воспитания с помощью образования.

В 1775 году, по просьбе императрицы Екатерины Второй, энциклопедист Дени Дидро разрабатывает «План университета русского правительства, или проект народного образования во всех науках» (Diderot (1966)). Дидро представилась возможность выразить свое философское осмысление образования и этим способствовать созданию совершенно новой системы для совершенно нового, как ему представлялось, общества. Он пишет: «(В России) нет и следа старых институтов, которые могли бы помешать воплощению ее (Екатерины Второй) взглядов; перед ней обширное поле, свободное пространство на котором она может строить по собственному ее желанию», а выявить эти желания ей может помочь он – философ просветитель.

Дидро предложил детальную программу развития всей системы образования от обучения детей до подготовки специалистов. Она рассчитывалась на удовлетворение всевозможных потребностей общества и на культивирование различных умов и талантов. Первостепенная задача педагогов состояла, по его мнению, в проведении разграничения между тем, что необходимо знать всем и тем, чему стоит обучить только некоторых представителей общества.

Начальное обучение должно было охватывать все население: «От первого министра и до последнего крестьянина, полезно, чтобы каждый умел читать, писать и считать». Школы должны были быть обязательными для всех детей. При этом Дидро не просто считает, что они должны быть бесплатными, он требует оплачивать учащихся из государственной казны: кормить и обеспечивать учебниками.

Основное внимание Дидро для средней школы, обращено на преподавание естественных и экспериментальных наук, о которых в то время и не помышляли в гимназиях России. Согласно его плану в классах восьмилетней школы, которая являлась переходной к собственно университету, должны изучать вначале математику (арифметику, алгебру, теорию вероятностей, геометрию), затем, в возрасте 9–10 лет, мальчики должны были постигать гидравлику, механику и физику. После этого, последовательно: астрономию и звездные системы, экспериментальную физику и естествознание, химию и анатомию. Лишь на шестом году обучения следовало изучать логику и общую грамматику, на седьмом – грамматику родного языка (русского, французского), на восьмом – поэзию и древние языки. То есть науки классифицируются им для преподавания в средней школе, таким образом, чтобы их последовательность и «дозировка» соответствовали индивидуальной полезности для людей, живущих в данном обществе и потребностям самого общества. А для развития народного хозяйства нужны, в первую очередь, люди с техническими знаниями, хотя всю сумму сведений в отдельных областях должны получать, согласно Дидро, только профессионалы.

Предложенная последовательность преподавания предметов от математики к экспериментальным урокам более или менее выдерживается как в России, так и во Франции до настоящего времени. Может быть поэтому, именно в этих странах, сложились устойчивые традиции, способствующие формированию сильнейших математических школ.

Вместе с тем, в 2008 году в России серьезно задумались над тем, нужно ли в старших классах средней школы учить всех по программе, составленной из 15–16 предметов. Высказываются предложения, идущие в пользу мнения Дидро о том, что «ни все всем нужно изучать». Может быть, имеет смысл сократить обязательный набор до 7, как это делается во Франции, и позволить желающим дополнить его двумя-тремя предметами из списков, предложенных в каждом учебном заведении для учащихся, способных вынести большую нагрузку или выразивших склонности к отдельным областям знаний.

Историю следовало изучать, начиная с истории своего государства и с ближайшего времени, так как эти разделы наиболее интересны для детей, и эти знания оказываются полезны в первую очередь. Уже затем нужно расширять программу на историю других народов и погружаться в глубь веков.

В государственных учебных заведениях должны были преподавать, кроме основных предметов, религию, моральное и политическое наставление. По-видимому, религиозные предметы были включены Дидро в курс учения только из снисходительности к императрице. Граф Толстой приводит выдержки из письма философа к Екатерине Второй: «Вы полагаете, что страх загробных наказаний имеет большое влияние на образ действия людей и что злодеяния, не останавливаемые виселицей, могут быть остановлены боязнью отдаленного наказания ... , что сумма ежедневных благ, доставляемых религией всем слоям общества, превышает сумму зла производимого в народе религиозными сектами, а в отношениях народов между собой религиозной нетерпимостью, этим трудно излечиваемым умоисступлениям. И так, остается только сообразиться с вашими умоисступлениями. И так остается только сообразоваться с вашим взглядом при обучении ваших подданных, и допустить, чтобы им объясняли два естества в Иисусе Христе, существование Божье, бессмертие души и будущую жизнь, но только как введение в науку нравственности».

Вероятно, именно с этой целью, указанной в конце приведенного отрывка из письма, религиозные темы включены в школьную программу современной России. Так могут быть восприняты уроки называемые «мир вокруг нас», куда входит, например, экологическая этика, но и христианская мораль, непривычное сочетание для светского европейского общества.

Следует обратить внимание на другое наставление Дидро, политического характера. Богословский факультет нужно организовать, по его мнению, так, чтобы не допускать «ничего, что способствовало бы сближению греческой церкви с римской, ... , это было бы опасно для государственного спокойствия. ... Безрассудно было бы позволять, чтобы влиятельное в государстве сословие (духовное) признавало, каким бы то ни было образом, иноземное главенство».

В Европе в начале 21-го века начала раскручиваться полемика о том, как не допустить в государственные школы символику различных вероисповеданий. Бурные дебаты вокруг ношения исламистских платков породили интересные мысли о роли истории, культуры и о формировании общественного сознания. Они способствовали, в определенном смысле, возрождению социальных и гуманитарных наук, участь которых в предыдущий период была весьма плачевной по сравнению с фортуной естественных и биологических наук. Последние, в связи с открытиями генетического кода человека, казалось, могли претендовать на роль расшифровщиков кода общественного устройства.

В конце девятнадцатого века, граф Д.А. Толстой (1884) вернулся к проекту Дидро, переведенному к тому времени на русский язык, и сделал вывод, что тот не получил никакого практического применения и был отложен Екатериною Второй в сторону, как непригодный при данных условиях в управляемой ею стране. Однако высказанные в программе создания российского университета мысли Д.Дидро сыграли в свое время и продолжают играть и теперь существенную роль в формировании политики воспитания и образования, как мы видели в размышлениях об этой программе.

Министерство народного просвещения российской Империи было утверждено в 1802 году, для управления Академией наук, Российской Академией, Университетами и другими образовательными учреждениями, типографиями, цензурой, периодическими изданиями, библиотеками, музеями и различными обществами по распространению знаний. В 1907 году Государственная Дума предпринимает попытку внедрения обязательного всеобщего начального образования, но терпит крах в этом предприятии.

Будущее системы народного просвещения формируется после революции 1917 года и растягивается на два десятилетия, в течение которых разрабатываются фундаментальные идеи советской школы. На первое место были поставлены задачи обучения взрослых и ликвидации безграмотности.

Именно этим и занимался молодой учитель Павел Коновалов в своей деревне.

В январе 1918 года Декрет Совета Народных комиссаров «Об отделении Церкви от Государства и Школы от Церкви» переводит руководство обучением и образованием из компетенции Синода в компетенцию Народного комиссариата. Строительство школьной системы начинается, следуя соображениям, высказанным в октябре 1918 года в тексте «Положения о единой политехнической школе». Этот документ намечает принцип организации, связывающий школу с жизнью и государственной политикой.

4.2. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

В двадцатые годы появляются работы, которые, в свете того времени и его идеологии представляют набор педагогических принципов. Значительное внимание уделяется проблемам политехнического обучения, содержанию, формам и методам профессионального обучения в школах, связи между школой и производственной сферой. Создаются школы профессионального обучения при фабриках и заводах, так же, как и школы для сельской молодежи в колхозах и совхозах.

В то же время психологи развивают оригинальные идеи о природе и цели образования. Это эпистемические проблемы психологии, но также и семантики. Слова «*éducation* (образование)» и «*enseignement* (обучение)» не синонимичны во французском языке. *Enseigner* – это научить других, тогда как *éduquer* – это способствовать выработке принципов и привычек, то есть формировать мышление. В русском языке слова, обозначающие эти два вида деятельности, отличаются значительно меньше, и приближаются по смыслу к понятию «*Enseigner*» обучать. Из-за этого некоторые русские психологи, чтобы отметить отличие их соображений от идеи обучения вводят термин «развитие». Это небольшое расширение смысла «образование» или воспитание как «формирование мышления» открыло возможность ориентировать его на исследование развития личности, которая, будучи частицей общества, участвует в процессе его развития. Вопрос, о котором дебатировали психологи России, состоит в том, предвосхищается ли развитие образованием или образование сопутствует и содействует развитию. В первом случае ученик – субъект образования, тот к кому прилагается размышление в процессе дидактической работы, тот, кто знает. Во втором случае ученик – объект, цель и результат воспитания (образования), тот, кто учится. Известный педагог и писатель Константин Ушинский основатель этого последнего направления мысли в России, представил проблему в своей книге с красноречивым названием «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (1867). Понимание ученика как объекта воспитания находится в прямой связи с либеральной точкой зрения и той, которая сводит образование к задаче адаптации индивида к экономическим нуждам капиталистической системы. Метод планирования потоков выпускников школ делает то же самое в механистической системе социализации. Зато развивающее воспитание субъекта образования возможно только в обществе, где не задаются целью модулировать граждан посредством школьной системы, приспособляя их будущим нуждам экономики.

Образование всегда находится под влиянием этих двух позиций, в частности в России оно отмечено двумя логиками. Развивать и/или обучать.

ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И ЭКОНОМИКА

Как и всякая философская мысль, мысль Маркса имеет многостороннее развитие в трудах его последователей. Это приводит в некоторых случаях к формированию противоположных позиций. Таков случай с определением места экономики в социальных науках. Чтобы схематично описать точки расхождения по этому поводу между марксистами, надо вернуться к доктрине Маркса: социальные отношения, устанавливающиеся по поводу собственности на средства производства, являются основой других социальных отношений, которые, таким образом становятся надстройкой. Основываясь на этой формулировке, экономисты приписали себе роль аналитиков основополагающей базы, поскольку в их задачу входит определение для каждого общественного строя природы собственности на средства производства. Остальное, то, что следует из этого главного анализа, великодушно оставлено этими экономистами другим социальным и гуманитарным наукам. Эти последние могут взять на себя образование, культуру, этику, эстетику, юстицию и др. Но философы и психологи прочитали Маркса по-другому, для них социальные отношения по поводу средств производства созданы людьми в процессе исторического и культурного развития. Анализировать основу социальных отношений возникающих в процессе производства – это изучать диалектический процесс взаимодействия между индивидом и обществом. Естественно, наука об образовании и воспитании занимает место, куда более важное в этом контексте.

В системе образования, соответствующей схеме «экономистов», развитие личности понимается как процесс формирования социального индивида благодаря его социализации и обучению. В эволюционистском варианте идея формирования личности меняется по мере необходимости адаптировать личность к новым нуждам и/или к новым экономическим ограничениям общества. Современные авторы, работающие над проблемой экономики образования, обращают внимание на такие факторы как роль личности, принадлежность различным социальным категориям и желанию соответствовать школьным идеалам. Математические модели, разработанные для описания связей между экономикой и образованием, изучают не столько соответствие финансовых ресурсов целям образования, сколько такие факторы как, например, качество преподавателей. Целью образования может быть, например, уменьшение разрыва между образом, который формируют для себя сами ученики, и тем, который им предлагает школа. Таким образом, наблюдается некоторое сближение между теоретическими подходами экономистов, психологов и социологов.

В России наших дней аспект развития все еще провозглашается. Например, в программе 2004 года указывалось, что образование служит гарантией конституционных свобод, прав и законных интересов человека; оно способствует защите здоровья нации; служит возрождению, охране и развитию национальных культур; подъему культуры России на международной арене; предупреждению социальных отклонений в детстве; сохранению семьи и защите родины. Ясно, что идеологически речь в этой программе не идет о том, чтобы сделать образование и воспитание механизмом, позволяющим лишь иметь более высокие доходы для тех, кто более успешен в школьные годы. А вот во Франции, в том же году, именно построение такого механизма было настоятельно рекомендовано членами Совета Экономического Анализа (Cohen (2004)).

Антон Макаренко (1888–1939) один из чрезвычайно талантливых созидателей советской педагогики. Являясь автором концепции формирования личности в коллективе, он реализует свои педагогические и психологические идеи в центрах развития для детей, которыми руководит между 1920-м и 1936-м годами. Один из этих центров – колония для несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей. Работая над педагогической проблематикой, он касается целой серии психологических аспектов. Отношения между членами коллектива основаны, согласно Макаренко, на «ответственной зависимости». Макаренко анализирует сферу мотиваций индивида, механизмы формирования качеств социально возвышающих личность и отводит первостепенное место в развитии у человека этически приемлемых потребностей, иначе говоря, потребностей коллективиста. Говоря словами Макаренко (Макаренко (1936)), человек не может жить в этом мире, если у него нет впереди ничего радостного. И это миссия школы организовать радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность; настойчиво преобразовать простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Но в жизни каждого человека есть труд, а в обществе всегда остаются тяжелые, неприятные, неинтересные виды труда. Многие работы требуют большого терпения, привычки преодолевать болевые угнетающие ощущения в организме; очень многие работы только потому и возможны, что человек приучен страдать и терпеть. Причины, которые приводят человека к исполнению таких работ, нельзя считать приемлемыми, потому что это неравенство, эксплуатация и подчинение. Поэтому первым этапом в разрешении конфликта между необходимым и приятным в обществе, которое интересуется развитием каждого – должно быть установление новых правил оплаты труда. В СССР (мы говорили об этом в предыдущей главе) факторами, положительно влияющими на уровень зарплаты, являлись изнурительность и монотонность труда, а повышенная степень почетности влекла к его понижению. Так, работы наиболее неприятные, рискованные, тяжелые, часто мало квалифицированные, лучше вознаграждались, чем деятельность артистов, врачей, исследователей и других профессий с сильным потенциалом притягательности. Второй этап, куда более длительный, состоит в том, чтобы воспитать, способствовать развитию коллективных интересов и делать это в рамках общественной школы. «Истинная педагогика разрабатывает этот вопрос, разбирает «механику человеческого усилия, указывает, какое место принадлежит в нем воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как все это комбинируется с явлениями чистого сознания, убежденности, разума» (Макаренко (1936)). По словам философа Игоря Кона (1967): «Чтобы стать субъектом познания, человек длительное время должен быть объектом обучения. Чтобы стать субъектом труда, человек долгое время является объектом труда окружающих. Чтобы стать самостоятельным субъектом общения, он является объектом воздействия со стороны других».

Будь ученик субъектом либо объектом образования, для педагога всегда существует проблема оценки потенциальных способностей конкретной личности. Еще Дидро указывал на существование двух крайних точек зрения. Первая, биологизирующая и картезианская, настаивает на аспекте предопределенности развития индивида факторами наследственными или божественными. Вторая точка зрения, бихевиористская и социализирующая, напротив, связывает все результаты развития с влиянием среды.

Социально-историческая психология отмежевывается от обеих точек зрения, она доказывает, что любое проявление психического развития связано с отражением мозгом внешней среды, но при этом есть еще и присвоение, приобретение опыта познания в процессе деятельности, то есть через обучение и воспитание. Образование – одна из форм психического развития индивида, элемент, необходимый в развитии. Всякое образование развивает, обогащает память и сферу условных рефлексов. По этому вопросу также существует две принципиально разных концепции.

Концепция развития через обучение (когнитивное развитие) (Пиаже, Фрейд) предполагает, что ребенок должен пройти в своем развитии стадии, строго определенные его возрастом (структуры предоперационные – формальные операции – формальный интеллект), прежде, нежели обучение сможет реализовать по отношению к нему свои специфические функции. Для авторов этой традиции развитие всегда предшествует образованию и воспитанию, но образование одерживает верх, поскольку оно его (то есть развитие) некоторым образом формирует.

В начале 1930 русский психолог Лев Выготский (1926) высказал идею, согласно которой образование должно опережать развитие ребенка и ориентировать его. При этом, именно развитие остается главным в этой совместной эволюции. Знания – не цель обучения, а лишь средство развития индивида.

Знания – артефакты и элементы культуры. Как средства производства (созданные человеком) в теории Маркса, артефакты трансформируют человека и его психологию. Знания созданы человеком и они – средства культурного развития индивидов. В противоположность животному миру, ряд функций человеческой психики организован во взаимосвязи с символами, которые суть артефакты. Вначале эти символы используются для связи между индивидами (взаимоотношения). Так, первые социальные связи ребенка и первое столкновение с лингвистической системой определяют формы его мозговой деятельности. «Если языки имеют универсальные свойства, которые отражаются в человеческом сознании как таковые, каждый язык предлагает, тем не менее, уникальный «мыслимый мир» и уникальную в своем роде точку зрения», – пишет Н.Шомский (1966). Позднее этот процесс становится внутренним (процесс интернационализации), и, благодаря ему, первичные детские функции заменяются высшими психологическими функциями. Все факторы окружающей среды являются решающими в социо-историческом развитии сознания. Появляются новые мотивы действий в соответствии со сложными моделями социальной практики. Так, появляются новые проблемы, новые способы поведения, новые методы получения информации, новые системы понимания реальности. Этот процесс и есть развитие. Образование сложных форм представления реальности и деятельности идет совместно с радикальными изменениями в мыслительных процессах, которые эмоционально воздействуют на эти формы представления и находятся у истоков человеческой деятельности. Выготский (1925) назвал это явление семантической и системной структурой сознания.

Все высшие психологические функции – это интериоризированные социальные отношения и они составляют структуру личности (нравственную индивидуальность, свободную и сознательную). Их состав, структура, способ действия, иначе говоря, вся их природа социальна; даже трансформированные в психологическом процессе высшие функции остаются квазисоциальными. Созданная социальная информация закодирована в культурных знаковых системах, она передается благодаря функционированию различных специфических институтов. Таким образом, знак существует вне человеческого организма и, как любой другой инструмент, созданный человеком, он отделен от него. Язык, письменность, измерительные системы, новые информационные технологии и коммуникации и т.п. – суть знаки. Благодаря знакам, психологические функции вырабатывают свои две важные особенности: волевой характер и целостность сознания. Психология, состоящая из знаковых систем, имеет экстериоризированную форму, это означает, что ее невозможно вывести из свойств отдельно взятого индивида.

Проблема современного мира – господствующее положение английского языка. Раз уж так получилось на практике, вероятно, его и нужно преподавать для общения и взаимопонимания на бытовом уровне, до тех пор, пока не созданы иные научно-технические способы общения. Вместе с тем осознаешь, до какой степени опасна, привитая нам за последние полвека привычка мыслить

в науке английскими терминами. Собственная оригинальная мысль загоняется в прокрустово ложе чуждых мыслительных форм. В последние годы преподавание общественных наук и в частности экономики в вузах все чаще и чаще проводится на английском языке. Профессора экономики не являются лингвистами, и создать свою фактуру в этом языке им не под силу, приходится встраиваться, а значит, и подчиняться, тому, что называется, «доминирующей» доктриной. Юрий Тынянов в романе «Смерть Визир-Мухтара» уже писал об этом: «Перешедший границу государства изменял не государству, а одежде, речи, мыслям»... «мысли его сосланы в иностранный язык. Двоеверие, двоееречие, двоемыслие – и между ними на тонком мостике человек».

Идеи Выготского «важны не только потому, что они квалифицируют человеческое знание как продукт социальной истории и указывают способ проведения научного исторического анализа, но потому, что они показывают средство расширения границ сознания и способ создания правил, вытекающих из человеческой жизни в обществе», – пишет его последователь А.Луриа (1974).

Специфика развивающего образования личности отражена в той роли, которую оно отводит формам самооценки деятельности, решительным и эмоциональным стремлениям личности к приобретению знаний. Личность – понятие динамическое. Она претерпевает в течение жизни индивида изменения, которые выражаются через прогрессивное или регрессивное развитие.

Среди регрессивных процессов социальной психологии, я назвала бы такие явления как отклонение от принципа светского характера образования во Франции и возврат исповедников и православного духовенства в повседневную российскую жизнь. Казалось, что светский характер образования в одном случае и атеизм в другом пронизали эти общества коренным образом, но нет, внезапно стало необходимо все пересмотреть и проанализировать, как отклонения, так и временную структуру новой коллективной духовности.

РЕБЕНОК – СУБЪЕКТ РАЗВИТИЯ

Система обучения, в которой ребенок – объект воспитания нацелена на формирование у детей начальной школы эмпирического ума. При таком обучении мыслительные процессы сведены к сравнению, определению общих свойств и классификации понятий. Зато при развивающем образовании задача обучения это микроцикл, восходящий от абстрактного к конкретному как средство приобретения теоретических знаний и, следовательно, теоретического мышления. Обучение осуществляется, исходя из теоретического знания, которое суть не правила, не определения, но понимание принципов объекта или явления, подготавливающее к приобретению и созданию новых знаний. Для этого учителя разрабатывают следующую последовательность действий: определение целей, планирование и организация, реализация целей и анализ результатов деятельности. Каждый из этих этапов оказывает специфическое воздействие на развитие личности. Процесс определения целей развивает чувство свободы, постоянного стремления к цели, честь, гордость и независимость. Деятельность по планированию содействует независимости, решимости, творчеству и инициативе. На этапе реализации целей дети вырабатывают старание, мастерство, точность и дисциплинированность. На этапе анализа формируются способности рационального видения, честность, критерии оценки, сознательность, ответственность, долг перед другими. Поскольку наибольшая часть этих качеств и способностей формируются в возрасте, когда ребенок учится в начальной школе, эта педагогика должна быть ориентирована на формирование личности ребенка более, нежели на обучение правилам и нормам, которыми являются, например, чтение и письмо.

В результате пересмотра «традиционных» взглядов на воспитание и на его взаимоотношения с обучением, русские психологи поставили на первое место становление ребенка как субъекта различных аспектов и форм человеческой активности. Одна из первых попыток реализовать эти идеи была предпринята Л.Занковым, который в 1950 – 60 годах разработал для начальной школы развивающую педагогику, которую назвал «гармоничной и интенсивной». Другое направление – «развивающее воспитание» предложено Д.Елькониным и В.Давыдовым в 1960 и использовалось в экспериментальных школах. Развивающее воспитание – это тип активного воспитания, которое сменяет воспитание объяснительного и иллюстративного типа. Воспитание должно максимально опережать развитие, используя генетические функции каждого возраста, привнося в них необходимые коррективы. Педагогические влияния опережают, стимулируют, направляют и

ускоряют развитие конкретной личности. И это потому, что общество и каждый индивид заинтересованы в том, чтобы формирование мышления проходило таким способом, чтобы оно смогло обеспечить за минимальное время максимальное развитие личности.

Сын Павла Коновалова Роллан учился в экспериментальной школе такого типа. Он один из первых выпускников первой английской школы в СССР, созданной сразу после Второй мировой войны в Ленинграде.

Многие страницы книги Павла Коновалова наполнены воспоминаниями о страданиях, спровоцированных его манерой писать и тем, что называют сегодня дислексией. Некоторые исследователи полагают, что дислексия вызвана одним из генов шестой хромосомы, вызывающим два небольших дефекта в мозгу, которые развиваются на 5-м месяце беременности. Это несчастье настигает около 7% населения в мире, особенно мальчиков. Несчастье, потому что сейчас, как и век назад, дети-дислексики в системе «традиционного» образования слывут ленивыми в школе, у них возникает чувство вины из-за того, что они, якобы, не прикладывают достаточных усилий, чтобы выучить правила, и чаще всего они кончают тем, что их социально изолируют. Что мы можем сделать для избежания таких ситуаций? Изменить общество, которое организовалось вокруг письменности, изменить принципы образования, которое не уделяет достаточного внимания другим характеристикам развития детей? Возможно, что мы часто подменяем в ущерб детям задачи медицинские на задачи социального реформирования. (Dumitru (2002)).

Развивающее образование существует и в других странах. Младший внук Павла Коновалова получил от него «наследство» – дислексию. Ему повезло учиться в младших классах в так называемой Активной двуязычной школе в Париже, когда был замечен изъян в его письме. Этот мальчик достаточно долго посещал кабинеты специалистов психологов, прежде чем последние опустили руки и констатировали свое бессилие ему помочь. Ему повезло, коллектив педагогов в школе был озабочен больше его развитием, чем его подвигами в письме. При их поддержке мальчик изучил несколько языков, играет на музыкальном инструменте, увлекается литературой, поэзией и наукой, наконец, благодаря полученному праву сдавать экзамены устно, он прошел конкурс в самый престижный ВУЗ Франции (Ecole normale Supérieure) для изучения естественных наук. Конкурс¹⁵ в этот ВУЗ принципиально отличается от конкурсов в другие инженерные учебные заведения, он принимает во внимание, главным образом, абстрактное мышление кандидатов, то есть не сводится к формальному контролю знаний.

ДОШКОЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

В России дети обычно не ходят в школу до семи лет. Существует много оснований для столь позднего вступления на школьную стезю.

Во-первых, не существует учреждений для малолетних с их специфической педагогикой, потому, что нет традиций, воспитывать детей этого возраста вне семьи, такой стиль не был создан. «Стиль – самая нежная и скоропортящаяся штука, – пишет Макаренко (стр. 276). За ним нужно ухаживать, ежедневно следить. [...] Стиль создается очень медленно, потому что он немислим без накопления традиций, то есть положений и привычек, принимаемых уже не чистым сознанием, а сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени». Русские малыши познают семейную нежность в руках их матерей или бабушек. Они открывают традиции и первые знания о мире в кругу большой семьи, где живет несколько поколений. Дворянские дети обретали свои жизненные навыки из рук няни. Известно, что великого русского поэта Александра Пушкина воспитывали не родители. Он принадлежал к русскому высшему обществу, и его родители были заняты светской жизнью; балы и прогулки занимали большое место в их жизни аристократов. В этой среде воспитание детей возлагалось на прислугу. Александр Пушкин был доверен бывшей крепостной крестьянке, освобожденной его бабушкой при продаже одного из семейных поместий. Именно с этой крестьянкой, няней Ариной Родионовной, будущий поэт научился играть и разговаривать. И, может быть, это главное, от нее пришли сказки и легенды, которые питали его вдохновение.

¹⁵ Во Франции нет вступительных конкурсов в Университеты. Все сдавшие выпускные экзамены средней школы и получившие диплом Бакалавр «Baccalauréat» могут продолжать обучение в Университете.

Во-вторых, надо учитывать слабую плотность населения в большей части страны, крупнейшей в мире. Этот факт всегда осложнял организацию школьного процесса в сельских местностях.¹⁶

В третьих, вплоть до семи лет школьное образование ребенка не является необходимым для его развития. Выготский объясняет это так: развитие человека, его семантической и системной структуры сознания и его творческого потенциала проходит через периоды кризисов, когда появляются новые качества психики. Он подчеркивает, что эти кризисы наблюдаются у детей в возрасте примерно одного года, трех, семи и тринадцати лет. После каждого кризиса воздействие среды на ребенка изменяется. Среда, объективно та же самая, становится с точки зрения развития, совершенно иной в «момент» перехода от одного этапа развития к другому. Таким образом, надо изучать среду не как таковую (с ее абсолютными измерениями: социально-профессиональными характеристиками родителей, наличием книг в доме,...), но в отношении к ребенку. Каждый кризис представляет собой серию внутренних преобразований ребенка. Ребенок к семи годам теряет свое простодушие. Он начинает плохо вести себя и капризничать. Наиболее заметная линия кризиса этого возраста – это начало дифференциации внутренней и внешней составляющих личности ребенка. «Утеря непосредственности означает привнесение в поступки интеллектуального момента, который вклинивается между переживанием и непосредственным поступком, что является прямой противоположностью наивному и непосредственному действию» малютки (Выготский (2000), стр.991). В семь лет начинают появляться эмоциональные структуры, когда ребенок чувствует, что означает «я радуюсь» или «я зол», то есть, он начинает сознательно ориентироваться в своих собственных эмоциях. Эмоции получают смысл, и благодаря ним, ребенок устанавливает новые отношения с самим собой, которые были невозможны до генерализации эмоций. Так, кризис семи лет проявляет первую логику чувств. Уровень требований к себе самому, к своим успехам, к своей позиции устанавливается у индивида именно на основе кризиса семи лет.

В Записках Павла Коновалова можно интерпретировать некоторые эпизоды как признаки кризисов семи и тринадцати лет. Первый возвращает нас к лету, проведенному на даче в пригороде Санкт-Петербурга. Павел выдумывает игру, реализует проект, но, вместо того, чтобы получить одобрение, он избит. Не впервые в своей жизни он бит, но это наказание оставляет у него след на всю жизнь, потому что в этом случае он способен задаться вопросом о своем негодовании и гневе своих родителей. Кризис 13-ти лет душераздирающ, Павел не может понять почему, но его вдруг охватывают религиозный пыл и экзистенциальные сомнения.

Другой спецификой России в организации школьного образования является концентрация уроков в школах либо в утренние часы до полуденной еды, либо после полудня. Объясняется это нехваткой школьных мест для всех в одно и то же время в некоторых регионах. Но в равной степени это и старая традиция, которая представлена также и в германской культуре, позволяющая ребенку определенную часть времени проводить в небольших работах по дому или помогать пожилым членам семьи и сопровождать их. Результатом такого расписания является развитие дополнительного и персонализированного образования вне общих образовательных программ.

В советскую эпоху практически бесплатное внешкольное культурное, спортивное и научное образование было доступно детям всех возрастов. Выигрывали от этого, конечно, больше всех жители больших городов. Представьте себе, ленинградские дети обучаются танцам в балльных залах царского дворца, стены покрыты мрамором, пианист аккомпанирует урокам, проводимым звездами Мариинского балета!

Нет ничего удивительного в том, что такие аспекты персонализированного русского образования становятся истоками полифонического характера новаторского духа русского народа, столь явного и поразительного у его лучших представителей: писателей Достоевского, Толстого, Набокова, Бродского; композиторов Чайковского, Стравинского, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича; художников Шагала, Малевича и даже экономистов – Чаянова и Кондратьева.

¹⁶ В частности, из-за того, что не было возможности обеспечить все население территориально доступными школами для детей (в Сибири и на крайнем Севере), не умея бороться с сопротивлением мусульман (культурно доминировавших в Средней Азии), в вопросе предоставления образования женщинам, невозможно было ввести обязательное начальное образование вплоть до 1936 года.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе я акцентировала внимание на принципах, структурирующих российское образование, и минимизировала комментарии к воспоминаниям Павла Коновалова. Здесь кратко описана история российского образования и особое внимание обращено на забытое произведение Дени Дидро о его программе создания российского образования (Посель, Синютин (2009)). Представленное обобщение теоретических работ русской школы исторической и социальной психологии имело целью раскрыть особенности развивающего образования. Подробнее об этом написано в нашей работе с Натальей Кузнецовой (Peaucelle, Kuznetsova. (2008)).

Для подведения итога хотелось бы высказать четыре основных убеждения.

Первое. Велик вклад основанной Львом Выготским школы исторической и социальной психологии в область наук об образовании. Труды этой школы позволяют понять, почему распространение знаний посредством образования становится всеобщим. Кроме того, и это особенно важно, они позволяют отыскивать способ расширения пределов сознания, являющегося, с одной стороны, результатом жизни в обществе, и, с другой стороны, способом выявить себя в деятельности. Это ответы на размышления и высказывания Дидро о роли общества и естественных талантах на развитие личности.

Второе. Развивающее образование, реализуемое в учебных заведениях России на всех уровнях вплоть до профессионального обучения, выражает усилие в приобретении учеником, являющимся субъектом образования, максимальных творческих способностей, обогащающих таким образом культуру общества в целом. Эти аспекты российского образования определяют полифонический характер новаторства русского народа. Образование, соединенное с общественно значимой деятельностью, аспект, пропагандируемый и воплощенный в педагогической деятельности Антона Макаренко, вырабатывает в каждой личности движущие мотивы к реализации коллективно значимых действий и к индивидуальному развитию, такие как: воля, самолюбие и самоуважение. Эти черты общественного сознания выявили свою значимость в трудовых достижениях и патриотической борьбе в период Отечественной войны 1941–1945 годов.

Третье. Активная политика в области образования и науки проводимая в СССР послужила примером для многих государств. Крупные государственные исследовательские центры были созданы по образу и подобию Академии наук, Академии медицинских наук, Академии педагогических наук. Тысячи исследователей, инженеров, преподавателей во всем мире, получивших образование в СССР или в учебных заведениях, созданных с его помощью, несут и развивают и сейчас русскую культуру.

Четвертое. Русское общество и русская школа находятся в состоянии перестройки после кризиса, связанного с распадом СССР. Современное состояние образования в России может быть охарактеризовано рядом черт, отличающих его от образования в других странах. Такими чертами являются: слабая вовлеченность детей в процесс образования до обязательной начальной школы; особое внимание, уделяемое развитию детей посредством внешкольных заведений; значение, придаваемое качеству поливалентного и высшего образования. Кроме того, следует еще раз обратить внимание на то, что вопреки декларируемому экономическому либерализму, образование ориентировано, прежде всего, на развитие человека и общества.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА:

***ОТ ДИСКУССИИ О РОЛИ ПРОФСОЮЗОВ ДО ПОВСЕДНЕВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ***

ГЛАВА V
ПРОФСОЮЗЫ

5.1. ДИСКУССИЯ, МОСКВА, ДЕКАБРЬ 1920 ГОДА

В конце 1920 года в партии развернулась дискуссия о профсоюзах. Троцкисты и ряд других руководящих работников, учитывая, что Троцкий был *наркомвоенмор*, рассчитывали найти своих сторонников в первую очередь в армейских парторганизациях. Дискуссия, конечно, не обошла и парторганизацию нашего полка. Хамовнический райком РКПб Москвы предложил комиссару полка П. провести партсобрание коммунистов полка и на собрание послал своего представителя – докладчиком, так как в полку не было товарищей, которые бы могли разобраться толком в вопросах профсоюзного движения. Почти все коммунисты полка в профсоюзах никогда не состояли, были выходцами из крестьян – вступили в партию в годы войны. Комиссар П., знал, что до вступления в ряды Красной Армии я состоял несколько месяцев в профсоюзе работников просвещения и предложил мне на этом собрании выступить в прениях. По своей молодости я, ничего не смысля в вопросах профсоюзов, взял слово и выступил. Мое выступление было слабым, да если правду сказать, никудышным. Я, услышав из доклада, что Троцкий решил «перетрясти» профсоюзы и военизировать их, свое выступление начал с того, что вот, мол, мы «обобрали» и «прибрали к рукам» деревню, а Троцкому даже этого стало мало, и дело дошло до того, что троцкисты хотят к рукам прибрать и рабочих, а раз так, то мы должны эти намерения Троцкого заклеить и поддержать точку зрения товарища Ленина Владимира Ильича. Когда докладчик слушал в изложенном мною аспекте о крестьянстве, он явно покривился, но так как я все же свое выступление окончил «во здравие», то есть за признание ленинской точки зрения, то он мне и собранию ничего не сказал, будто так все и надо. Собрание, как и было тогда положено, вынесло краткую, но выразительную резолюцию о полной поддержке В.И.Ленина и заклеило платформу Троцкого.

Дней через пять после партсобрания комиссар полка на партбюро ячейки вручил мне пропуск на заседание 30 декабря 1920 года в дом Союзов членов ЦК РКПб, МК РКПб, членов ВЦСПС, членов МГ СПС и членов РКПб. Комиссар заявил, что на весь полк выдан только один разовый пропуск, и партбюро полка решило выдать его мне как человеку сведущему в вопросах, стоящих перед профсоюзами в данное время. Он также сказал, что на этом собрании должен присутствовать и выступить Ленин.

Собрание началось днем, точного часа начала заседания я сейчас не помню. Я пришел с опозданием. Меня поэтому пропустили только на балкон. Когда я уселся и рассмотрел всех сидящих за столом, то был разочарован, Ленина – не было. Слушая в пол-уха выступления ораторов о вещах мне мало понятных – в выступлениях то и дело употреблялись такие термины как «тред-юнионизм», «производственная демократия», «синдикализм» и даже «анархо-синдикализм» – меня даже не увлекло выступление такого оратора как Бухарин, по книге которого «Азбука коммунизма» я усваивал основы марксистской теории. Я хотел только увидеть Ленина, а его в президиуме не было. Но вдруг зал возбудился, это собравшиеся аплодисментами встретили появившегося откуда-то сбоку Владимира Ильича Ленина. Он показался мне меньшего роста, чем я представлял, и одет был, как и все присутствовавшие в зале, в пальто. (Была зима, декабрь и здание, как мне показалось, в то время даже не отапливалось). Лицо Владимира Ильича было именно таким, каким я его видел на фотографиях, разве что более утомленное. Глаза его, сидя на балконе, я, конечно, разглядеть не мог. Все мое внимание было сосредоточено на том, как будет начинать и что будет говорить Ильич. Привыкший к митинговым выступлениям всех ранее слышанных мною ораторов, я рассчитывал, что голос Владимира Ильича должен быть громок, и что речь его будет наполнена лозунгами, вроде «Уничтожим гидру мирового империализма и всех его белогвардейских наемников», и тому подобное. Ничего этого в речи Владимира Ильича не было, и по тому, как притих зал, я начал понимать, что Ильич берет аудиторию в руки совсем не так, как я предполагал. Зал слушал вождя. Зал впитывал каждое его слово и все присутствующие, как мне казалось, были заморожены именно тем, что они слушают человека, стоящего во главе партии и революции. Должен признаться, далеко не все я понял в речи Ленина. Слишком уж я был малограмотен в политике партии, и особенно в вопросах профсоюзного движения и работы в нем. Прослушав Ленина, я, по сути дела, впервые понял, что дело революции – это не только вооруженная борьба классов, которую мы вели против белогвардейцев и интервентов, но и организационная работа в массах, в профсоюзах и на фабриках в целях налаживания производства на них. Я знал, что дезертирство – это уклонение от службы в Красной Армии, но из слов

Владимира Ильича я понял, что судьба революции и советского государства не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени зависит от организованности масс народа и его трудового энтузиазма.

ЗАПИСЬ 22 ИЮЛЯ 1967 ГОДА

Сегодня меня взволновала одна мысль. С тех пор, как я стал коммунистом, я считаю, что перестроить мир может, а значит и должен, рабочий класс. Я сам не рабочий, но став коммунистом, поступил в «услужение» этому классу, классу революционеров, классу строителей коммунистического общества. В моем представлении, только в недрах этого класса сосредоточена вся передовая мысль человечества и, преобразующая мир, энергия. И вот сегодня, когда я с этой меркой подхожу к рассмотрению сил и возможностей нашего советского рабочего класса, я, увы, не вижу в нем того, что должно быть. Мне кажется, что в нем сейчас нет ни революционности, ни дарований, ни даже должной эрудиции, без которой немислим класс, преобразующий мир.

Что представляет собой современный рабочий? Я не говорю о старой гвардии рабочих, которая сейчас представлена только единицами личностей. Я говорю о рабочих, которых сейчас большинство, о рабочих со стажем от двух до десяти лет. Кто они? Как стали они рабочими? Чем они живут, и какие мысли их волнуют? Мы говорим – «В нашей стране всем предоставлены неограниченные возможности роста и самоусовершенствования», у нас огромная сеть школ, техникумов и ВУЗов. Кто сейчас становится к станку и остается у него всю жизнь? В основном это те, кто в силу недостаточной одаренности и работоспособности не смог окончить школу и поступить в ВУЗ или в техникум. Только эта категория людей становится к станкам или устраивается на работу в колхозах или совхозах. Уже один тот факт, что человек оказался неспособным одолеть книжную премудрость и получить более высокое образование, заставляет этих людей ощущать свою собственную неполноценность и считать себя людьми сортом несколько ниже. Даже совершенно правильно осуществляемая политика заработной платы, когда труд квалифицированного рабочего часто оплачивается выше труда инженера, врача и учителя, не дает внутреннего удовлетворения этому квалифицированному рабочему. Вот почему, если взять наших современных рабочих, то никакие лозунги, статьи в газетах и выпрение речи, призванные возвеличить рабочий класс, не приводят к нужным результатам. В своей массе наш современный рабочий никак не представляется классом передовым, указующим путь другим слоям населения нашей страны. Я далек от мысли, что в среде рабочих нет вовсе одаренных и талантливых людей. Среди рабочих, особенно молодых, попадаются люди с задатками. Но они у станков долго не задерживаются. Очень и очень скоро они переходят на профсоюзную, комсомольскую, советскую, а то и партийную работу, расставаясь почти навсегда со своим рабочим местом.

Я встречаюсь с рабочими не только на улице, но и в цехах, где я, как лектор международник, читаю лекции. После этих встреч я все больше и больше прихожу к выводу об измельчании нашего рабочего класса. Пьянство, матерщина и внутренне присущая грубость не ослабевают, а усиливаются. А ведь это класс опора и будущее нашего государства, строящего коммунистическое общество! Все это заставляет меня прийти к выводу о том, что мы только по инерции говорим о ведущей роли рабочего класса в нашей стране, в то время как ведущая роль практически принадлежит в нашем государстве и в партии нашей советской интеллигенции. Эта группа численно велика, но, конечно, не составляет и десятой доли нашего рабочего класса и колхозного крестьянства. Так что, если говорить о диктатуре в нашем обществе, то нужно говорить об умело организованной и умело осуществляемой диктатуре советской интеллигенции. На долю же рабочего класса и крестьянства, как и встарь, остается создание материальных ценностей и благ, обеспечивающих существование нашего советского общества. Правда, тут же нужно признать, что сегодня наука стала также производительной силой общества, а это значит, что и интеллигенция, в какой-то своей части, стала производительной силой. Но это, мне кажется, все же слабое утешение для рабочего класса и колхозного крестьянства нашей страны.

5.2. ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ: ДЕМОКРАТИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ, ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ЕДИНОНАЧАЛИЕ

Конец 1920 года, Павел Коновалов вовлечен в дискуссию о профсоюзах, которая ему не по плечу, и это понятно, поставленная проблема исключительно сложна для паренька с «высшим начальным» образованием: роль рабочего класса в индустриальном мире. Точнее – дискуссия должна определить границы между следующими политическими вопросами: 1) профсоюзы и политика; 2) профсоюзы и организация производства. После октябрьской революции из теоретических эти вопросы переросли в насущные, практические.

Даже теперь, когда в немалой части мира протекает процесс дезиндустриализации, дебаты не прекращаются и консенсус не установлен по целому кругу проблем: Остается ли промышленность и рабочий класс центральными в экономическом развитии? Если не рабочий класс выступает как класс прогресса, то кто им стал или становится? Какое место в развитии обществ занимают трудящиеся массы и их организации?

Социал-демократическая партия России с девяностых годов 19 века ведет идеологическую борьбу за руководство трудящимися массами. Ситуация весьма своеобразная: эта рабочая партия возникла раньше, чем сформировалось само рабочее движение, таким образом теория движения превосходит какое бы то ни было организованное движение, проявившее себя лишь в начале 20-го века. Руководство партии знакомо с историей развития синдикализма на Западе и пытается направить свою работу таким образом, чтобы избежать допущенных там ошибок. Главной целью является предоставление марксистской партии, носительнице сознания рабочего класса в его деятельности и в его стихийно назревающей борьбе с капиталом и автократией, роль вождя пролетариата и его организаций на идеологической и политической арене.

Что характеризует синдикализм на Западе в 19 веке? Каких ошибок пытаются избежать российские марксисты?

ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1876–1884 ГОДОВ

Рассмотрим в качестве примера французское законодательство, разрабатываемое между 1876 и 1884 годами (см. Varbet (1991) стр.5-30). Правительство Жюль Ферри способствует введению парламентских дискуссий о необходимости специального законодательства в мире труда и о профсоюзах, действующих исключительно в профессиональной сфере. Правительство Франции желает признать законодательным путем существование на практике действующих профсоюзов. Прошедший голосование текст должен дать рабочим возможность изучать реально то, что может улучшить их участь, "вырвать их из-под влияния революционеров, секретности порождающей подпольность, бунт и утопию". В дискуссиях появляются темы о природе экономического и социального развития, о том какие процессы ведут к концентрации капитала, к расширению "свободной конкуренции", приводящей к изоляции производителей; делается вывод о необходимости ассоциаций производителей для обеспечения "социального равновесия". Некоторые депутаты рассматривают профсоюзы как ассоциации способные породить другие ассоциации, такие как кооперативы, страховые общества и так далее. По времени эти дебаты соседствуют с другими важными обсуждениями о необходимости становления всеобщей светской школы. Поэтому делаются попытки увязать обе проблематики, в частности решить, как проводить педагогическим путем воспитание и вовлечение в общественную жизнь рабочих и в первую очередь тех, кто прибывает из колоний. Делаются предложения о передаче профсоюзам функции формирования управленческой элиты, которая, имея поддержку трудящихся и став сама мелкой буржуазией, окажется способной поддерживать порядок. Русские социал-демократы назовут эту прослойку "рабочей аристократией". В целом, французский закон 1884 года может быть интерпретирован как конвенция между политической элитой и профсоюзной элитой о создании в профессиональной, легально очерченной сфере (то есть не политической) прав защиты интересов трудящихся. Цели таких профессиональных союзов, подчиненные политическим, сводятся к изучению и защите экономических, промышленных и коммерческих интересов граждан.

Законодательно признанные профсоюзы не должны объединяться во имя защиты общих интересов трудящихся, так как предполагается, что каждый из них имеет свой профессиональный специфический интерес. Поэтому они не имеют права выявлять и защищать какие-либо общие классовые интересы. Кроме того, указывая профсоюзам путь к выражению общественного недовольства, у них отбирают возможность организовывать и руководить процессом производства.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Вплоть до революции 1905–1907 годов трудовое законодательство в России носит чисто репрессивный характер: забастовки, сборы средств в поддержку бастующим и их семьям и все объединения рабочих запрещены. В первые годы XX века появляются нелегальные профсоюзы, вызывающие беспокойство в рядах правительства. Оно требует у фабрикантов, чтобы те создали у себя на предприятиях должности собеседников, людей способных вести переговоры между рабочими и самими фабрикантами. Потом вводятся так называемые Временные правила о профессиональных обществах, позволяющие создание легальных профсоюзов, перед которыми ставится задача нахождения методов снижения напряженности присутствующей в договорных отношениях между наемными работниками и нанимателями. Предполагается, что этими методами может быть подписание договоров или ведение переговоров с третьими лицами не участвующими в конфликте. Такие профессиональные союзы подчинены администрации. Марксистская партия не согласна ни с узким корпоратизмом этих легальных тредьюнионов, ни с экономизмом распространенном в рабочем движении, так как они закрепляют в сознании рабочих идею о пассивности их роли на производстве и в политической жизни. Поскольку выражение недовольства условиями труда и заработной платы не может способствовать слому капитализма, социал-демократическая партия обращает особое внимание на процессы способные ввести революционное начало в общественное сознание пролетариата и в его борьбу. При этом никогда не упускается из внимания экономический аспект борьбы.

Все описанные выше разработки и дискуссии относятся к периоду до взятия власти в России коммунистической партией большевиков.

После революции и гражданской войны идеологи должны были ответить на известный вопрос Ленина "Что делать?" и как приступить к реконструкции и развитию страны. Выявляются две противоположные позиции: Троцкий предлагает не снижать давления, возникшего в период "военного коммунизма", ввести трудовую повинность армейского типа и «огосударствить» профсоюзы. Этим путем он рассчитывает добиться быстрого роста производительности труда. В то же время, так называемая "рабочая оппозиция" (Шапошников, Медведв, Коллонтай и другие) напротив считает, что государство и партия должны отступить на второй план и открыть профсоюзам поле деятельности в процессе производства и реконструкции. Позиция Троцкого и близкого к нему по этому вопросу Бухарина оспаривается профсоюзами и партией. Остановимся на основных аргументах, как этой позиции, так и ее критики.

ОТКУДА ПРИШЛА ИДЕЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ ТРУДА?

В конце 1919 года Бухарин работает над проблемами планификации и предлагает введение единого плана, который позволил бы управлять всеми ресурсами страны и среди них, трудовыми ресурсами. Он пишет тезисы о "переходе к всеобщей трудовой повинности", которые берутся на вооружение Троцким. На конгрессе профессиональных профсоюзов в апреле 1920 года Троцкий излагает свою точку зрения. Он говорит о том, что труд в советской России отличается от рабского труда, от труда средневекового ремесленника и от свободно наемного труда при капитализме, когда рабочий продает свою рабочую силу. Это труд, социально нормируемый планом и обязательный для всего населения, то есть принудительный для каждого трудящегося в отдельности. Принудительный труд должен и может быть высоко производительным, говорил он, в стране, где его предписывает государство трудящихся, поскольку выполнение плана является социальной задачей во имя общих интересов. Для осуществления задач реконструкции экономики государство должно иметь возможность наказывать трудящихся отказывающихся выполнять предписанные работы и тех, кто не подчиняет свою волю и волю рабочего класса экономическим

задачам государства. Эта программа известна под названием "троцкийская милитаризация труда". Троцкий в ней заявляет, что рабочий не ведет переговоров с советским государством, он ему подчиняется потому, что это его государство. В этой программе предусматривается, что профессиональные организации в процессе производства могут, должны и способны распределить, сгруппировать и направить некоторые категории трудящихся на те должности и в те территориальные местности, где они окажутся полезными государству, а не самим группам и категориям трудящихся. Это – милитаризация профсоюзов. По мнению Троцкого, используя образ Красной армии, можно было путем агитации, пропаганды, репрессий и давления изжить из коллективного сознания трудящихся чувство отторжения труда.

ЕДИНОНАЧАЛИЕ НА ПРЕДПРИЯТИИ СОГЛАСНО ТРОЦКОМУ

Другой темой поднятой Троцким на конгрессе профсоюзов была тема о единоначалии на предприятиях. Какова его аргументация? Российские рабочие-крестьяне не имели знаний и компетенций для управления производством, их новаторское общинное мышление не могло быть использовано на этой стезе, зато оно могло быть применено с успехом в профсоюзах, в советских организациях и на съездах советов. Согласно Троцкому коллегиальность не может дать знания необразованным людям, поэтому она не применима в экономических сферах деятельности¹⁷.

Эти свои идеи Троцкий пытается применить на практике. В 1920 году политическое бюро партии поручает ему руководство транспортом в стране. Он формирует администрацию, призванную мобилизовать железнодорожников по принципу обязательности труда и призывает их к политической ответственности. Принятые административные меры принуждения оказываются экстремальными, даже с точки зрения самого Троцкого, выраженной в более поздний период. Профсоюзные и партийные организации выражают категоричный протест. Решив сломить сопротивление профсоюзов, Троцкий добивается от центрального комитета партии разрешения распустить эти организации на транспорте и создать центральный комитет по транспорту. Этот центральный комитет объединяет комиссариат по транспорту, профсоюзную организацию и политическую администрацию, и действует он как военное командование, которое возглавляет Троцкий. «Распущенные» профсоюзные организации протестуют и обвиняют вновь созданную организацию в бюрократизме. Троцкий же объявляет их "центро-кратичными" и продолжает защищать идею, согласно которой, методы авторитарного роспуска профсоюзов необходимы в течение всего переходного периода к социализму. Он говорит о том, что профсоюзы, вместо того чтобы заниматься изысканием методов противостояния бюрократизму, чуждому по природе советскому строю, должны бороться в своей среде с пережитками и старомодными традициями.

Позже, в 1930 году, объясняя свою позицию, Троцкий пишет: "В системе военного коммунизма, в которой все ресурсы были национализированы и распределены согласно указаниям государства, я не видел места для независимых профсоюзов".

ЛЕНИН ОБ ОГОСУДАРСТВЛЕНИИ ПРОФСОЮЗОВ

В речи произнесенной на общем заседании делегатов 8-го съезда советов, членов центрального совета профсоюзов России и совета профсоюзов города Москвы, членов Коммунистической партии большевиков России, 30 декабря 1920 года, Ленин подробно разбирает точку зрения Троцкого и предлагает другое понимание роли профсоюзов в российской ситуации в ту эпоху. По его мнению, они столкнулись с новой проблемой, которую ни один профсоюз еще не разрешил и не мог разрешить потому, как и не ставил перед собой – необходимостью организации масс на производстве и для производства.

Социалистическая революция не означает изменение формы государства, ни новый способ выборов, а знаменует участие широких масс в управлении своим хозяйством. В работе по созданию социалистического государства профсоюзы должны рассматривать проблему своего "огосударствления", то есть включение в активное вмешательство в политическую деятельность Советов, создавая новые организации учета, контроля и регламентации всего производства и всего

¹⁷ В этих местах доклада позиция Троцкого близка позиции царского премьер-министра Витте, который считал, что российская крестьянская община является основной причиной экономической неэффективности (см. раздел 1.2. данной книги).

распределения, опираясь на инициативу самых широких масс трудящихся. Ленин понимал, что постановка проблемы не означает ее решения. Рабочие строят новое общество не будучи трансформированными в новых людей и поэтому нельзя в один миг соединить профсоюзы и органы государственной власти. Профсоюзы призваны обучать массы управлению государством, доказывать, опираясь на свой собственный опыт, что никто им не поможет, если они не помогут себе сами.

В 1920 году диктатура осуществляется пролетариатом, организованным в Советы и возглавляется коммунистической партией большевиков, которая насчитывает 611 тысяч членов. Вступление в партию очень ограничено: "Последний раз когда мы широко открыли ворота в партию – и то только рабочим и крестьянам – это было в суровые дни (зимой 1919 года), когда Юнкевич находился в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин в Орле; то есть в тот момент, когда смертельная опасность нависла над Республикой Советов, и когда авантюристы, карьеристы, пройдохи и, в общем, когда нестабильные элементы не могли никоим образом рассчитывать на выгодность в карьере (скорее должны были быть готовы к пыткам и к виселице) примыкая к коммунистам", – писал Ленин.

Обратим внимание на дату, зима 1919 года; именно в это время Павел Коновалов вступает в партию.

Профсоюзы объединяют в своих рядах всех промышленных рабочих, являясь, таким образом, организацией руководящего класса, но это не государственная принудительная организация; ее целью является обучать, она – школа управления государством. Таким образом, профсоюзы находятся между партией и властью (Советами): партия впитывает авангард пролетариата и осуществляет диктатуру пролетариата; она не может этого делать без той базы, которую представляют профсоюзы. Напротив, не возможно осуществлять диктатуру пролетариата с помощью организации, которая включает его целиком.

В государстве 1920 года отмечается, по мнению Ленина, бюрократическая тенденция, и партия должна использовать профсоюзы для того, чтобы рабочие могли защититься от такого государства, но могли также и защитить это свое государство Советов. В тезисах "О производственных задачах профсоюзов", написанных Рудзутаком и цитируемых Лениным, указывается на необходимость научить членов профсоюзных организаций в каждом ателье, на каждой фабрике замечать и учитывать все недостатки в использовании рабочих рук, происходящие из-за плохого использования техники или из-за неудовлетворительной администрации. Накопленные в этом процессе контрольные навыки (на различных предприятиях и производствах) должны использоваться для решительной борьбы с бюрократией, беспорядком и бумажной волокитой.

Бороться с бюрократией – это выступать с конкретными предложениями, считает Ленин. Говорить о насущности проблем – это значит, например, принимать меры для обеспечения хлебом, одеждой и мясом трудящихся. Такие меры изложены в тезисе номер 7 Рудзутака, где он предлагает то, что станет основой Новой Экономической Политики советского государства. А именно, тарифы и премии должны напрямую зависеть от реализации производственного плана. Премии и выплаты части зарплаты в виде продуктов их труда должны постепенно заменяться системой снабжения рабочих в размерах учитывающих производительность их труда. В тезисах 10 и 11, Рудзук указывает на то, что насущной задачей профсоюзов является включение в решение практических задач производства и управления, непосредственное участие вместе с квалифицированными экономистами в создании компетентных органов управления. Профсоюзы должны обязательно участвовать в разработке и осуществлении экономических планов и программ производства, организовывать труд, согласно приоритетности экономических задач. Таким образом, профсоюзы трудящихся должны методически участвовать в организации производства и снабжения рабочих.

5.3. УПРАВЛЕНИЕ, РОЛЬ ЗНАНИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Краткий обзор позиций идеологов коммунистического движения позволяет судить о богатстве и значимости наследия оставленного русскими марксистами в области разработок касающихся рабочего движения и профсоюзов. В современном мире, такие факты как: массовая безработица в странах, где у власти стоят представители социал-демократических партий; доминирующая позиция рыночных и либеральных отношений в Европейском Союзе; сужение позиций "социальной Европы" – указывают на то, что организации трудящихся не включаются с достаточной силой в управление производством и оставляют собственникам предприятий и политикам, со свойственными им буржуазными интересами, излишнюю свободу действий в этих вопросах.

Заметки П. И. Коновалова, сделанные в 1967 году, возвращают нас к дискуссии о производительных силах XX -го века. Он пишет: "Мне приходится делать трагический вывод: мы продолжаем видеть авангардную роль рабочего класса только по инерции, в то время как эту роль в партии и в обществе играет на практике советская интеллигенция". Перечитывая В.И. Ленина, я нашла в его речи 21 января 1921 года следующее замечание: "Рабочее государство – есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением". Правда, Ленин, говоря о бюрократии, критикует в основном неэффективность администрации, унаследованную от эпохи царизма. Вместе с тем, он учитывает роль служащих бюро в производственном процессе, от компетентности которых очень многое зависит в экономике. Л.Д. Троцкий в тот же период говорит об усилении "центрокрлатии".

"Служащие бюро", "интеллигенция", "центрокрлатия" – явления, названные так или иначе, проявились в конце 20-го века с большей силой. Социальные интересы, связанные с процессом производства, противопоставляют один слой общества, управляющих, а именно: технические, политические и менеджерские кадры, другой части общества – служащих и рабочих, ставших или оставшихся управляемыми. Так в кругу политологов и экономистов существуют аналитики, поставившие во главу своих исследований вопрос о роли интеллектуального труда в развитии наций.

Можно перечислить ряд концепций, выделяющих эти аспекты в экономической теории XXI века. Это и "экономика знаний", и "экономика, основанная на знании", и "когнитивная экономика". О снижении значимости рабочего класса в развитии общества трактуют "интеллектуальный капитализм", "когнитивный капитализм" и "капитализм- кадризм".

ОБРАЗОВАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ И БУДУЩЕЕ КАПИТАЛИЗМА

Размножение торий о природе современной экономики знаменует возврат к проблематике о роли качества рабочей силы в процессе производства и его результативности, а также ставит проблему оценки рабочей силы в экономической системе, если эта система остается капиталистической. Согласно Марксу, стоимость рабочей силы (или способность человека к труду) измеряется количеством общественно необходимого труда на ее воспроизводство. Речь идет о исторических, географических и моральных нормах затрат на воспроизводство общественного трудового потенциала. Сложная рабочая сила имеет большую стоимость, чем простая, потому что больше социального времени затрачивается на ее воспроизводство. В свою очередь, сложная рабочая сила производит в единицу времени большую стоимость, чем простая. Поэтому экономический прогресс непосредственно связан с усложнением рабочей силы, что происходит параллельно с процессом улучшения благосостояния трудящихся. В этой общей логике роста экономические и социальные начала не находятся в противоречии. В этом процессе оказываются все более противоречивыми интересы собственников капитала из-за двух объективных тенденций: желание повысить производительность, при сохранности прибыльности в краткосрочной перспективе, требует увеличение затрат на обучение и образование. Увеличение

этих затрат ведет к изменению органического строения капитала в пользу рабочей силы и в ущерб долгосрочной тенденции нормы прибыли на инвестируемый капитал. Теории современного капитализма¹⁸ уже давно изучают последствия изменений в режимах аккумуляции капитала под действием таких краткосрочных и долгосрочных интересов. Можно указать на некоторые размышления, не столько в терминах экономического роста, сколько в терминах природы экономической системы.

Согласно французским исследователям Ж. Дюменилю и Д. Леви (Duminil & Levy (1996)) современная форма общественных отношений основана на знаниях и компетенции, которую они называют "кадризмом". Этот тип отношений укрепляется и начинает угрожать существовавшему до этого индустриальному типу капитализма. Для выживания экономической формации становится необходимым слияние интересов капиталистов и нового слоя общества – кадров.

Другие французские авторы Р. Геррера и С. Верселлоне (Herrera & Vercellone (2003)) предпочитают термин "когнитивный капитализм", потому что описывают мутацию социальной системы, приводящую к новому типу конфликта. С одной стороны, мы имеем диффузию интеллектуализма и формирование доминирующей позиции живого качественного труда, с другой, "устаревающие" знания, которые заключены в капитале и в организационных структурах фирм.

Рассуждения о новом капитализме не позволяют ответить на два, с моей точки зрения, важных вопроса. Первый вопрос: может ли существовать капиталистическая система, когда норма прибыли и пропорция доходов от вовлечения капитала продолжают неуклонно падать? Другой вопрос: может ли капиталистическая система, пройдя современный этап мутации, снова стать "прогрессивным"?¹⁹ Еще до кризиса, начавшегося в 2008 году, было ясно, на мой взгляд, что система накопления меняется, и та система, в которой мы живем, не является капиталистической. А именно, уже много десятилетий происходит ускоренное накопление социального "капитала"²⁰, то есть комбинации современных наукоемких средств труда (постоянного капитала, созданного трудом) и, что совершенно прогрессивно, богатейших семантических и системных структур общественного сознания, исторически созданных человечеством (Выготский (1925)). Такое параллельное накопление позволяет новый способ развития, который не сводится к росту товароёмкого богатства, а объясняется развитием личностей.

Историческое ускорение может быть объяснено двумя факторами. Быстрым распространением (за период не превышающим один век) накопленных знаний, благодаря всеобщему образованию, позволившему, с одной стороны, расцвет науки и ускорение инновационного процесса, и, с другой стороны, беспрецедентную модернизацию условий производства и передачи знаний, благодаря новым технологиям коммуникации и информации, изменяющим условия труда всех служащих.

¹⁸ См. среди прочих работы *Государственно монополистический капитализм*, издание 1970 коллектив французских экономистов, *Актуальные проблемы политэкономии современного капитализма*, Тюльпанов и Шейнис (1974), *Регуляция и кризисы капитализма*, Аглиета (Agliette (1976)).

¹⁹ Капиталистический способ производства является прогрессивным по сравнению с феодальным, потому, что он основан на свободе человека и на техническом прогрессе в обществе.

²⁰ В этой фразе выражение социальный капитал заключено в кавычки потому, что оно не указывает на частный капитал, дающий право на присвоение прибавочной стоимости (прибыли). Я сохраняю слово капитал в том смысле, что в историческом развитии имеет место накопление культурных знаков и множество артефактов увеличивается.

ГЛАВА VI
ИНЖЕНЕРЫ - КОММУНИСТЫ

6.1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК 1934 – 1939

Был конец декабря 1934 года, когда я получил из *горвоенкомата* предписание явиться в Красное село для отбывания, якобы, трехмесячного сбора командиров запаса. Воинская часть, куда я прибыл, оказалась кавалерийским эскадроном. В эскадроне, а точнее в пустующей камере, у меня приняли документы и предложили посидеть в одной из комнат, в которой уже «отдыхали» в разных позах человек десять, таких же, как я призванных в армию товарищей на должности инженерно-технического состава. Разговорились. Оказалось, что старший инженер – я один, младших инженеров – двое, три старших техника и пятеро младших техников. Один младший техник оказался не строителем, а автомобилистом. В первые дни мы не знали, что нас ждет и для чего мы вызваны. Все держалось в секрете, хотя ночевать после дневного пребывания в казарме нас отпустили домой. Прояснение ситуации наступило после того, как прибыл кадровый командир Л., представившийся нам как командир отдельного батальона, и его начальник штаба М., только что призванный в армию. Вскоре прибыли четыре командира рот с политруками, командиры взводов по четыре на роту и, наконец, комиссар батальона и уполномоченный особого отдела. Если командир батальона Л., финн, плохо владевший русским языком, вызывал симпатию, то комиссар У. был истинный дубина. Его выдвинули из политруков рот на должность комиссара батальона отнюдь не за политическую грамотность и эрудицию, а за нахальство и стремление «встревать» в дела, в которых он разбирался, как свинья в апельсинах. Нужно сказать, что он был не только круглый дурак, но и двуличный человек. С первого же дня он объявил беспощадную борьбу с выпивками, а сам, как это вскоре выяснилось, пил потихоньку «из под полы» и в количествах, более, чем нескромных.

Начал прибывать и рядовой состав. Поступило сообщение: создается строительная часть, и появилась необходимость обучать красноармейцев строительным специальностям. Рыть землю большинство из них умели, как-никак крестьянин всю жизнь имел дело с землей, а вот обучать возводить стены пришлось немедленно, так как каменщиков было мало, зато под руками оказался кирпич. Я в кирпичной кладке разбирался, как и наш комиссар в политике, слабо, но зато у меня оказались «съевшие на кирпичной кладке зубы» техники. Двое были совсем мальчишками, только что окончившими техникум, в котором я преподавал сопромат. Младший инженер П. был неплохим проектировщиком, а Р. был ни то, ни се, хотя в строительстве смыслил больше, чем я. Руководить людьми мне помогало нахальство, приобретенное вместе с опытом политработника, бравшегося в своей работе за все, что жизнь заставляла. Кроме того, я имел две шпалы как комбат и комиссар батальона.

Апрель 1934: мы погрузились в эшелон и тронулись в неизвестность.

Эшелон вез батальон и всю его технику куда-то на Восток. Все грузы на платформах тщательно маскировались, хотя и везли мы из техники только две бетономешалки, легковую машину комбата и штук шесть самосвалов. Все уже были обмундированы. Как позже выяснилось, все имущество батальона было приобретено на средства *Наркомпищпрома*, который вытребовал для себя батальон из *наркомата* обороны, по примеру *наркомпути*, который вытребовал себе целый корпус. Наш батальон носил полное название – Н-ый отдельный инженерно-строительный батальон *наркомпищпрома*. Но все это выяснилось только в мае.

Наркомпищпром позаботился не только о техническом обеспечении батальона, но и о духовной пище. В эшелоне следуют библиотека и три патефона с набором популярных в то время пластинок. Как и положено эшелону, он составлен из теплушек и платформ с техникой. На теплушках – сохранившаяся, может быть, со времен мировой войны надпись: «сорок человек или восемь лошадей». В середине эшелона «классный» вагон для командного состава и штаба. Классность вагона не высокая, всего-навсего третий класс. Со мной в купе следуют два инженера и техник, рядом за перегородкой командир Л. со штабными.

Наш эшелон, как всем эшелонам мирного времени положено, еле ползет все на Восток и на Восток. Перевалили за Урал, сутками тащились по бескрайним Барабинским степям, как-то незаметно втянулись в покрытые тайгой сопки и вплотную, даже нависая над ним, подоברались к Байкалу. Легендарный Байкал поразил меня своей суровостью. Прибайкальские станционные домишки донельзя запущены, своими маленькими окнами, по барачному подслеповато смотрят на просторы «морья» и на прибрежные скалы. На Слюдянке на одном из пакгаузов аршинными

буквами выведено: «Курить и стрелять воспрещается!». Как будто здесь стреляют так же часто, как и курят.

В дороге нас, инженеров и техников, ни к каким нарядам и работам не привлекали. Валялись на койках, *резались* в шахматы, слушали одни и те же пластинки: «Риорита», «Вот извозчику взгрустнулось», танго «Качели», неаполитанские песни и серенады. Забайкалье – Чита и почти все станции, вплоть до Хабаровска, повергли нас в мрачные раздумья. Районы вечной мерзлоты в Могоча, Ерофей Павлович улучшить наше настроение никак не могли. Выгружаться мы стали только в Никольск-Усурийске.

В Никольск-Усурийске нас уже ждали. На месте находились только что назначенный начальник строительства сахарного завода Г., главный инженер-технолог сахароварения, старикан, лет шестидесяти, *съевший на монтаже сахарных заводов зубы* еще при царизме, начальник кирпичного завода и несколько слесарей монтажников. Рабочих строителей, как таковых, здесь не было. Мы должны были заполнить этот вакуум. Поскольку не было главного инженера строительства, меня сходу по совместительству назначили на это место. Строительство было начато до нашего прибытия. Уже было почти закончено здание завода, и в нем начался монтаж оборудования. Были заготовлены некоторые материалы и узлы еще несуществующих помещений. Нам с нуля надо было начать строительство ТЭЦ, обеспечить водозабор из реки Суйфун, все очистные сооружения, траншеи для приемки и транспортировки сахарной свеклы, а также хранилища для патоки и готовой продукции.

Очень деликатно оказывал мне помощь начальник строительства Г. и менее деликатно – мои подчиненные техники, без которых я бы не смог даже распределить бойцов по работам. Г. помогал от души, а подчиненные инженеры и техники помогали мне потому, что без меня, моего звания (две шпалы) и положения старого большевика им в батальоне не было бы житья от командно-политического состава. Междоусобица в батальоне, а это сказывалось на количестве выделяемых на работу людей, была вопиющей. Дошло до того, что я заявил командиру батальона, о своем намеренье, будучи, хоть и по совместительству, главным инженером строительства, обратиться, минуя его, сразу к наркому А.И.Микояну. Мы подчинились непосредственно ему, хотя стояли на довольствии в Никольск-Усурийском гарнизоне. Это возымело свое действие.

Я по собственной инициативе занялся – выверкой заложения фундаментов под *башмаки*, упустив, что рядом, еще в 1933 году были заложены фундаменты под склад готовой продукции, глубиной всего полметра. Грунт под ними промерз. Эта мерзлота сыграла потом с нами злую шутку; возведенные нами стены начали давать трещины и в конечном счете их пришлось перекладывать.

Кирпичную кладку стен обеспечивали «козоносцами», а для подъема раствора был сконструирован шахтный подъемник. Нам нужно было уложить в общей сложности 1300 кубометров бетона, по тем временам объем немалый. Проектная документация не была завершена, а смета на сооружение в десяток миллионов была составлена всего на 380 тысяч рублей.

С грехом пополам и поднатужившись, но сахарный завод мы построили. В местной газете «Коммунар», органе оргбюро ВКП(б) Усурийской области и горкома ВКП(б) города Ворошилова от 3-го марта 1935 года, наряду с приветствием товарищу Сталину, с сообщением о вступлении в строй первого на Дальнем востоке сахарного завода имени Калинина, с обращением к К.Е.Ворошилову в связи с переименованием Никольско-Усурийска в город Ворошилов-Усурийский, обращением и поздравлением к секретарю крайкома ВКП(б) Лаврентьеву, была опубликована и моя статья «Строя – учились строить». В газете была опубликована и моя фотография, но для сохранения секретности я был сфотографирован в штатском, и в статье говорилось, вроде бы, о штатских людях.

Как ни странно, но на строительстве сахарного завода я столкнулся с вредительством «беспартийного спеца», старорежимного специалиста сахароварения Е. Именно он еще до нашего прибытия начал монтаж оборудования завода и монтаж арок несущих конструкций, как стен, так и кровли склада готовой продукции. Конструкции мне, и всем нам – строителям показались подозрительными, и я распорядился пересчитать несущие возможности этой конструкции. Работу эту выполнил инженер П. Результат: заготовленные конструкции использоваться быть не могут. Затраты рабочего времени и сотен кубометров теса были напрасны. В другой раз тот же Е., видя, что я отклонился от проекта, не только не поправил меня, но повел себя так, будто ничего не случилось. В результате, когда завод заработал и вода из одной «комовой ямы» начала поступать на поля орошения, то в речке Супутинке началадохнуть рыба. Второй отстойный колодец,

который был обозначен в проекте, и который я по незнанию не соорудил, был тоже «незамечен» Е-ым.

Начальник строительства как-то пропустил этот факт мимо своего внимания, хотя я и доложил ему об этом. Да и самого Е. на строительстве уже не было. Дело о вредительстве так и замялось. Этому способствовало также и то, что внимание партии в 1936 – 1937 годах было обращено на борьбу с оппозиционерами и их разоблачение. Немало волнений принесли и другие моменты строительства. Взять, например, прокладку «водовода» от Суйфуна к заводу. Построив водонасосную станцию, мы начали тянуть нитку водовода сразу с двух сторон, и подошли траншеями к полотну транссибирской железной дороги. Рассчитав, что по расписанию никаких, ни пассажирских, ни товарных составов проходить не должно, мы проложили траншею под рельсами, не выставив никаких знаков опасности, принятых на железных дорогах. Не успев укрепить траншею перекрытием, я заметил, что от города Ворошилова идет воинский эшелон. Сердце ушло в пятки, когда я смотрел, как он идет к месту своей гибели. Но произошло чудо... Сработали те несколько распорок, которые мы успели поставить, составлявшие малую часть положенных по норме. Полотно железной дороги просело до двадцати сантиметров, ни рельсы, ни стыки не подвели, и поезд благополучно миновал роковой для меня участок.

Было и другое. Вступила в строй котельная, когда турбина ТЭЦ начала набирать обороты, то из трубы котельной вырвался столб пламени, который был готов охватить склад готовой продукции и другие деревянные постройки. Но минут через пять-семь выброс огня прекратился, оставив нас в полном недоумении. Начали разбираться... Оказывается техник М., осматривая подземную часть дымохода, обнаружил продольную, идущую по всей длине его, трещину, и, опасаясь ЧП (то есть обвала) опалубку не снимал. Вот эта-то опалубка и загорелась, заставив нас несколько минут умирать от страха. Хотя опалубка и сгорела, и трещина, как была, так и осталась, обвала не произошло, и дымоход работал, как положено. Да, мы были кустари, в самом плохом смысле, а не строители!

Наконец, урожай сахарной свеклы был собран, оборудование завода проверено и отлажено, был получен первый на Дальнем востоке советский сахар. И в феврале 1936 года, уезжая в отпуск, я получил командировку в Москву на предмет вручения А.И.Микояну литровой стеклянной банки с сахарным песком – нашего первенца.

6.2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПАВЛА КОНОВАЛОВА

ИДЕИ КАМИКАДЗЕ

Конец 1941 года, с его кошмаром наших неудач, развеял мои иллюзии, что мы всех сильнее. Сердце сжималось всякий раз, когда сводка сообщала об очередном отходе наших войск вглубь страны, до стен Москвы и Ленинграда. Я, хотя мне исполнилось уже сорок лет, думал – неужели мы не найдем силы и людей, способных остановить лавину фашистских танков. В эти дни я хотел написать письмо Сталину о том, чтобы он кликнул клич, призывая коммунистов бросаться под гусеницы танков, чтобы смертью своей остановить и уничтожить их. Неужели не нашлось бы в стране тысяч пять или семь коммунистов, готовых пожертвовать собой, для того, чтобы выбить из рук Гитлера это, тогда самое его главное и для нас самое страшное оружие. В своем заявлении я предлагал бы себя. Пусть я буду мертв, но один-то из танков я все же выведу из строя. Я ведь ясно сознавал, что в любом случае, если Гитлер одержит победу, мне не жить. Так уж лучше лишиться жизни в бою.

П. КОНОВАЛОВ – ИНСТРУКТОР ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

Идет война, я работаю преподавателем, готовя для фронта командиров, а затем и офицеров саперных и инженерных войск Красной Армии. С работой я справлялся и, не хвастая, скажу, что справлялся хорошо. Ведь главное не в содержании занятий, а в умении излагать материал слушателям. Не имея военного образования, я за годы преподавания усвоил не только материал о военных мостах, но стал и заправским понтонером, то есть освоил материальную часть понтонных парков и работы с ними, наблюдая за учебной работой двух преподавателей инженерного училища. Я настолько овладел этой специальностью, что в высшей инженерно-минной офицерской школе в течение двух лет был начальником кафедры «Мостов и переправ», и даже, *обнахалившись*, поместил в «Военно-инженерном журнале» несколько статей и по предложению штаба инженерных войск написал небольшую книжицу о материальной части и работе с легкими понтонно-мостовыми парками.

Прослужив в Советской армии тридцать лет, и в том числе все военные годы, я не имею ни одной награды, которая бы отмечала мое участие в боевых действиях. Через мои руки прошли сотни командиров и офицеров инженерных войск, и уже это одно говорит о том, что я работал не без пользы для войны и победы. Когда я оказывался на фронте, а это было дважды, я не встречал ни одного саперного или понтонно-мостового батальона, где бы ни было моих учеников по ИКУКСу и офицерской школе. Начальники родов войск не имели права награждать орденами и медалями работников своего аппарата, а значит и преподавательский состав «своих» учебных заведений. Право награждения предоставлялось только командирам дивизий, корпусов и армий, и конечно же, фронтов.

БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

В апреле 1943 года я был направлен в распоряжение начальника инженерных войск Ленинградского фронта. Мой путь в Ленинград, блокада которого продолжалась, но все же была частично снята, проходил по железной дороге от Костромы в Ярославль – Волхов – Войбаково – Кабона. От Кабоны до Освиновца – катером и далее по *дороге жизни* через Борисову Гриву в Ленинград. Полоска земли, южнее Ладожского озера, была шириной всего в пять-шесть километров и постоянно находилась под обстрелом немецких батарей. Железнодорожная ветка Шлиссельбург – Поляны, рельсы которой были положены на шпалы, замороженные в снег, могла быть использована только в ночное время. Через Ладогу мне пришлось перебираться на катере днем. Переправа не обошлась без воздушного налета и обстрела катера с воздуха. Но все закончилось благополучно.

После полутора лет войны я снова в Ленинграде. Он почти безлюден. В центре города разрушенные дома закамуфлированы, и с первого взгляда разрушения не бросаются в глаза. Нева только что вскрылась. В Гостином дворе открыто много магазинов. Торгуют нитками, обувью, особенно много детской, и кое-какими пошивочными изделиями. Чувствуется стремление ленинградских организаций хотя бы внешне показать, что Ленинград живет. Блокада продолжается, обстрелы города артиллерией тоже, но с продовольствием в городе и в войсках стало лучше. С трудом по ветке Поляны – Шлиссельбург – Ленинград идут по ночам поезда.

Явился к коменданту города. Комендант направил меня в Шувалово, а вернее в Шуваловский парк, где в одном из домов размещался штаб инженерных войск Ленинградского фронта. Пред «светлые очи» *начинжа* Б. меня не пустили. Принявший меня начальник штаба, направил меня в 3-ю понтонно-мостовую бригаду, расквартированную под Шлиссельбургом. В задачи бригады входило: навести и содержать в исправности наплавной мост в устье Невы у Шлиссельбурга. Командиром бригады оказался мой бывший начальник по *КЭО ОКДВА* в Хабаровске полковник С. Он принял меня очень радушно. Назначили меня помощником командира бригады и, как положено, зачислили на все виды довольствия. Питание по количеству и по качеству было раза в три выше, чем в Костроме, где я служил до этого времени. Кошмар блокадных зим 1941 и 1942 годов уже кончился.

Работой я был не обременен. Мост был уже наведен, но подвергался налетам авиации с бомбежками и обстрелами. Большие трудности при наводке и содержании моста представляло сопряжение двух различных понтонно-мостовых парков. Парк Н-2 из металлических элементов и парк ДПП – из деревянных конструкций и элементов. Погода давала себя знать, понтоны захлестывало волной. Большая ширина разлившейся Невы, очень сильное и изменчивое течение и почти морская волна, все это деформировало «ось моста». Я мог помочь только советами и предложил увеличить длину якорных канатов и некоторые из них располагать не вдоль оси понтонов, а под некоторым углом. Мост содержался и охранялся хорошо. Зенитные батареи, расположенные на обоих берегах Невы, не позволяли немцам прицельно бомбить и обстреливать мост, а находящиеся в каждом понтоне бойцы были готовы в любой момент налета устранить неисправность. Люди были обстрелянные, ну и мне приходилось делать вид, что все в порядке, и при бомбежке не уходить в укрытие.

Бригада, включавшая в себя три понтонно-мостовых батальона, располагалась на правом берегу Невы, и сообщение с Ленинградом было хорошее. Жизнь и на войне – жизнь, и командиры время от времени отлучались в город для встречи кто с женами, а кто и просто со знакомыми бабенками. Конечно, для изголодавшихся жителей Ленинграда дополнительные продукты имели особую ценность. После бомбежек моста в Неве всплывали огромные количества оглушенной рыбы, которой кое-кто в бригаде питался. Рыбы хватало и для поездок в Ленинград, да и прихваченный в столовой хлеб был не менее ценен. Женщины тоже изголодались вообще, и по-своему «по-женски».

Я побывал на нашей ленинградской квартире. Родственники моей жены блокаду пережили сравнительно благополучно, только одна тетка и ее муж умерли. Все дело в том, что работая еще до войны в столовых и ресторанах, они продолжали работать там же и в блокадные годы. Побывав у них в майские праздники, я нашел у них такое обилие еды, какого я не видел за все время войны. Была не только еда, то есть консервы, колбаса, сыр, масло, хлеб и булки, но даже вино. Изголодавшись в Костроме, я так набросился на еду, что чуть не *дал дуба*. В один из дней я съел

целых пять обедов: два у себя, то есть у родственников жены, один – в столовой, куда меня завел родственник Василий Иванович, один – в столовой комендатуры и еще один – у себя в бригаде.

НА БЕЛОРУССКОМ ФРОНТЕ

Через четыре месяца меня снова отправили в командировку на два месяца, на Первый Белорусский фронт. Начальником штаба инженерных войск фронта был мой знакомый, бывший преподаватель ИКУКСа²¹ А. Добравшись из Нахабино до Москвы, это было не так трудно, я получил в штабе инженерных войск Красной Армии командировочное предписание и секретный пакет в штаб фронта, где предполагалось меня использовать на участке переправ Днепр – Сож. На вопрос – куда ехать, ответили – «Пока в Брянск, а там скажут». Я поехал, но пока я искал штаб фронта, его переименовали из Первого Белорусского в Центральный. До Брянска, куда только и ходили поезда, я добирался двое суток. Там узнал, что штаб фронта находится где-то в районе, севернее Чернигова. Проехать напрямую было невозможно, так как железная дорога Новозыбков – Брянск была еще в руках немцев. Надо было ехать в обход через Комаричи – Льгов – Конотоп – Бахмач. А как ехать? Это был вопрос! Через сутки комендант Брянска направил меня к эшелону, который шел куда-то в том направлении. Оказался этот эшелон – с гвардейским минометным дивизионом, то есть со знаменитыми *Катюшами*. Сами машины были тщательно укрыты и замаскированы на платформах. Живая сила дивизиона, в том числе и офицеры, ехала в теплушках. В теплушке я оказался старшим по званию, я был тогда подполковник, командир же дивизиона – майор. Несмотря на отсутствие у меня аттестата и талонов на питание, меня кормили из общего котла. Езда была замедленной, не то в Комаричах, не то в Льгове часть офицеров перепилась купленным где-то на станции самогоном, но дня через три мы оказались в Бахмаче. Несмотря на раннее время, пять утра, Бахмач бомбили. Городу доставалось крепко, если прикинуть, что налеты совершались ежечасно. Комендатура, расположенная в блиндаже в пять накатов, была относительно безопасным местом, но штаб фронта находился где-то в районе Новозыбкова, а добраться туда можно только на попутных, подвозящих снаряды машинах, или по узкоколейке, построенной немцами, но в исправности захваченной нами. Поехал в подвернувшемся случайно аварийном «виллисе». «Виллис» тащили на буксире, догоняя ушедшую вперед авторемонтную часть. Через сутки суматошной езды добрались до Новозыбкова, но и там сказали, что штаб где-то в районе Лоева. Добирался дальше в кабине мотовоза, трофейного состава на узкоколейке, мотовоз вел не то бывший полицай, не то какой-то техник немецкой дороги из русских. «Полицай» работал уверенно, старательно и усердно. Штаб фронта я отыскал в одном из сел в районе Лоева.

Рассчитывая оказаться в компании своего старого знакомого А., я бесцеремонно ввалился в одну из комнат штаба инженерных войск, и был ошарашен, когда на его месте увидел какого-то подполковника, который потребовал от меня «представиться, как положено». Меня на сутки оставили в «штабной гостинице», приставив как к старшему офицеру ординарца. На следующий день меня направили в штаб 42-ой армии, командовал которой генерал Батов, а *нач.инжем* был Ш. В избе *нач.инжса* меня встретил какой-то, внешне вроде бы знакомый, полковник, заявивший мне, что, так как находится вместо Ш., то и «секретный» пакет, следовавший все время со мной, он вправе прочитать. Читал громко и внятно, не торопясь, так, чтобы сидевший за перегородкой и находившийся в подпитии Ш. смог вникнуть в суть дела. Принявший меня полковник тоже был навеселе и оказался бывшим преподавателем ИКУКСа в Ленинграде, отчисленным по негодности к преподавательской работе. Вот оказывается, почему он мне показался знакомым. Сейчас он был *нач.инжем* одной из армий и приехал навестить товарища в дни фронтового затишья. В штабе армии делать было нечего и меня командировали дальше в Четырнадцатую Новгород-Северскую инженерную бригаду, командиром которой был полковник Габе, поляк по национальности, впоследствии генерал Войска Польского. Приказом меня назначили заместителем командира инженерной бригады и разместили в одной землянке с начальником штаба. Здесь тоже не было работы. Проведя два-три занятия по наведению низководных мостов, я попросил перевода, где было бы работы побольше. И меня перевели в соседнюю армию. Вперед меня, как видно, в новую часть пришло письмо А., и встретили меня там более, чем радушно, тем более, что было шестое ноября. Праздник встретили вместе с *нач.артом* армии. Местные, то есть этой армии штабные

²¹ ИКУКС – курсы усовершенствования командного состава инженерных войск

офицеры, были каждый со своей *ППЖ* (*Походно полевой женой*). К двум часам ночи *нач.инж* совсем осовел, но вдруг вспомнил, что меня надо доставить в батальон, который заканчивал строительство моста через Сож, чтобы потом зачесть мое прибытие туда, как участие в строительстве, и отразить все это в наградном листе. «Поедем и только!». Двигаться *нач.инж* в таком состоянии не мог, и поездку отложил только подчинившись энергичным уговорам своей *ППЖ*. Наутро поехали, зачастую застревая на разбитых прифронтовых дорогах.

Местность была освобождена совсем недавно, дороги и все, что можно было, разбито и уничтожено. Деревни сожжены и как напоминание, что это не всегда проходит безнаказанно, почти у каждого сожженного местечка, покачивались на телеграфных столбах повешенные факельщики. Кроме повешенных факельщиков, недавно освобожденную прифронтовую полосу «оживляли» неубранные трупы немецких солдат. Некоторые лежали прямо на бывшей или по каким-либо причинам на проложенной прямо по ним фронтовой дороге. Замерзшие трупы вдавливались проходящими машинами в отмякший или оттаявший грунт дороги и на наезжей полосе можно было видеть силуэты солдат, как бы вычерченные рисунки погибшего врага.

Комплектование рядовым составом инженерно-саперных батальонов в тот период, особенно частей управлений военно-строительных работ, производилось из местных жителей только что освобожденных районов. Они были только зачисленные, но еще не обмундированные, не стриженные и с окладистыми бородами, так что и не разберешь, какого возраста солдат. Пожалуй, часто это были солдаты 1900–1905 годов рождения. Работали они топором и пилой замечательно.

Прибыли в батальон. Но мост, который ожидали увидеть в стадии возведения, был уже построен. Мне оставалось только пройти по его настилу. После завтрака меня отвезли в другой саперный батальон, где и оставили до времени. Через некоторое время последовало несколько телефонных звонков, приглашавших меня на торжество по случаю выполнения задания командования. Участвовать в пьянке я не захотел и поэтому приехать отказался. И оказывается зря, меня, если бы я прибыл, представили бы к награждению орденом Отечественной войны второй степени.

Я не встречал ни одной части, инженерной конечно, где бы я не нашел своего ученика. Везде принимали меня хорошо, и только в одном случае получилась «неувязка». Направили меня в батальон, где командиром оказался (фамилию не помню), бывший мой «воспитанник» по ИКУКСу в Костроме, отличавшийся весьма посредственной успеваемостью и излишней «фанаберией», которому я и дал соответственную аттестацию. Да я еще, уже на месте, «прихватил» комбата на весьма неблагоприятном поступке. Этот самодур – комбат назначил собрание и заставил весь состав офицеров ожидать свою «начальственную особу» в течение более часа, пока он соизволит поболтать со знакомой бабенкой. Я, не подчиненный ему, прервал их разговор, сделав ему замечание. Это и сыграло основную роль в том, что и в этот раз меня не наградили, несмотря на более чем прозрачные намеки *нач.инжа* армии. Да, собственно говоря, не за что и было меня награждать!

Получив в запечатанном конверте самую отличную характеристику моей «работы», я по окончании командировки, в конце ноября месяца убыл в Москву.

Перед убытием побывал на приеме у *начинжа* фронта П., и у начальника военно-строительных работ Т. Последний не только хорошо принял меня, но и предложил мне купить, по государственной цене конечно, валенки, так как я был в сапогах. Но денег у меня не было совсем, так что валенки остались на складе, а я необыкновенно быстро оказался в Новозыбково. Быстрота объяснилась тем, что Рокосовский, оставив немецкие войска стоять и ждать удара в междуречье Днепр – Сож, нанес удар на север по правому берегу Днепра на Гомель. Фронт требовал боезапас, и боезапас подавали. Организация дорожной службы, содержание дорог, система пропуска машин на дорогах с односторонним движением были поразительно хорошо налажены. Через Клинцы на Брянск сто пятьдесят километров мне пришлось добираться почти сутки на попутных, тогда как триста фронтовых километров я отмахал часов за пять-шесть на машинах, подвозивших боезапас. Военные машины перевозили не только военные грузы; находились *деятели*, перебрасывавшие знакомых или родственников, а, возможно, и совершавшие «левые» рейсы. На одной из таких машин мне и пришлось добираться до Брянска среди каких-то узлов.

В Брянске я забрался в четырехосный вагон «пульман» с печкой, надеясь в тепле добраться до Москвы, но был из вагона выдворен поездной бригадой. Обнаружил еще одну теплушку с дымившей трубой, залез туда и уселся среди каких-то женщин. Напротив меня на нарах сидела группа офицеров, один из них, подполковник, показался мне знакомым. Один из младших офицеров, крутившихся около подполковника, подлетел ко мне, возмущенный тем, что я не

спросил разрешения у подполковника находиться в вагоне. Пришлось оборвать его, напомнив, что я тоже подполковник, и он не в праве делать мне замечания. Всю дорогу до Москвы я присматривался к этой группе политработников, особенно к подполковнику, чем-то знакомому, перед которым так угодничали. Много лет спустя, я увидел фронтовую фотографию писателя Шолохова. Это с ним я ехал в поезде до Москвы, но на фотографии он был уже в звании полковника.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ЛЕНИНГРАД: АД И МУЗЫКА

В этой последней части книги я не пытаюсь что-либо объяснить и даже просто анализировать события прошлого. Хочу передать немногими словами многослойную картину, сложившуюся в моей голове из рассказов людей, в кругу которых я имела честь провести свое детство и юность²². Речь идет о жителях города, в котором родился и где кончил свою жизнь Павел Коновалов. Я не собираюсь восходить к истокам города, заложенного Петром Великим на Заячьем острове реки Невы в 1703 году, ни упоминать о вкладе в литературу и русский язык жителя города, поэта Пушкина, ни рассказывать о Достоевском и его петербургских бесах и униженных, а лишь о нескольких моментах из бесконечных 900 дней блокады Ленинграда – 8 сентября 1941 – 27 января 1944.

Война начинается 21 июня 1941 года. Восьмого сентября нацисты уничтожают Бадаевские склады в Ленинграде, и город оказывается без продуктов питания. Он окружен, фронт – всего в пяти километрах от центра. Сокровища Эрмитажа вывезены или закопаны. Уже в сентябре – трупы на улицах. Рацион хлеба уменьшается с 500 грамм до 250, 125 и далее.... В ноябре наступают зверские холода. Нет ни электричества, ни воды, ни отопления. Первыми съедаются домашние животные. Дети и женщины плачут, убивая своих любимцев. Потом ленинградцы переходят к газетам и обоям, на которых остались остатки клея. Рассказывают, что обезумевшие женщины накладывают руки на своих новорожденных. Люди пытаются согреться у печек-буржоек, сжигают мебель, книги, паркет. Обессиленные, они порой не могут донести огонь до стопки сжигаемого, падают и сгорают сами. Вода есть только в Неве. Донести ее до дома трудно, сил нет. Ведра падают, вода разливается, замерзает, люди поскальзываются, падают и замерзают тут же у Невы. Другие пьют прямо из реки ледяную воду, возвращаются домой и умирают. Смерть бродит по городу. Денег нет, да и цен нет. Обесценены золото, картины, антиквариат, нужны лишь хлеб и водка. Очереди перед булочными, раздающими хлеб в обмен на карточки, бесконечны. Между изголодавшимися людьми случаются стычки, у старушек могут отобрать продовольственные карточки, подростки проникают в покинутые квартиры в поисках остатков еды и топлива. Стареющие развратники приглашают к себе, с позволения родителей, прелестных девиц, с тем, чтобы разделить с ними свою оскверненную трапезу.

Но при этом и в основном город продолжает жить, трудиться, поддерживать друг друга. Летом 1942 года все парки и сады превращаются в огороды, зимой открывается дорога жизни по льду Ладожского озера, и под постоянным обстрелом грузовики привозят продовольствие и вывозят людей, в первую очередь детей. 29 марта 1942 года прилетают с юга первые стаи уток, а 6 марта проводится футбольный матч, команда Динамо противостоит команде бойцов с фронта, побеждает Динамо со счетом 7 : 3. Театры ставят новые спектакли, открыты музеи, без перерыва в течение всего блокадного периода работает радио Ленинграда.

В январе 1942 года радио комитет решает создать симфонический оркестр и назначает дирижером и руководителем известного скрипача Карла Ильича Элиасберга. Музыкантов разыскивают во всем городе и запрашивают с фронта. Оркестр составлен из 80 человек. Музыканты кормятся раз в день в столовой городского совета, репетируют по два раза в день. Зал не отапливается; солист оркестра, пианист Каменский, обогревается накаливаемыми до красна кирпичами, поставленными около пианино стопкой. Группа духовых инструментов прослушивается с большим трудом: не хватает дыхания, и губы примерзают к инструментам.

В июле доставляют партитуру 7-ой симфонии Дмитрия Шостаковича. Композитов начинает работу над ней в своем родном уже окруженном городе Ленинграде, но заболевает, уезжает и завершает ее на Урале. Оттуда партитура попадает в Ленинград благодаря самоотверженному пилоту Василию Литвинову. Его самолет благополучно, с приглушенным мотором, приземляется, летчик добирается до здания, где проходят репетиции оркестра, и здесь при входе его настигает бомба, он ползет и умирает на пороге зала, сжимая партитуру в руках.

²² Елизавета Алексеевна Молочаева, Аркадий Григорьевич Зингер, Тимофей Андреевич Андреев, Анна Семеновна Лебедева (конферансье Большого зала Филармонии) и многие другие.

9 сентября 1942 года в агонизирующем, но неповерженном городе торжественно исполняется симфония Шостаковича, позже названная Ленинградской, состоящая из частей с под названиями: Война – Allegretto, Воспоминания – Moderato(poco allegretto), Родное поле – Adagio, Победа – Allegro non troppo.

Очередь перед кассой Большого зала Филармонии длиннее, чем перед булочными за хлебом. Ленинградцы достают свои самые нарядные одежды и ждут концерта, как если бы звуки музыки могли насытить их. На премьеру Карл Элиасберг надевает фрак, зал Филармонии ярко освещен. От неожиданности люди плачут. В финале "Победа" зал встает и аплодирует, некоторые не в силах стоять, падают в кресла. На удивление, концерт не прерывается привычными сиренами, предвещающими налеты самолетов. Артиллеристы, защитники города, обстреливают вражеские позиции тремя тысячами снарядов. Это день Победы Ленинграда в самом разгаре войны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- AGLIETTA, M. (1976) *Régulation et crises du capitalisme*, Calman-Lévy, Paris.
- BARBET, D. (1991) « La production des frontières du syndicat et du politique : Retour sur la loi de 1884 », *Genèses* n°3.
- BRAUDEL, F. (1958) « Histoire et sciences sociales. La longue durée », *Annales ESC*, XIII (4), pp. 725-753.
- CHOMSKY, N. (1966) *La linguistique cartésienne*, Edition du seuil, Paris, 183p.
- COHEN, E. (2004) (dir) « Un pacte pour une nouvelle université », Cahier n°5, *Le Cercle des économistes*.
- DIDEROT, D. (1966) « Plan d'une université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences », *Œuvres complètes sur DNF Gallica*, tome 3, pp.409-545
- DUMENIL, G., LEVY, D. (1996) *La dynamique du capital – Un siècle d'économie américaine*, PUF, Paris, 410p.
- DUMITRU, S. (2002) « Savamment juste. Notes sur l'épistémologie de la position originelle », *Revue de Philosophie économique*, n°5.
- HERRERA, R., VERCELLONE, C. (2003) « Transformation de la division du travail et general intellect », dans Vercellone, C.(ed.) *Sommes – nous sortis du capitalisme industriel ?*, La Dispute, Paris.
- FERRO, M. (1997) *La révolution de 1917*, Albin Michel
- FROMM, E. (1976) *To have or to be*, Harper and Row
- LE PLAY, F. (1855) *Les ouvriers Européens sur les travaux, la vie domestique et de condition de populations ouvrières de l'Europe, précédées d'un exposé de la méthode d'observation*. Ecole des Mines, Paris
- MOUNIER, A. (2004) «La question de la formation des qualification », Colloque *Éducation, formation et dynamique du capitalisme contemporain*, Université de Montpellier 1, 24-25 juin.
- PEAUCELLE, I., KUZNETSOVA, N. (2008) « Education et modernisation. Le pouvoir du savoir », in Boutillier, S., Uzunidis, D.(dir.) *La Russie européenne. Du passé composé au futur antérieur*, l'Harmattan, Paris, pp. 115-145
- RICOEUR, P. (2000) *La mémoire, l'histoire, l'oubli*, Paris, Seuil.
- SMITH, A. (1776) *An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations*, édition 2001, London
- TAGUIEFF, P-A. (2002) *L'illusion populiste*, Berg international, 182 p.
- TOURGUENEV, N. (1847) *La Russie et les Russes*, Paris
- ВИТТЕ, С. (1905) «Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 года», *Воспоминания: 1905 год*.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. (1925) *Психология искусства*, М.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. (1926) *Исторический смысл психологического кризиса*, М.

- ВЫГОТСКИЙ, Л. (2000) *Психология*, Апрель Пресс, Эксмо-Пресс, М.
- КОН, И. (1967) *Социология личности*, Москва, 383р.
- КОНДРАТЬЕВ, Н. (1989) *Проблемы экономической динамики*, М. Экономика
- КОНДРАТЬЕВ, Н. (1922) *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. Издательство "Наука" М. 1991
- ЛЕНИН, В. (1907) *Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов*
- ЛЕНИН, В. (1920) *Детская болезнь "левизны" в коммунизме*, Петроград
- ЛЕНИН, В. (1923) *О кооперации*
- ЛУРИЯ, А. (1974) *Когнитивное развитие: культурные и социальные основы*, М.
- ЛУРИЯ, А. (1982) "Культурные различия и интеллектуальная деятельность" *Этапы пройденного пути: научная автобиография*, М.
- МАКАРЕНКО, А. (1935) *Педагогическая поэма*, М.
- МАРКС, К. (1881) *Письма Вере Засулич*, Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Том. 19
- ПОСЕЛЬ, И., СИНЮТИН, М. (2009) «Перечитывая рукопись Дени Дидро об образовании», *Социальные проблемы. Научно-практический журнал*, №3
- СТРУМИЛИН, С. (1928) "Очерки советской экономики", М – Л.
- СТРУМИЛИН, С. (1928) "К теории планирования", *Каким быть плану: дискуссии 20-х годов*. Ленинград.
- ТОЛСТОЙ, Д.А. (1884) «Идеи о народном образовании в екатерининское время» *Исторический вестник*, т.15, № 3.
- ТРОЦКИЙ, Л. (1930) *Моя жизнь*, Гранит, Берлин
- ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ, М. (1901) *Русская фабрика*, Диссертация
- ТЮЛЬПАНОВ, С., ШЕЙНИС, В. (1974) *Актуальные проблемы политической экономии современного капитализма*, Ленинградский Государственный Университет
- УШИНСКИЙ, К. (1867) *Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии*, М. Педагогика, 1990
- ЧАЯНОВ, А. (1924) "Бюджет крестьянского хозяйства", (1918) "Организационный план крестьянского хозяйства" (1927) "О дифференциации крестьянского хозяйства", *Пути сельского хозяйства*, №5, в *Крестьянское хозяйство*, издательство 1989, М.
- ЧАЯНОВ, А. (1920) *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии*. Опубликовано под псевдонимом Иван Кремнев
- ЧАЯНОВ, А. (1922) "Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий", *Труды высшего семинария с/х экономии и политики*, №7

ЧАЯНОВ, А. (1921) "Методы безденежного учета хозяйственных предприятий", Труды высшего семинария с/х экономии и политики, №2

РОССИЯ XX ВЕКА:	1
Исторические Эскизы	1
Часть первая	3
<i>Онтогенез личности</i>	3
Понятие личности	4
Этапы жизни Павла Коновалова	4
Ближайшее окружение	5
Эндогенные и экзогенные черты характера	6
Пути развития и трансформации личности	7
Инициативность и ограничения, накладываемые обществом	8
Специфические черты жизненного пути	9
Часть вторая	11
<i>Образ жизни и труд</i>	11
Глава I	12
Жизнь в деревне	12
1.1. Из воспоминаний Павла Ивановича Коновалова	14
Образ жизни деревни Северо-западного района России	14
Мужики и кулаки. Революции 1917 года	18
Голод в городах и мелкая спекуляция между городом и деревней	19
Попытка жить земледелием	20
1919 год: коммунисты в селах	21
1.2. Крестьянский мир: постановка проблемы	22
Социально-экономические исследования крестьянских семей	22
Место сельского хозяйства в экономике России	24
организация труда и жизни: крестьянская община, кооперация, коллективизм	25
Партия эсеров и корни ее программы развития России	26
Дискуссии о будущем крестьянства и политические решения в поддержку общины и против нее	27
Понятие «натуральная экономика» и его версия – «военная экономика» 1914-1920 годов	30
Глава II	33
Город, работа и революция	33
2.1. Образ жизни и труда в Санкт Петербурге	34
Жизнь портновская	34
Вступление на трудовой путь сына портного (главпочтамт)	35
Синематограф «Венеция» в Санкт Петербурге	38
2.2. Память и история	40
Лето 1917 года в жизни Павла Коновалова	40
Масштабы времени	41
2.3. Ученичество и труд	43
Города и ремесла	43
Индустриальные формы	43
Фабрика и изба ремесленника	45
Продолжительность рабочего дня: дискуссии и переговоры в 19-ом веке	45
О труде и заработной плате портных	46
Ученичество	47
Приобретение квалификации в начале 21-го века	48
Часть третья	49
<i>Образование</i>	49
Глава III	50
Школа	50
Жизнь школьника и школьные страхи	50
Николай: талантливый самоучка	56
Сельский шкраб	57
Студенческие годы	58
Глава IV	60
Образование и развитие	60
4.1. Специфика образования в России	61
4.2. Социальная психология и педагогика	63
Психология, педагогика и экономика	63
Ребенок – субъект развития	66
Дошкольное развитие ребенка	67
Несколько замечаний в заключение	69
Часть четвертая	70
<i>Организация труда:</i>	70
<i>от дискуссии о роли профсоюзов до повседневной деятельности во время войны</i>	70
Глава V	71
Профсоюзы	71
5.1. Дискуссия, Москва, декабрь 1920 года	72
Запись 22 июля 1967 года	74
5.2. Границы между понятиями: демократия на производстве, диктатура пролетариата и единоначалие	75

Французское законодательство 1876–1884 годов	75
Краткое изложение истории рабочего движения в России	76
Откуда пришла идея милитаризации труда?	76
Единоначалие на предприятии согласно Троцкому	77
Ленин об огосударствлении профсоюзов	77
5.3. Управление, роль знаний и экономическое развитие	79
Образование трудящихся и будущее капитализма	79
Глава VI	81
Инженеры - коммунисты	81
6.1. Дальний Восток 1934 – 1939	83
6.2. Отечественная война глазами Павла Коновалова	86
Идеи камикадзе	86
П. Коновалов – инструктор инженерных войск	86
Блокадный Ленинград	88
На Белорусском фронте	89
Послесловие	92
<i>Ленинград: Ад и музыка</i>	92
Библиография	96